

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

54

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

54

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1954

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов,
Л. А. Евтюхова, А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров

І. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Л. Ю. ЯНИТС

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНСКОЙ ССР

Изучению неолитических памятников Эстонии до последнего времени уделялось мало внимания. Дело ограничивалось преимущественно сбором подъемного материала; археологические раскопки памятников производились чрезвычайно редко. Лишь после изгнания немецких оккупантов из Эстонии и в особенности после создания в 1946 г. Академии наук ЭССР открылись широкие возможности для систематического и планомерного изучения всех видов неолитических памятников. В настоящей статье автор ставит задачу дать общий обзор состояния исследования неолита в Эстонии и одновременно наметить важнейшие вопросы изучения неолита, требующие дальнейшей разработки.

Археологический материал по неолиту Эстонии, которым мы располагаем, состоит главным образом из случайных находок. В музеях хранится более тысячи каменных предметов, обнаруженных на территории Эстонии. Однако только часть их относится к неолитическому времени, остальные — к эпохе бронзы и раннему железному веку. Географическое распределение местонахождений этих предметов далеко не равномерно. Подавляющее большинство их обнаружено по берегам рек и озер, отчасти и на морском побережье, т. е. в условиях, благоприятных для рыбной ловли и охоты (рис. 1).

Особенно богат находками каменных орудий бассейн р. Пярну. Эта река и ее притоки, очевидно, были богаты рыбой, а в болотистых лесах ее низменного бассейна водились в изобилии лоси — важнейший объект охоты. Сравнительно часто обнаруживаются каменные орудия на о. Сааремаа и Муху, которые постепенно выступали со дна Балтийского моря в связи с общим поднятием материка в средних и северных частях Прибалтики. Местонахождения каменных орудий расположены здесь вдоль древних береговых линий. Богато находками каменных предметов побережье оз. Вырцъярв, в особенности его северная часть. Сравнительно много каменных орудий собрано также на побережье Чудского озера и на берегах впадающих в него рек. Значительное число неолитических орудий обнаружено, наконец, по побережью Балтийского моря, в частности по берегам впадающих в него рек (Касари, Кейла, Ягала, Нарова). Таким образом, наиболее богаты находками каменных орудий острова и низменные районы средней Эстонии, между тем как юг и север страны, за исключением береговой полосы Финского залива, дали находок мало.

Хотя распространение случайных находок и указывает в общих чертах на главные заселенные в неолите районы, поселения этого периода выявлены до настоящего времени лишь в небольшом числе. На южном побережье Финского залива обнаружены следы стоянок в дюнных песках Крооди и Ягала, несколько восточнее Таллина. В верхнем горизонте известного мезолитического местонахождения Кунда Ламмасяги собрано довольно значительное количество и неолитического материала. На северо-западе о. Сааремаа расположена дюнная стоянка Ундва. На северо-западном побережье оз. Вырцъярв недавно обнаружена стоянка Валма. В районе устья р. Эмайыги, на западном побережье Чудского озера, известны две стоянки — Акали и Кулламяги, а на юго-востоке Эстонии, вблизи города Выру, — стоянки Тамула и Вилла, расположенные недалеко друг от друга. К сожалению, нам до сих пор не известно еще ни одного поселения в самом богатом случайными находками районе Эстонии — в бассейне р. Пярну¹.

Я позволю себе остановиться на упомянутых стоянках и их инвентаре несколько подробнее.

В Крооди Харьюского района, приблизительно в 15 км восточнее Таллина, имеется возвышенность, по всей вероятности являющаяся прибрежным валом Литоринового моря. Ее образуют дюнные пески, на поверхности которых ветер время от времени то обнажает, то вновь засыпает сложенные из камней очаги. В песках Крооди отмечено до 40 таких очагов. Вблизи них собран подъемный материал: мелкие предметы из кварца и кремня, в том числе один хорошо обработанный кремневый наконечник стрелы ромбической формы. На расстоянии примерно 50 м от очагов обнаружено несколько десятков грузил, сделанных из плоских овальных камней. На противоположных краях камня имеются зарубки для привязывания его к сетям. Керамика в песках Крооди обнаружена только в виде отдельных мелких, сильно выветренных черепков. Их глина содержит примесь мелкой дресвы. Орнамент совершенно незаметен. Только на одном обломке можно разглядеть отпечатки гребенчатого штампа.

Примерно на 10 км восточнее Крооди, на берегу р. Ягала, приблизительно на расстоянии 1 км от ее устья, расположена другая стоянка². Она занимает правый, возвышенный берег реки, где позднее было построено городище. В песке, перекрытом насыпью городища, обнаружен неолитический культурный слой; в нем вскрыто пять сложенных из камней очагов. Из них четыре, диаметром 25—50 см и высотой 20—35 см, содержали в нижней части много угля. Пятый очаг был обложен камнями по краям. На песке в этом каменном круге и на юго-восток от очагов сохранились следы воздействия огня. В очагах и вокруг них было обнаружено много угля, отдельные пережженные кусочки костей, многочисленные отщепы кварца и кремня, а также обломки керамики.

Керамика представляет основную часть материала, собранного на стоянке Ягала. Большая часть черепков происходит от больших толсто-стенных круглодонных сосудов. Один из них удалось восстановить. Высота его и диаметр приблизительно 40 см; вся наружная поверхность покрыта чередующимися поясками гребенчатого и ямочного орнамента.

¹ Кроме перечисленных стоянок, на территории ЭССР обнаружены и раскопаны Н. Н. Гуриной в 1951—1953 гг. еще три неолитические стоянки на левом берегу Наровы, между городом Нарвой и Усть-Нарвой.

² A. Sprackelsen. Der Burgberg in Jaggowal, Ksp. Jeglecht, Estland. Beiträge zur Kunde Estlands, V. X, N. 1, Reval, 1924, стр. 16—32.

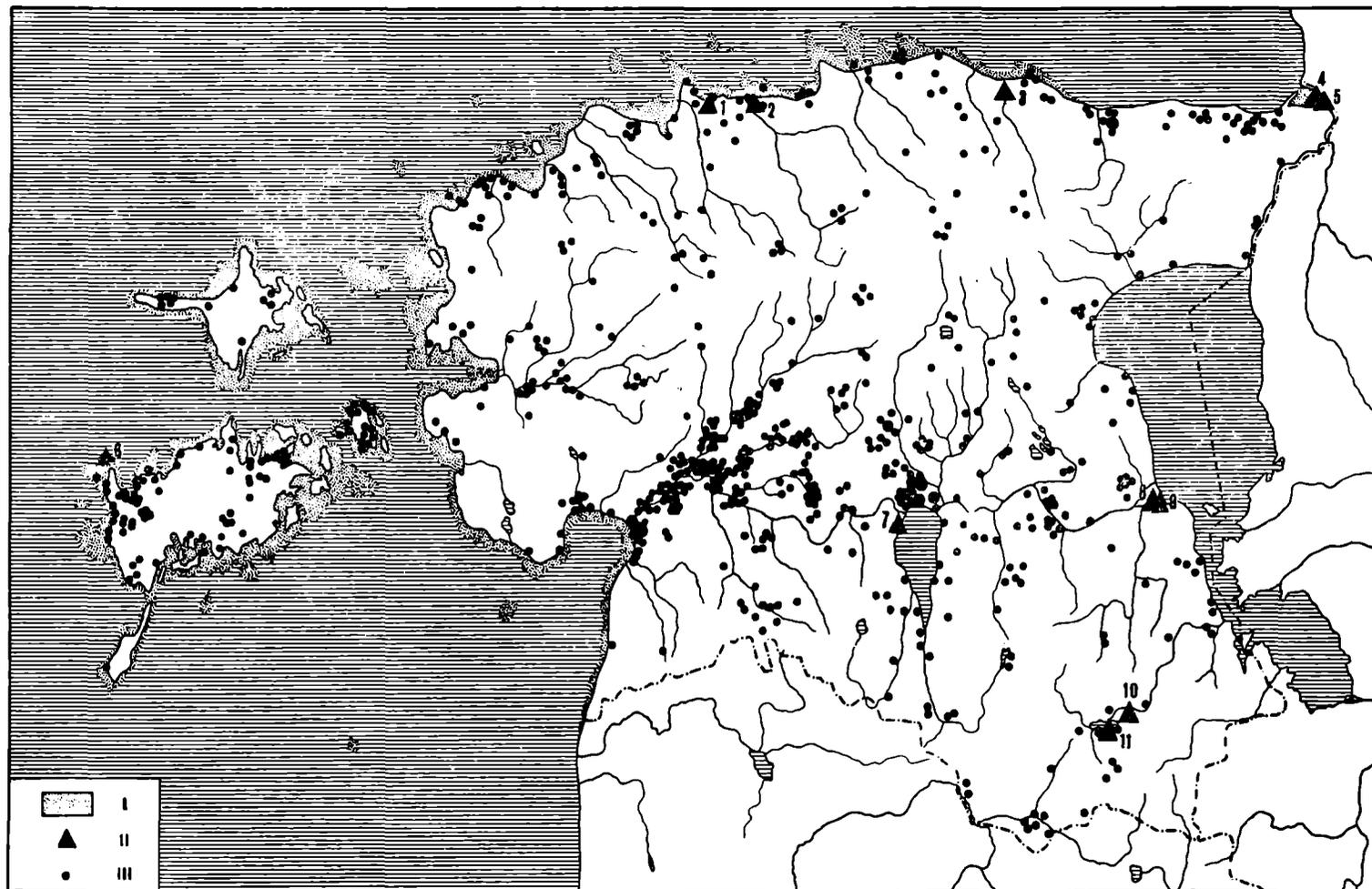

Рис. 1. Схема размещения неолитических стоянок и мест случайных находок на территории Эстонской ССР:
 I — прибрежная полоса, левая в неолите под водой; II — стоянки; III — случайные находки каменных предметов. Стоянки: 1 — Крооди; 2 — Ягала;
 3 — Кунда Ламмисяги; 4 — Нарва II; 5 — Нарва I; 6 — Уядва; 7 — Валма; 8 — Кулламяги; 9 — Акали; 10 — Вилла; 11 — Тамула.

Подобный типичный ямочно-гребенчатый орнамент в различных узорах мы встречаем и на черепках многих других сосудов из Ягала (рис. 2—3, 5, 8). Но наряду с ними встречаются и обломки с орнаментом из круг-

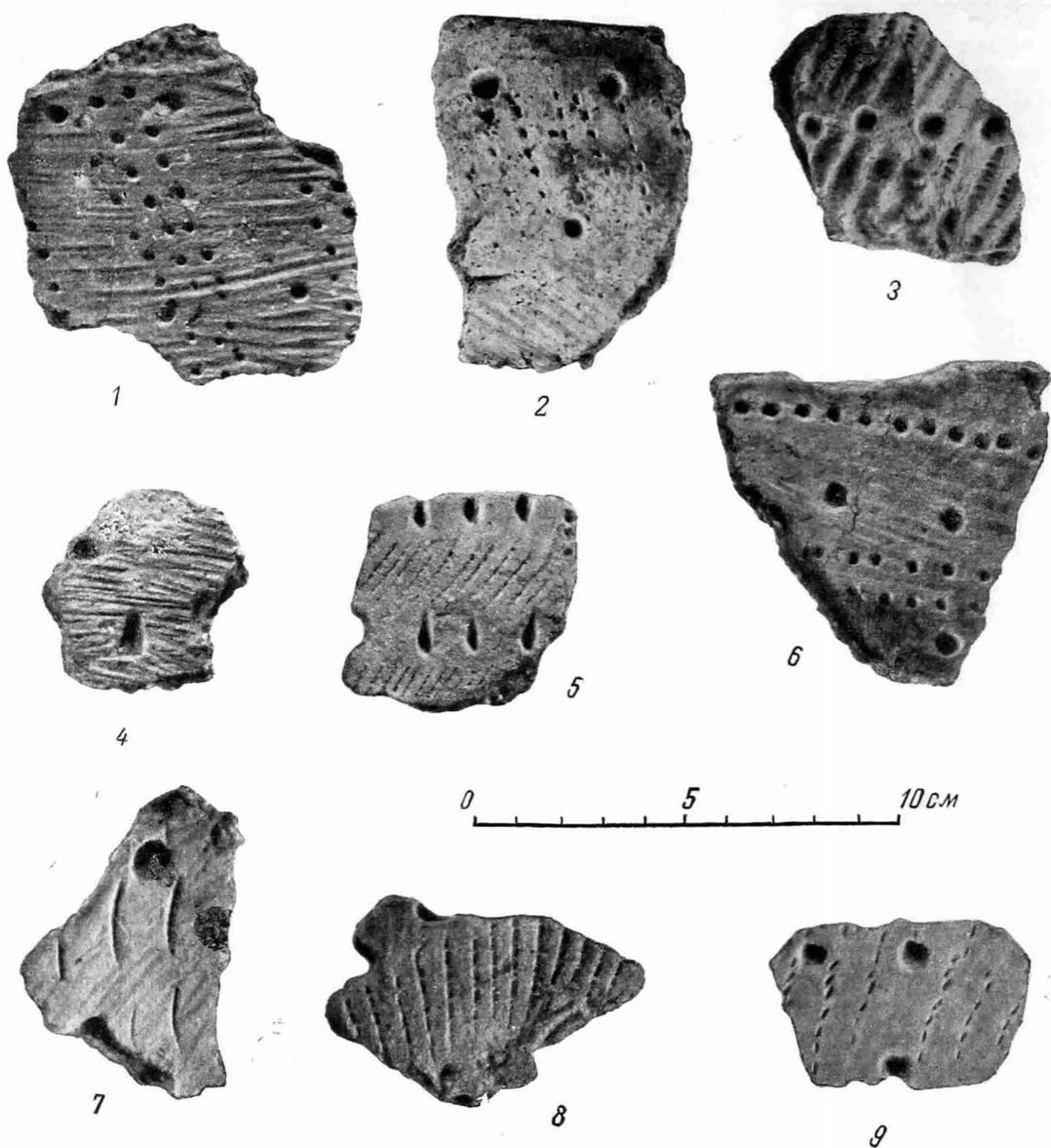

Рис. 2. Керамика со стоянки Ягала.

лых ямочек различной величины (рис. 2—1, 4, 6). Несколько черепков покрыты ромбическими ямочками, характерными для керамики окских стоянок. Своеобразен орнамент, состоящий из маленьких овальных углублений, расположенных рядами, напоминающими следы гребенчатого штампа. Ряды углублений чередуются при этом с обычными небольшими ямочками (рис. 2—2, 9). Наконец, некоторые черепки украшены штриховым узором (рис. 2—7). Соответствующий орнамент часто встречается на керамике поселений о. Готланда и материковой части Швеции. Из остального материала следует упомянуть два кусочка янтаря, из

которых один имеет форму ромбической привески. Судя по керамике, стоянка Ягала существовала в конце III тысячелетия и, вероятно, еще и в первой половине II тысячелетия до н. э.

Стоянка Кунда-Ламмасмяги Раквереского района известна в общем как мезолитическое местонахождение¹. Ламмасмяги — это холм длиной приблизительно 110 м и шириной около 70 м, возвышающийся на 4 м над окружающим торфяником, на месте которого в раннее послеледниковое время было озеро и холм Ламмасмяги представлял собой остров. Как показывает геологическое изучение его, в конце бореального или в начале атлантического периода, т. е. приблизительно около пяти тысяч лет до нашей эры, отложение озерных осадков в Кунда прекратилось; озерные воды нашли путь через отделявший их от моря прибрежный вал, и озеро сравнительно быстро спустилось. По дну бывшего озера проложила русло река Кунда, которая отклоняется от Ламмасмяги на несколько сот метров к востоку.

Изучение истории торфяника и прошлого озера Кунда дало твердую основу для определения возраста археологических находок этой стоянки. В озерных отложениях найдены в большом количестве предметы из кости, главным образом наконечники, попавшие туда при рыбной ловле. При помощи пылецевого анализа удалось установить, что отложения относятся к бореальному климатическому периоду, т. е. к VII и VI тысячелетиям до н. э. Костяные предметы со дна бывшего озера полностью соответствуют типам костяных изделий, найденных на холме Ламмасмяги. Однако там обнаружены и другие типы предметов из кости, а также различные орудия из кремня и других пород. Ранее весь комплекс обильных находок с холма Ламмасмяги, за исключением единичных предметов, случайно попавших в культурный слой, относили к VII—VI тысячелетиям до н. э. В последнее время, в результате нового просмотра материала, мы все более убеждаемся в том, что немалую часть его, найденную в верхних слоях, следует относить к неолиту.

Для инвентаря верхних горизонтов характерны хорошо отшлифованные каменные долота, в том числе несколько экземпляров с желобчатым лезвием и даже несколько обломков каменных проушных топоров. В верхних горизонтах можно наблюдать также заметное увеличение количества шлифовальных камней. Здесь же обнаружено несколько предметов из янтаря, в том числе пуговицы с U-образным сверлением, и около полутора десятков обломков сосудов. Это небольшие черепки (из них некоторые украшены ямочками и отпечатками гребенчатого штампа), не позволяющие, однако, получить ясного представления о характере орнаментации целых сосудов.

Наличие керамики, янтаря и хорошо отшлифованных каменных орудий указывает, что мы не можем считать культурный слой Ламмасмяги однородным и что он, кроме мезолитического материала, содержит также и неолитический. Холм Ламмасмяги был, следовательно, обитаем не только в мезолите, но и в неолите. К сожалению, стерильных прослоек нет и четко отличить один от другого горизонты каждой из этих эпох невозможно. К тому же в культурном слое, повидимому, произошли значительные перемещения в результате воздействия человека и природы. Следует отметить также, что в верхних горизонтах культурного слоя встречается сравнительно больше мелких кремневых изделий (скребков, ножицков), чем в нижних, где соответствующие

¹ Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, del 66, Uppsala, 1948.

предметы изготовлены в большинстве из кварца. Костяные предметы в верхних слоях сохранились лишь в незначительном количестве.

История стоянки Ламмасмяги, таким образом, достаточно сложна и не может пока быть прослежена во всех деталях. Большая часть инвентаря относится, без сомнения, к VII—VI тысячелетиям, часть же к концу III или к началу II тысячелетия до н. э. Из-за отсутствия стерильной прослойки мы не можем установить, был ли Ламмасмяги покинут в период обмелчания озера Кунда, около пяти тысяч лет до нашей эры, и позже вновь заселен или же холм был обитаем и в промежуточное время, в V—IV тысячелетиях. Решение этого вопроса затрудняется, между прочим, тем, что мы не знаем условий, в силу которых это место было вновь заселено в эпоху неолита. Обычно неолитические стоянки расположены непосредственно у воды, а Ламмасмяги находится не менее чем в двухстах метрах от р. Кунда. Кроме того, стоянка Ламмасмяги очень бедна керамикой, тогда как другие неолитические стоянки обычно изобилуют ею. Решение этих вопросов мы вынуждены отложить до проведения дальнейших исследований.

Стоянка Ундва на северо-западе о. Сааремаа находится на песчаном, спускающемся к морю откосе полуострова Таганеэме. Теперь это место отстоит от моря приблизительно на 1,5 км, но в то время, когда стоянка была обитаема, берег моря, вероятно, проходил вблизи нее. За последние четыре тысячи лет материк поднялся здесь на 12—13 м.

За две тысячи лет до нашей эры местность, в которой расположена стоянка, представляла собой островок длиной приблизительно 1 км, отделенный от остальной части Сааремаа узким проливом. Культурный слой в значительной степени смешан с песком, отложившимся в результате действия ветров. На существование стоянки указывали находимые время от времени каменные долота, осколки кремня и черепки глиняной посуды.

Раскопки памятника дали главным образом керамику (рис. 3). Выделяются, прежде всего, большие круглодонные сосуды со стенками, достигающими толщины в 1—2 см, а у основания даже 3 см. Глиняное тесто содержит примесь большого количества песка. Ямочно-гребенчатый орнамент отличается неглубокой штамповкой; он располагается одним или двумя поясками под краем. На одном сосуде встречаются обычно только ямочки или только гребенчатый узор. Иногда орнамент нанесен лишь одним концом гребенки. Внутренняя поверхность, нередко и нижняя часть наружной, покрыты штриховкой, нанесенной также гребенкой. Край сосудов узкий, скошенный к внутренней стороне.

В сравнении с керамикой других неолитических стоянок на территории Эстонии материал Ундва несколько своеобразен. Кроме керамики, обнаружены четыре небольших каменных долота, изготовленных из сланца (рис. 4—1-3). Кремневых предметов мало. Вместо кремня для изготовления скребков, ножичков и сверл использован кварц и другие местные породы (рис. 4—5-8). Изделия из кости не сохранились, за исключением одного узколезвийного долота (рис. 4—4). Найдено также несколько плохо сохранившихся кусочков янтаря, повидимому с побережья о. Сааремаа, где местами, хотя и в небольшом количестве, встречается природный янтарь. Стоянку Ундва следует отнести приблизительно к первой половине II тысячелетия до н. э.

В последние годы изучение неолита проводилось главным образом в юго-восточных районах Эстонской ССР, на побережьях озер Чудского и Вырцъярв. В 1950 г. была частично раскопана стоянка В алма в Вильяндиском районе, на северо-западном берегу Вырцъярва. Стоянка

расположена на несколько возвышающемся над окружающей местностью участке, который в настоящее время находится непосредственно за

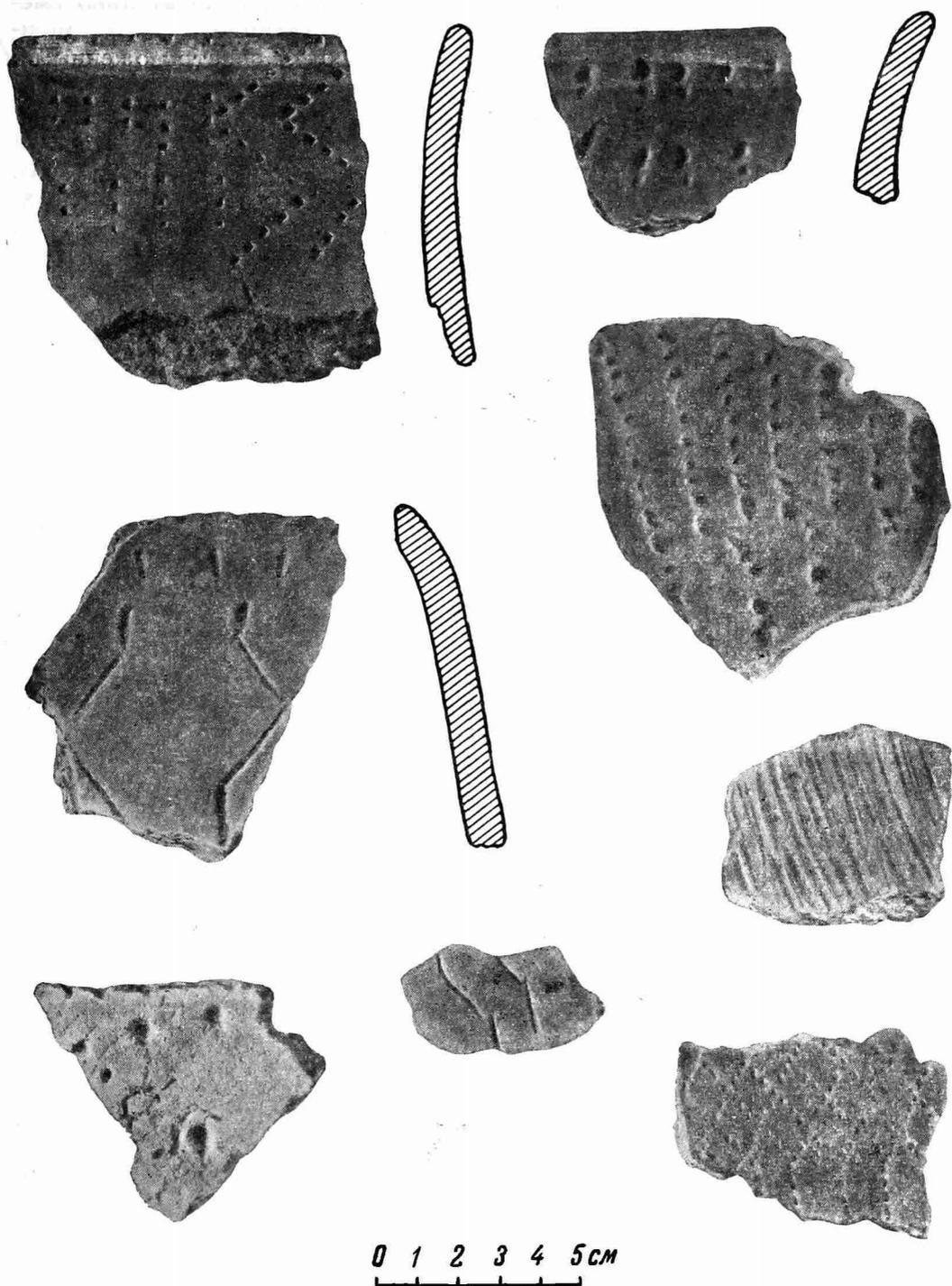

Рис. 3. Керамика со стоянки Унда.

береговым валом. Во время существования стоянки уровень воды в озере стоял, вероятно, несколько выше, причем окружающая холм ровная местность лежала неглубоко под водой.

Стоянка обнаружена благодаря керамике, которая постоянно попадалась здесь при вспашке. Культурный слой выходит на поверхность поля, и его верхний горизонт, толщиной до 20 см, основательно смешан вспашкой. Более глубокие горизонты культурного слоя, мощностью в среднем в 40—50 см, сохранились почти непо потревоженными. На стоянке произведены предварительные раскопки, причем на северном склоне холма была вскрыта площадь в 100 м². Археологический материал обнаружен главным образом в гумусном слое и в верхней части подстилающего его песка. В южной половине раскопа, где холм несколько повышается, обнаружена беспорядочная гряда камней величиной от кулака до человеческой головы. Такие камни встречаются в большом количестве на берегу озера, у самой воды. Верхняя часть гряды заходила в культурный слой, а нижняя залегала глубже в песчаном грунте.

Эта гряда камней, проходившая наискось через раскоп, обозначает, вероятно, прежнюю береговую линию озера. Уже во время существования поселения вода, по видимому, отступила, так как культурный слой простирается вниз по склону, ниже гряды. Оказалось, что непосредственно за грядой, в юго-западной части раскопа, культурный слой на участке около 1 м² залегает приблизительно на 40 см глубже, чем на других участках. Здесь мы, без сомнения, имеем дело с искусственным углублением, округлым, слегка суживающимся в глубину. Оно находилось в углу раскопа, и часть его осталась за пределами вскрытого участка. Поэтому нельзя еще сказать, что собственно представляет это углубление. Если иметь в виду, что в нем найдены обломок кремневого наконечника дротика, кремневый скребок, шлифовальный камень и несколько фрагментов керамики, то вполне возможно предположить, что оно является частью жилища типа полуземлянки.

Инвентарь стоянки Валма состоит главным образом из керамики (рис. 5—1-12). Сосуды сравнительно хорошо обожжены. Глина содержит много дресвы. Найденные обломки принадлежали круглодонным сосудам различной величины. Орнамент состоит из отпечатков гребня и глубоких круглых ямочек, расположенных преимущественно в виде поясков. Наряду с такими поясками встречаются гребенчатые ромбы и треугольники или зигзаги. Довольно часто наблюдается узор из маленьких кружков, чередующихся с более крупными ямочками. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов и доходит, по всей вероятности, до дна, так как неорнаментированных черепков обнаружено очень мало.

Кроме керамики, встречены мелкие изделия из кремня (скребки, ножики, резцы, остря). Кремневые наконечники стрел имеют продолговатую треугольную форму и суживающийся черенок (рис. 5—14-16). Упомянутый выше кремневый наконечник дротика сравнительно мал; он стройной листовидной формы (рис. 5—17). Из числа шлифованных каменных предметов найдено только несколько небольших долот, из которых одно сланцевое (рис. 5—13). Обнаружено и несколько кусков янтаря, к сожалению, очень выветрившихся. Как видно из описания инвентаря, стоянка Валма — типичное поселение конца III и самого начала II тысячелетия.

Стоянка Акали находится на западном побережье Чудского озера, на берегу р. Акали — южного притока р. Эмайыги (рис. 6). Район устья р. Эмайыги представляет собой довольно обширную заболоченную низину. В период существования стоянки почва здесь была значительно суше, хотя процесс заболачивания уже начался.

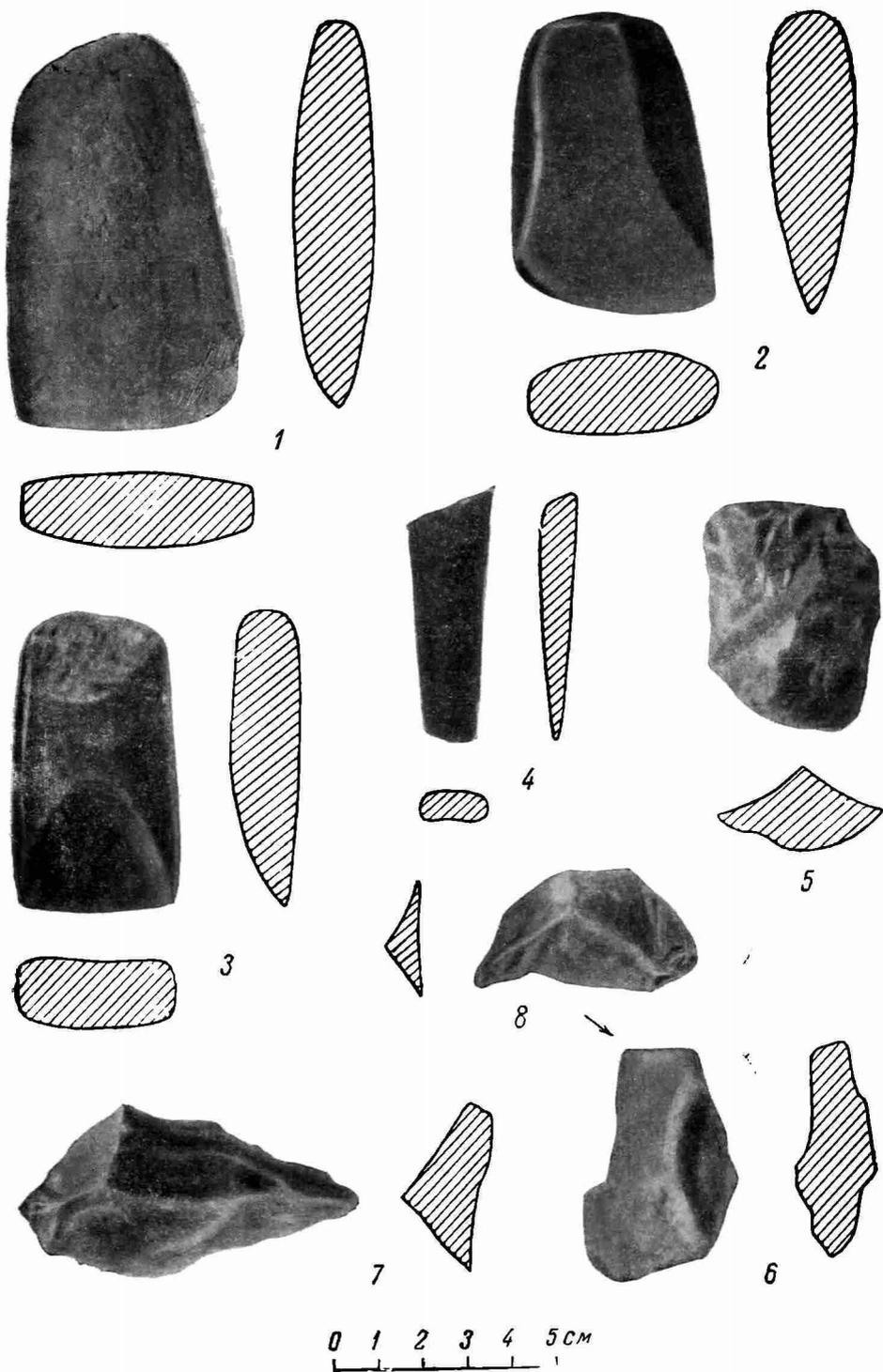

Рис. 4. Изделия со стоянки Ундва:

1, 2 — каменные долота; 3 — желобчатое долото из камня; 4 — костяное долото; 5 — скребок из кварца; 6 — резец из кварца; 7 — нож из неопределенной породы камня; 8 — каменное сверло.

Культурный слой стоянки охватывает участок длиной около 170 м и шириной в 100 м, расположенный перпендикулярно к берегу реки. В наиболее отдаленной от реки части стоянки культурный слой заходит на небольшой невысокий холм, который приблизительно на полметра поднимается над другим концом стоянки.

Раскопки Акали в небольших размерах производились в довоенное время. В 1949—1952 гг. работы были продолжены. Всего вскрыта площадь в 515 м². Выяснилось, что культурные отложения, мощностью в 0,5—0,7 м, залегают под торфяным покровом на разной глубине — в зависимости от отдаленности от реки. В наиболее близкой к ней части культурный слой залегает на глубине 2,5 м. Чем дальше от реки, тем выше он поднимается и на упомянутом нами холмике доходит до современного уровня почвы и покрыт только слоем перегноя в 15—20 см толщины. Культурный слой, который везде подстилается песчаным грунтом, состоит из черноватого торфа, смешанного с песком. Выше него залегает бурый травяной торф. Такая последовательность наслоений наблюдается в низких, прибрежных частях стоянки. В отдаленной же от реки части верхние торфяные слои становятся постепенно тоньше и исчезают около холмика, где и сам культурный слой уже не содержит торфа, переходя в буроватую супесь.

Несмотря на достаточную мощность культурных отложений, до сих пор не удалось обнаружить остатков жилых построек. Можно отметить только конусообразную, углубленную на полметра в песчаный грунт яму, заполненную темным культурным слоем. На границе подстилающего слоя песка диаметр ямы составлял 1,3 м, ниже она постепенно суживалась. На расстоянии приблизительно 50 м от ямы, по направлению к реке, обнаружен сложенный из булыжников очаг круглой формы, диаметром 0,6—0,7 м.

Инвентарь стоянки состоит из керамики, костяных и каменных орудий и изделий из янтаря. Костяные орудия сохранились только в расположенной близ реки части культурного слоя, под толстым слоем торфа.

На прилегающем к реке участке стоянки встречена главным образом ямочно-гребенчатая керамика (рис. 7). Сосуды круглодонны и изготовлены из глиняного теста, содержащего много дресвы. Орнамент часто покрывает всю поверхность сосуда, причем отпечатки гребенчатых штампов преобладают над ямочками. Отпечатки гребенки образуют либо обычные пояски, либо ряды ромбов, треугольников, ломаных линий и т. д. Круглые ямочки встречаются обычно между гребенчатым узором и не преобладают количественно. Одновременно с гребенчатым узором можно встретить и некоторые другие штампованные орнаменты.

В верхнем горизонте культурного слоя этой же части стоянки обнаружена керамика и несколько иного вида. Уменьшается относительное количество ямочно-гребенчатой керамики (рис. 8—1, 3, 7, 11). Начинают попадаться обломки шнуровой и сетчатой. Шнуровая керамика изготовлена из теста с большой примесью песка. Сосуды плоскодонны и украшены рядом обвивающихся вокруг венчика отпечатков шнура (рис. 8—4, 6). К шнуровой керамике следует отнести также единичные черепки с орнаментом в елочку, поскольку они изготовлены из такого же теста (рис. 8—5). В самом верхнем горизонте прибрежной части стоянки обнаружены единичные находки сетчатой керамики (рис. 8—8, 9, 14) и поздние варианты шнуровой (рис. 8—2, 10, 18, 20).

На более отдаленном от реки участке стоянки, где культурный слой залегает ближе к поверхности, найдено больше так называемой

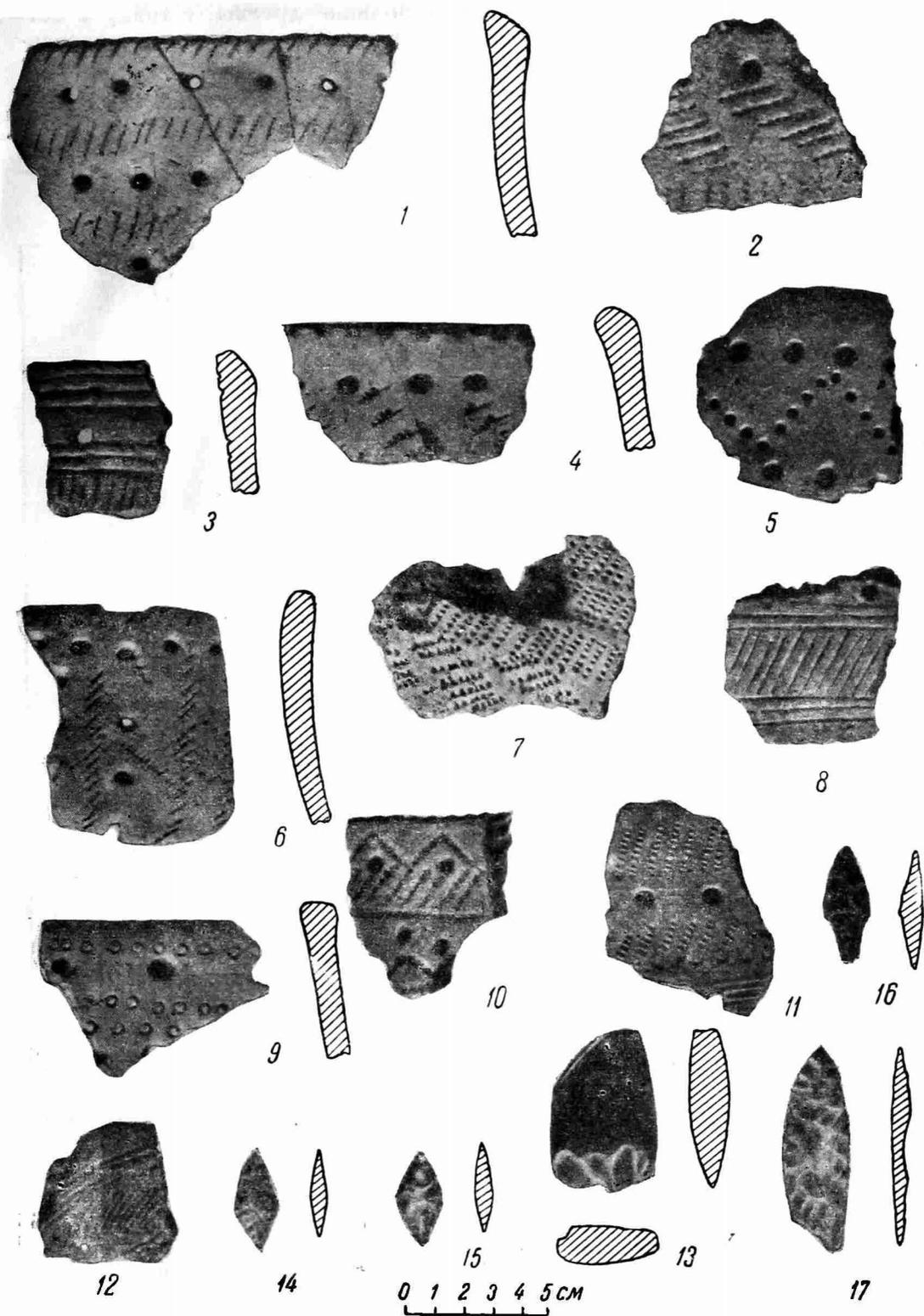

Рис. 5. Керамика и каменные предметы со стоянки Валма:

1-12 — керамика; 13 — сланцевое долото; 14-16 — кремневые наконечники стрел; 17 — наконечник дротика на кремня.

текстильной керамики. Одновременно следы отпечатков ткани становятся грубее и состав теста содержит больше дресвы. Наряду с сетчатой керамикой начинают появляться черепки посуды со штрихованной поверхностью, причем состав теста тот же, что и у сетчатой керамики (рис. 8—12, 13, 15-17). Сосуды плоскодонны, суживаются в области шейки и немного расширяются к краю. Их диаметр колеблется в пределах 15—20 см. Здесь же обнаружено еще несколько других видов керамики, но они представлены лишь единичными черепками (рис. 8—19).

Рис. 6. Расположение стоянок Акали (1) и Кулламяги (2).

Из рыболовных орудий найдены только отдельные фрагменты костяных гарпунов и поплавков из сосновой коры. Охотничьи принадлежности представлены более чем 60 кремневых и десятком костяных наконечников стрел и несколькими фрагментами наконечников дротиков. Кремневые наконечники стрел имеют преимущественно форму ивового листа, ромба или же треугольника; черенок суживается. Костяные наконечники стрел плоские и по форме напоминают широкий ивовый лист. Тщательнее выработанные кремневые наконечники найдены в отдаленной от реки части стоянки вместе с сетчатой и позднейшей гребенчатой керамикой.

Среди других кремневых предметов есть обыкновенные маленькие скребки, ножички и резцы, большинство которых найдено в прибрежной части. Обнаружено довольно много маленьких каменных долот. Для прибрежной части стоянки характерны тонкие долота с несколько вогнутым

лезвием, для отдаленной от реки — клиновидные, толстые долота с прямоугольным поперечником. Встречены сланцевые долота с поперечным

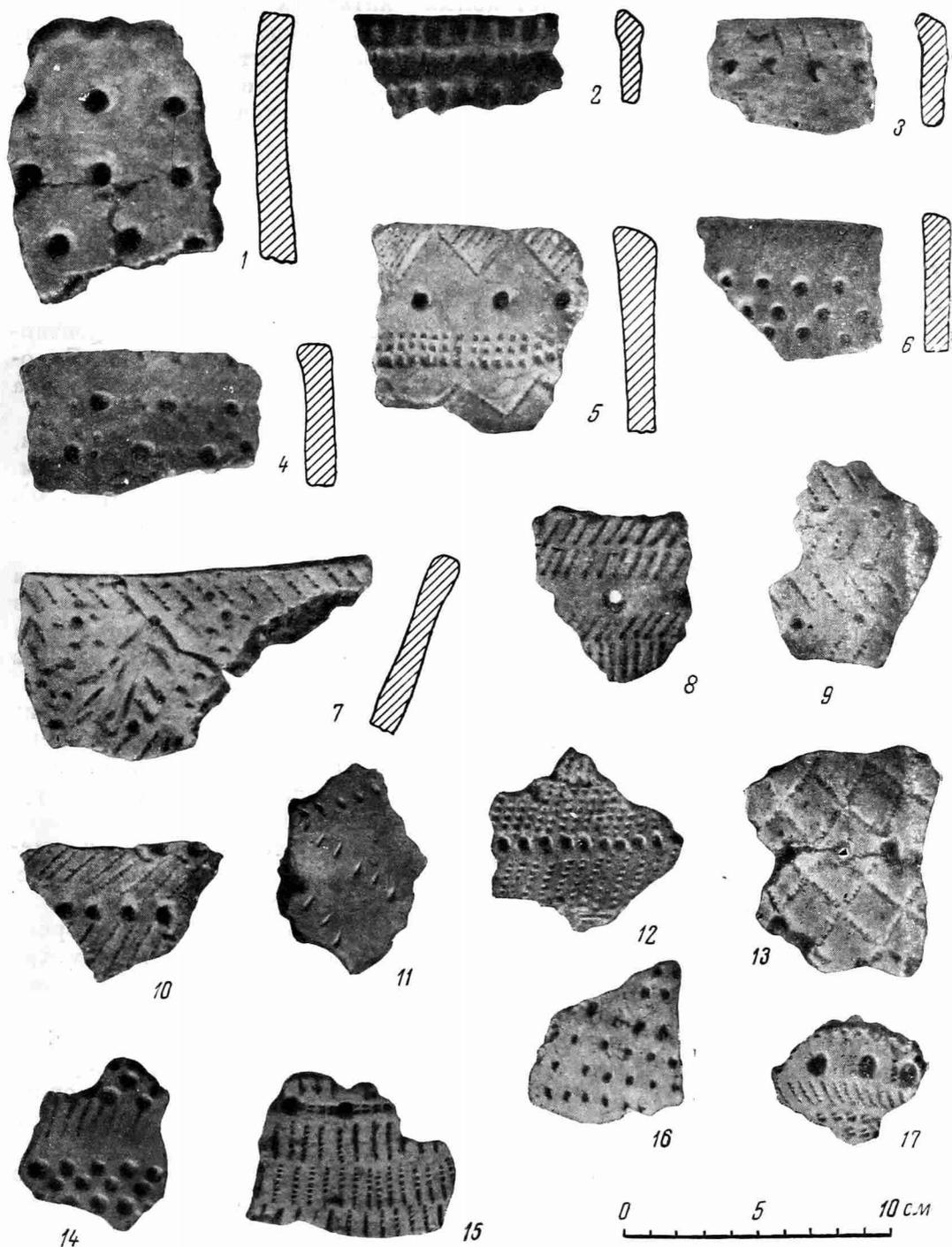

Рис. 7. Ямочно-гребенчатая керамика со стоянки Акали.

желобком над лезвием типа Krummeissel и несколько долот так называемого русско-карельского типа. Нередко попадались и костяные шилья.

Особую группу составляют предметы из янтаря; их найдено более 40 на прибрежном и в особенности на среднем участке стоянки. Это в большинстве случаев отшлифованные пластинки, на одном конце которых просверлено отверстие. Из остальных янтарных изделий упомянем пуговицы с У-образным сверлением, обломки колец, трубчатую бусину и обломок фигурки в виде головы водоплавающей птицы.

Собранный инвентарь, в особенности керамика, не оставляет сомнения в том, что стоянка Акали была обитаема в течение продолжительного времени. Наиболее древний период представлен находками из нижних и средних горизонтов культурного слоя прибрежной части стоянки; позднее центр стоянки постепенно был перенесен на расположенный выше сухой холм. Это перемещение, повидимому, вызвано подъемом грунтовых вод. Стоянка была обитаема во второй половине III и во II тысячелетии и, по всей вероятности, позднее, в I тысячелетии до н. э.

Таким образом, стоянку Акали по продолжительности ее существования и по характеру инвентаря мы можем сравнить с известной Бологовской стоянкой на Валдайской возвышенности и со стоянкой Ича в восточной Латвии.

На второй стоянке, в районе устья р. Эмайыги, — Кулламяги, расположенной на несколько километров западнее Акали на низком, окруженном болотами островке на правом берегу Эмайыги (рис. 6), раскопано в 1951—1952 гг. всего 224 м². Полученный материал аналогичен инвентарю стоянки Акали.

В юго-восточной части ЭССР, вблизи города Выру, обнаружены стоянки Тамула и Вилла (рис. 9). Здесь среди куполообразных холмов находится древняя лощина Выру-Харгла, на дне которой расположены два соединенных между собой рекой озера — Вагула и Тамула. Из Тамула вытекает река Выханду, впадающая в Псковское озеро.

Стоянка Вилла находится на берегу р. Выханду, в нескольких километрах от озера. Она обнаружена благодаря найденным во время работ по углублению русла реки керамике и костям животных. В 1951 г. здесь были произведены предварительные раскопки и вскрыт культурный слой толщиной в 0,5—0,7 м. Обнаруженный инвентарь состоит из керамики, каменных и костяных предметов и некоторых янтарных изделий. Наряду с ямочно-гребенчатой керамикой в верхних горизонтах встречены обломки сосудов со штрихованной поверхностью.

На стоянке Тамула, расположенной на низком мысу, на берегу оз. Тамула, до сих пор раскопан участок всего лишь в 62 м². Несмотря на малые размеры раскопа, обнаружен интересный и разнообразный материал. Культурный слой, мощностью в 0,3—0,4 м, покрыт слоем черного торфа толщиной в 0,2—0,5 м. Как и в Акали, слой торфа толще в прибрежных частях стоянки. Культурные отложения, содержавшие торф, песок, уголь, кости животных и рыб, подстилаются коричневым травянистым торфом, под которым, приблизительно на глубине одного метра, залегает озерный мергель.

Из-за ограниченного размера площади раскопок не удалось точно установить границы стоянки. Раскопки были предприняты только на оконечности мыса. Здесь вскрыты остатки очага в виде пятна крупного песка, смешанного с углем; очажное пятно было диаметром в 1,5 м, в нем встречались камни величиной в 10—20 см. Непосредственно рядом с очагом обнаружен конец вбитой в торфяник сваи. Приблизительно в десяти метрах от очага по направлению к берегу найдено еще пять свай, вбитых в торф. Возможно, что они являются остатками легкого жилья.

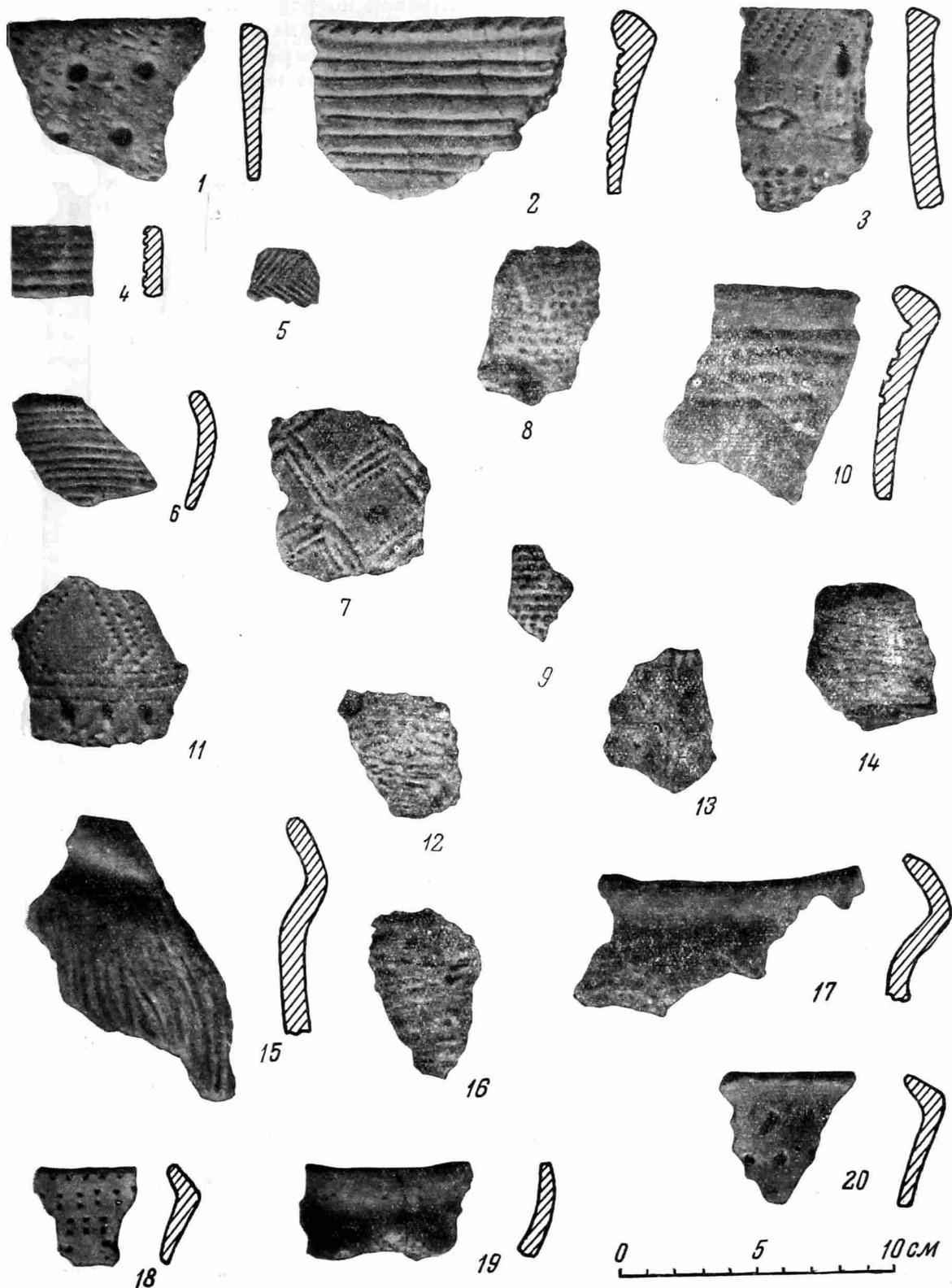

Рис. 8. Поздняя керамика со стоянки Акали.

Стоянка Тамула — до сих пор единственное неолитическое поселение, открытое в Эстонии, где, кроме типичного для стоянок инвентаря, обнаружены одновременные со стоянкой погребения¹. В культурном слое вскрыто семь костяков. Два из них находились в вытянутом, три — в скорченном положении; положение двух погребений установить было нельзя. Погребения сопровождалось могильным инвентарем, причем наблюдалось известное различие в инвентаре при вытянутых и при скорченных костяках².

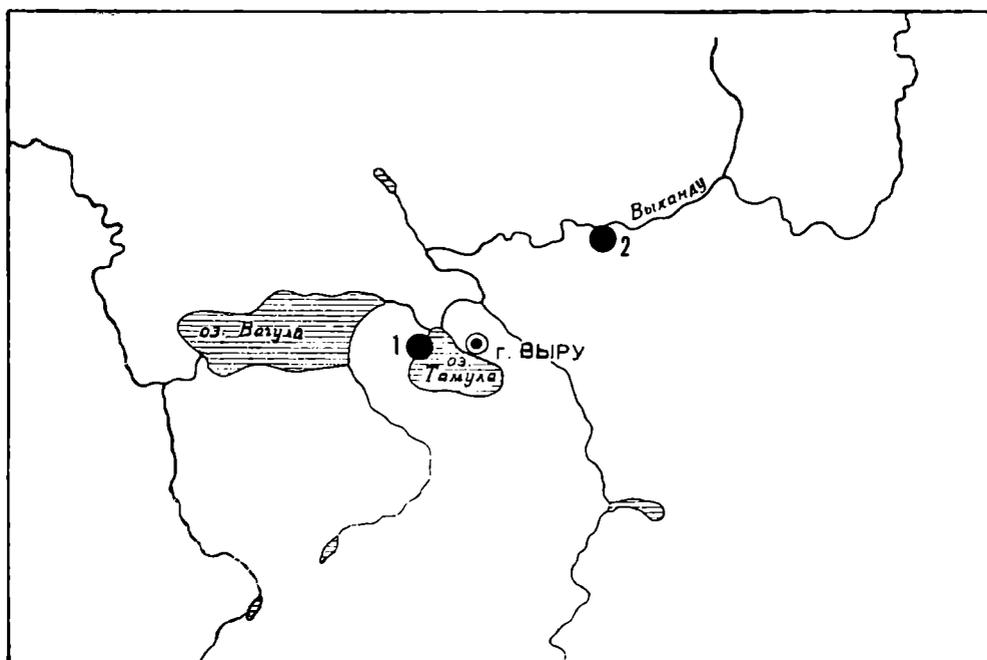

Рис. 9. Расположение стоянок Тамула (1) и Вилла (2).

Благодаря торфяному покрову в Тамула, кроме керамики и каменных предметов, сохранились и изделия из кости. Керамики сравнительно мало. Она отличается слабым обжигом и изготовлена из рыхлого, пористого теста, содержащего в некоторых случаях раковинки. Вследствие этого сохранились только мелкие черепки, которые не дают возможности определить размер и форму сосудов. Орнамент отличается расплывчатостью; он состоит преимущественно из узких гребенчатых отпечатков и беспорядочно расположенных и небрежно вдавленных ямок. Особо следует упомянуть остатки сосудов, относящихся к типу шнуровой керамики. Последняя встречается только в верхних горизонтах культурного слоя вместе с характерной для стоянки поздней гребенчатой керамикой, численно превышающей шнуровую.

Охотничьих и рыболовных орудий обнаружено мало. Среди них преобладают наконечники стрел. Найдено около десятка тонких костяных наконечников стрел в форме ивового листка, но более узких, чем в Акали. Форма кремневых наконечников стрел разнообразна. Встре-

¹ Следы захоронений были обнаружены Н. Н. Гуриной в 1952 г. в культурном слое стоянки Нарва I.

² Краткое описание этих погребений см. в статье Л. Янитса „Поздне-неолитические могильники в Эстонской ССР“. КСИИМК, в. XLII, 1952, стр. 59 и сл., рис. 19 и 20.

чено несколько обломков наконечников гарпунов с отверстием для веревки. Из рыболовных орудий следует упомянуть рыболовный крючок из кабаньего клыка и часть другого костяного сложного крючка с несколькими зубцами.

Для обработки дерева употреблялись долота, изготовленные из камня и кости. Для Тамула характерны маленькие, широкие и короткие долота из сланца. Имеется также ряд желобчатых долот и долот с поперечным желобком над лезвием. Из орудий для обработки кожи можно назвать шилья различной толщины. Кремневые скребки в Тамула имеют большей частью малые размеры, иногда они очень миниатюрны. Например, обнаружен целый ряд скребков диаметром лишь в 1 см и даже меньше.

Сравнительно большое место в инвентаре Тамула занимают культурные предметы и украшения. Упомянем пять маленьких фигурных подвесок, сделанных из костяных пластинок. К сожалению, они по большей части сохранились лишь в обломках. В двух из них можно видеть изображения, — судя по тому, что на большей, детальнее выработанной пластине ясно видны усы и борода, — мужчин. Третья костяная фигурка представляет собой голову и шею какого-то животного, по всей вероятности лося. В двух остальных фигурках, найденных при седьмом скелете, можно распознать водоплавающих птиц: одна из них стоит, другая (фрагментированная), повидимому, изображена плывущей. Кроме костяных скульптур, сохранилась схематическая глиняная фигурка со смешанными антропоморфными и зооморфными чертами.

В сравнении с другими стоянками Тамула особенно богата находками янтаря. На раскопанной площади обнаружено 30 кусков янтаря, главным образом в виде пластинок с просверленными отверстиями. При этом семь больших кусков янтаря лежали близко друг к другу, на нижней границе культурного слоя. Там же найдены костяной орнаментированный кинжал, костяная игла и десяток подвесок из зубов животных. Эти предметы составляют, вероятно, целый клад.

Несомненно Тамула — одна из позднейших неолитических стоянок Эстонии. Ее можно отнести приблизительно к середине II тысячелетия до н. э.

Большинство известных нам до настоящего времени в Эстонии неолитических стоянок относится к позднему неолиту, к концу III и к первой половине II тысячелетия до н. э. Наиболее поздней является, как уже сказано, Тамула. Стоянка Акали возникла в III тысячелетии, но продолжала существовать и в течение всего II тысячелетия и, вероятно, еще позднее. Необходимо, однако, отметить, что эта датировка рассматриваемых поселений основана не на всестороннем и детальном анализе материала, а только на предварительных наблюдениях и сравнениях. Дальнейшее изучение неолитических памятников Эстонии, несомненно, даст более точные материалы и позволит уточнить приведенную выше хронологическую схему.

Ни одна из упомянутых неолитических стоянок еще не изучена полностью, и мы располагаем пока лишь частичными материалами. Но и на основании этих неполных данных можно сделать некоторые выводы относительно уровня и направления общественно-экономического развития неолитических обитателей территории Эстонии.

Характерное для неолитических стоянок расположение непосредственно у воды свидетельствует о большом значении в жизни их обитателей рыболовства. Прибавим, что культурный слой стоянок Тамула и Акали содержит довольно много костей рыб. Рыбная ловля была в эту эпоху, несомненно, одним из основных способов добывания средств

существования. С этим как будто не согласуется факт малочисленности орудий рыбной ловли в инвентаре рассмотренных стоянок. Если, например, в мезолитических горизонтах стоянки Кунда Ламмасяги в качестве главного рыболовного орудия в большом количестве встречаются гарпуны, то в Тамула и Акали, напротив, число гарпунов очень незначительно — только единичные фрагменты этих орудий. Очевидно, ловля гарпунами уже утратила здесь прежнее значение и уступила место ловле сетью, требующей, впрочем, более организованного коллективного труда. Прямым подтверждением этого служат найденные в Крооди грузила, а в Акали — поплавок из сосновой коры. О том, что ловля сетями была известна и раньше, хотя и была менее развита, свидетельствуют находки в Сийвертси, на левом берегу р. Наровы, возле г. Нарвы. Там под трехметровым торфяным слоем были обнаружены вместе с несколькими костяными предметами поплавок из сосновой коры и грузило с обвитыми вокруг него остатками веревки из растительных волокон. Эта находка датируется примерно 5000 г. до нашей эры¹.

Вторым основным способом добывания средств пропитания была охота. Остатками охотничьего вооружения являются прежде всего многочисленные наконечники стрел и дротиков. В Акали, на более поздних участках культурного слоя, можно проследить постепенное совершенствование техники изготовления этих орудий. Основным объектом охоты, судя по остеологическому материалу торфяниковых стоянок, были лось и бобр, а в Акали также и тур. Меньше встречается костей кабана, косули и медведя.

Судя по материалам рассмотренных стоянок, их обитатели не занимались еще ни скотоводством, ни земледелием, несмотря на то, что скотоводство в Эстонской ССР было известно уже с первой половины II тысячелетия до н. э., что доказывается появлением с этого времени погребений скотоводов². Эти погребения расположены обычно недалеко от водоемов на невысоких возвышениях, окруженных естественными пастбищами. Умершие часто хоронились в скорченном положении. Кроме характерного могильного инвентаря, состоящего из боевых ладьевидных топоров и керамики с елочным орнаментом, в этих погребениях встречаются кости домашних животных — козы, овцы и свиньи. В аналогичных погребениях на территории Латвийской ССР обнаружена типичная шнуровая керамика. Стоянок, которые соответствовали бы погребениям с боевыми топорами, мы не знаем; известные же нам синхронные стоянки, как Акали и Тамула, дают в основном другой материал. Повидимому, мы имеем здесь дело с общинами, добывавшими себе средства существования различными способами. Переход к скотоводству был, таким образом, положительным процессом, охватывавшим разные группы обитателей лишь постепенно, на протяжении столетий. Одновременно с переходом к скотоводству происходит первое крупное общественное разделение труда. Часть обитателей занимается скотоводством, другая часть продолжает заниматься исключительно охотой и рыболовством. Мы не располагаем еще достаточным материалом для того, чтобы проследить в деталях развитие этого явления, но уже можем его констатировать.

Имеющиеся материалы показывают, что скотоводы и охотники-рыболовы не оставались изолированными друг от друга. Об этом свидетельствуют обнаруженные в более поздних стоянках черепки шнуро-

¹ Eesti Rahva Muuseumi Aastraamat VII, Tartu, 1932, стр. 48—67.

² Л. Янитс. Указ. соч., стр. 53—65.

вой керамики, а также украшенной елочным узором, т. е. типов керамики, характерной для погребений с боевыми топорами. В описанных стоянках обломки сосудов этого рода встречаются лишь в небольшом количестве среди керамики, отличающейся от шнуровой не только орнаментом, но и по форме сосудов, обжигу и по составу глины.

Возможно, что влияние длительных взаимоотношений между обеими группами отразилось также и в заимствованиях в погребальных обрядах. В захоронениях на стоянке Тамула погребение в скорченном положении, повидимому, относится к более позднему времени, чем в вытянутом. А скорченные костяки характерны именно для погребений с боевыми топорами.

С первой половины II тысячелетия можно констатировать заметный рост обмена. Это яснее всего видно по увеличению численности предметов из янтаря и одной из разновидностей сланца, не встречающейся в Эстонии. Привозной янтарь обнаружен почти во всех рассмотренных стоянках, причем в более древних встречаются лишь отдельные предметы из янтаря, а в более поздних их значительно больше. Еще позже обмен янтарем снова как будто сокращается и даже почти совсем прекращается. Так, в Тамула предметы из янтаря почти всегда встречались в нижней части культурного слоя, а в Акали в средней части; в культурном слое прибрежной части найдены только единичные янтарные предметы; в наиболее отдаленной от реки, позднейшей части стоянки янтаря совсем нет. Употребление сланца, напротив, непрерывно возрастает. В наиболее ранних неолитических стоянках Эстонии изделий из сланца, за исключением отдельных случайных находок, не встречается. Между тем в материалах из Акали и Тамула уже довольно много предметов из сланца, причем в Тамула количество последних в верхних частях культурного слоя больше. Повидимому, янтарь, как и сланец, обменивался, главным образом, в виде готовых изделий, так как в качестве сырья или остатков производства этот материал обнаружен на стоянках лишь в минимальном количестве. Кремень же, получавшийся также частично путем обмена (в Эстонии его мало), обрабатывался и на месте. Об этом свидетельствует большое количество отщепов. Есть основание полагать, что кремень получался, главным образом, из богатых кремнем районов Валдайской возвышенности.

Учитывая сказанное, можно констатировать значительные успехи в общественно-экономическом развитии неолитических обитателей территории Эстонской ССР. Известный прогресс (по сравнению с периодом мезолита) сказывается в усовершенствовании орудий и способов рыбной ловли и охоты, в инвентаре ранних неолитических стоянок. В эпоху позднего неолита начинается новый и очень важный процесс — возникновение и развитие скотоводства и в связи с этим начало первого крупного общественного разделения труда. Возрастает межплеменной обмен. Дальнейшее развитие хозяйства и общественных отношений наблюдается не только у скотоводов, но и у охотничье-рыболовецких племен. Их производственные орудия и навыки продолжают совершенствоваться и соответственно с этим получают дальнейшее развитие и их общественная организация.

При сравнении материала неолитических стоянок Эстонии с инвентарем стоянок того же периода на территории Латвии обнаруживается много общих черт. Это следует особенно отметить в отношении стоянок юго-восточной Эстонии и северной и восточной Латвии. Можно указать на почти полное сходство костяных предметов со стоянки Тамула и таких же изделий с расположенной на берегу р. Буртниекы стоянки

Риннюкалнс¹. Сходна также керамика Риннюкалнса и нижних частей культурного слоя Тамула. Из памятников низины р. Айвиесте и оз. Лубана в восточной Латвии заслуживает особенного внимания стоянка Ича, керамика которой по общему характеру и по многим деталям напоминает керамику Акали². Как уже сказано, обе эти стоянки являются не только одновременными, но и одинаковыми по продолжительности существования. В материалах неолитических памятников на территории Латвии при сравнении их с эстонскими неолитическими находками, наряду с общими чертами, можно было бы отметить и ряд различий. Однако такие различия наблюдаются и между инвентарями отдельных стоянок в каждой из этих республик. Недостаток материала, а следовательно, и некоторая необоснованность хронологии не позволяют с уверенностью определить, какие различия объясняются хронологическими расхождениями и какие следует считать племенными особенностями.

Из соседних с ЭССР восточных территорий наиболее обильный неолитический материал собран в районе Валдайской возвышенности, где особенно часто встречаются предметы из кремня, в числе которых имеется немало аналогий кремневному инвентарю всех стоянок Эстонии³. Этим обстоятельством подтверждается предположение о валдайском происхождении большинства найденных в эстонских стоянках кремневых предметов. Характерную картину валдайской керамики дает богатый материал стоянки Бологое, орнаментация сосудов которой в некоторой части близка узорам на керамике эстонских стоянок, но, по видимому, эта стоянка все же относится к другой местной культуре⁴.

Пока еще, к сожалению, неизвестны неолитические памятники на территории, непосредственно примыкающей к Эстонии с востока, т. е. на восточном побережье Чудского озера. Это затрудняет изучение взаимоотношений между древними обитателями Эстонии и соседних с ней восточных районов.

Вблизи северо-восточной границы Эстонской ССР расположена неолитическая стоянка Ломми, на берегу маленького притока р. Луги⁵. Немного далее на северо-восток выявлен ряд неолитических стоянок в окрестностях Ленинграда — Сестрорецк, Тарховка, Лахта⁶. Севернее открыто много неолитических памятников в юго-западной части Карело-Финской ССР, а также на территории Финляндии⁷. Не входя в подробности, заметим только, что обнаруженная в них керамика имеет много общих черт с керамикой стоянок Эстонии. Соответствующий инвентарь стоянок каргопольской культуры и бассейнов верхней Волги и Оки уже значительно отличается от эстонского.

Изучение неолита на территории Эстонии только начинается. Как видно из настоящего обзора, наши сведения в этой области очень недостаточны. Остается еще много неясного. Назовем лишь несколько

¹ Большая часть материалов из Риннюкалнса хранится в Археологическом музее Института истории АН ЭССР в Таллине (№ 1185, 1234, 1368, 1392), другая часть — в Государственном центральном историческом музее Латвийской ССР в Риге.

² Материалы из Ича хранятся в Государственном центральном историческом музее Латвии в Риге.

³ Например, в коллекции Рериха в Государственном Эрмитаже (№ 1484—1502).

⁴ А. А. Спицын. Бологовская стоянка каменного века, ЗОРСА, т. V, СПб., 1903, стр. 239—277, табл. XXXIII—XLIII.

⁵ Археологический музей Института истории АН ЭССР в Таллине (№ 3810, 3867).

⁶ Государственный Эрмитаж (№ 1138, 1344, 1402) и Музей Антропологии и Этнографии АН СССР в Ленинграде (№ 2676, 3998, 5206).

⁷ A. Europaeus-Åyräpää. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland. Acta. Arch., v. 1. København, 1930, стр. 165—190; 205—220.

основных вопросов, касающихся неолита не только территории Эстонии, но и соседних братских республик; разрешение их особенно важно в дальнейшем ходе работ:

1. Переход от мезолитической культуры (Кунда) к неолиту и ранняя пора неолита на территории Эстонской ССР и в других районах советской Прибалтики. Мы знаем ряд местонахождений мезолита, относящихся примерно к VII—V тысячелетиям до н. э. Известные нам неолитические стоянки относятся, согласно нашей датировке, ко второй половине III тысячелетия и к более позднему времени. Памятники промежуточного, ранненеолитического периода, т. е. IV тысячелетия и первой половины III тысячелетия, до сих пор совершенно не известны.

2. Детальная разработка вопросов развития общественно-экономических отношений в эпоху неолита, в частности вопросов развития родоплеменной организации и этнических группировок.

3. Связанные с возникновением скотоводства и первобытного земледелия изменения в производстве, образе жизни, хозяйстве, общественной организации, идеологии и, вероятно, также в этническом составе населения. Каковы были эти изменения, как они происходили и как долго продолжался переход к новым типам хозяйства?

4. Связь между открытыми неолитическими стоянками и появляющимися позднее, в позднем бронзовом веке, укрепленными поселениями. Между этими памятниками, как и между памятниками мезолита и неолита, имеется хронологический разрыв (конец II и начало I тысячелетия до н. э.), который на основании имеющегося материала мы не можем еще объяснить.

5. Не только уточнение, но и в значительной мере обоснование периодизации и датировки неолита.

Для разрешения указанных проблем недостаточно материалов с одной лишь небольшой территории Эстонской ССР. Изучение неолита в Эстонии должно проводиться совместно и координированно с исследованиями соответствующих памятников в соседних братских республиках.

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

КУРГАНЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В БАССЕЙНЕ РЕКИ СУЛЫ

(По раскопкам И. А. Линниченко)

Профессор Новороссийского университета И. А. Линниченко произвел в 1898 г. раскопки нескольких скифских курганов в бассейне р. Сулы. Результаты исследований были сообщены им на заседании Одесского общества любителей истории и древностей¹. В „Киевской старине“ появилось краткое сообщение об этих раскопках с уведомлением, что вещи из раскопок Линниченко были переданы в Киевский музей древностей и искусств².

Золотые украшения и бронзовое зеркало с изображениями нагой женской фигуры и сфинкса опубликованы Ханенко³. Большая часть найденных вещей осталась неизданной. Коллекция значительно пострадала во время гитлеровской оккупации. Многие вещи лишились паспорта, некоторые оказались поврежденными, часть утрачена. К счастью, в фотоархиве ИИМК сохранились фотографии планшетов с нашитыми на них неизданными вещами из раскопок Линниченко⁴.

В результате сопоставления описания предметов в опубликованном отчете И. А. Линниченко с каталогом Киевского музея, фотографиями вещей в архиве ИИМК и вещами, сохранившимися в Киевском музее и опубликованными в „Древностях Приднепровья“, нам удалось в значительной степени восстановить отдельные комплексы раскопанных И. А. Линниченко погребений⁵.

¹ И. А. Линниченко. Археологические исследования летом 1898 г. ЗООИД, т. XXII, протокол 312 заседания, стр. 11 и сл.

² „Киевская старина“, 1901, кн. 11 (ноябрь), стр. 211.

³ Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, в. III. Киев, 1900, табл. XLVI, р. 3516.

⁴ Фотоархив ИИМК, № III 7486/2142, III 7487/2143, III 7489/2145, III 7490/2146, III 7491/2147, III 7492/2148.

⁵ Документация такова, что трудно установить, в каком из курганных могильников бассейна Сулы были произведены раскопки. В отчете, опубликованном в ЗООИД, Линниченко сообщает о раскопках им четырех курганов у с. Волковцы и двух у с. Великие Будки, об этом же информирует археологическая летопись „Киевской старины“ (№ 4, 1889, стр. 55). Однако в выступлении по докладу Д. Я. Самоковсера на VIII археологическом съезде (Тр. VIII АС, т. IV, стр. 155—156) Линниченко, упоминая о тех же находках, говорит, что они были найдены при раскопках у с. Великие Будки. В „Киевской старине“ за 1901 г. сообщается, что вещи, переданные в Киевский музей, происходят из одного из раскопанных курганов между селами Великие Будки и Аксютенцы, и, наконец, в каталоге Киевского музея они записаны как найденные при раскопках курганов у с. Малые Будки. Не имея возможности установить истину, мы руководствуемся данными наиболее полного и подробного отчета И. А. Линниченко в ЗООИД.

Погребения в курганах № 1 и 2 у с. Волковцы и в курганах № 1 и 2 у с. Великие Будки оказались полностью разрушенными. Незначительные находки, собранные здесь, не сохранились.

В кургане № 3 (высота 2,8 м, окружность около 60 м) была открыта могильная яма размерами 3 × 2 × 2 м с обожженным дном. В северо-восточном углу находился глиняный сосуд, рядом у восточной стены лежали кости животных и железный нож, ближе к середине — обломки костей и костяные псаали; в юго-восточном углу найдены железные удила с костяными псаалиями, а у юго-западного угла — железное копые. От скелета погребенного сохранились лишь незначительные остатки костей.

Из вещей, найденных в этом кургане, нам известны по фотографии из архива ИИМК только костяные псаали (рис. 10—1-4). Два из них (рис. 10—2, 4) — с изображением головок барана на одном конце, исполненных в обычной манере, с крупным круто загнутым выступающим рогом; ноздри и пасть обозначены двумя рельефными овалами. На противоположном конце дано схематично выполненное копыто. Верхняя сторона псаалий гладкая, в нижней имеются три округленных выступа, соответствующие местам отверстий. Между крайними выступами и концами псаалий с нижней стороны сделаны поперечные насечки.

Два других псаалия непарные. На одном (рис. 10—3) изображена головка зверя (кошачьей породы) с торчащим ухом. Противоположный конец приострен. Расширяющаяся в месте отверстий часть псаалия имеет прямолинейные контуры; что изображено на конце четвертого псаалия (рис. 10—1) — не вполне ясно, может быть, это голова коня; на противоположном конце приостренное копыто, с нижней стороны в местах отверстий округленные выступы.

Костяные псаали описанных типов — обычная принадлежность мужских погребений VI в. до н. э. на Посулье¹.

Особенно интересным оказался курган № 4 у с. Волковцы. Высота его 7,81 м, окружность основания около 70 м. В кургане четыре могилы: основная (№ 4) в грунтовой яме, две (№ 1 и 2) в верхней части насыпи, перпендикулярные друг к другу в виде буквы Т; могильное сооружение погребения № 2 на 0,7 м ниже гробницы № 1. Могила № 3 открыта непосредственно под склепом погребения № 1.

По числу впускных погребений этот курган выделяется из общей массы скифских курганов, обычно содержащих только одиночные основные могилы². Лишь изредка в них сооружались впускные гробницы (не более одной), которые во многих случаях сохранились неразграбленными в отличие от центральных (основных) погребений. Наиболее ярким примером служат боковые могилы в курганах Солоха и Мордвиновском.

На Суле известно несколько впускных могил в насыпях более ранних скифских курганов. Все они не были разграблены и содержали богатые погребения V—IV вв. до н. э.³

¹ В. А. Ильинская. Старшая Могила — памятник архаической Скифии. Археология, т. V, Київ, 1951.

² Термин „скифский“ употребляется в условном смысле для обозначения эпохи, а не этнической принадлежности.

³ Курган № 3 в урочище Стайкины Верх у с. Аксютенцы (Д. Я. Самоковасов. Могилы Русской Земли, М., 1908, стр. 102); курган № 2 у с. Аксютенцы, раскопки С. А. Мазараки (А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II, стр. 162); курган у с. Аксютенцы, раскопки Мазараки в 1905 г. (Отчет Московского исторического музея за 1906 г., стр. 14 и сл.). К этому же числу следует отнести курганы у с. Волковцы № 1 и у с. Будки, раскопанные Мазараки в 1897 г. („Древности Приднепровья“, вып. II, стр. 6—7);

Устройство погребений в насыпях, вопреки существующему обычаю, по всей вероятности объясняется стремлением надежнее скрыть гробницы и предохранить их от разграбления.

Описание погребений в кургане № 4 у с. Волковцы дается нами в обратном, чем у И. А. Линниченко, порядке, а именно № 4, 3, 2 и 1.

Погребение № 4 (основное) находилось в могильной яме под насыпью кургана. Размеры ямы не указаны. В северо-западной части могилы лежали в беспорядке кости скелета. У левой ноги находился железный кинжал с ручкой, здесь же крупная костяная орнаментированная бляха, бронзовая бляшка, изображающая лошадиную голову, куски деревянного колчана с несколькими бронзовыми, одним костяным и одним железным наконечниками стрел. В юго-западном углу могилы обнаружен плохо сохранившийся череп, возле которого — золотая серьга конусообразной формы, „подобная найденным в первом верхнем склепе“ (рис. 11—7-11). На дне могилы была небольшая канавка (около 18 см ширины и глубины), идущая с востока на запад; в ней собрано несколько костяных украшений, „выделанных из костей дикой кошки или рыси“. Из указанных выше находок:

1. Железный кинжал, повидимому, распался, так как его не оказалось ни на фотографии, ни в каталоге Киевского музея.

2. Костяную бляху, которую Линниченко считал принадлежностью пояса, очевидно, следует сопоставить с изображенной на фотографии архива ИИМК (рис. 10—7) круглой плоской костяной бляхой с небольшим отверстием в центре, украшенной циркульным орнаментом.

3. На фотографии архива ИИМК есть изображение бронзовой бляшки в виде головки коня в фас на кубическом основании со сквозными отверстиями для перекрещивающихся ремней (рис. 10—8). Изображение этой же бляхи из собрания И. А. Линниченко сохранилось в зарисовках вещей Киевского музея, сделанных до войны Б. З. Рабиновичем. Подобного рода бляхи известны из ранних курганов у сс. Поповки и Гуляй-Города¹.

4. В числе предметов из собрания Линниченко в каталоге Киевского музея под № 14542 записаны 15 бронзовых наконечников стрел. Изображение 15 наконечников имеется на фотографии архива ИИМК (рис. 10—12-16). Судя по тому, что ни в каком другом погребении, раскопанном Линниченко, наконечники стрел найдены не были, их можно отнести к описываемому погребению. Все они одного типа, называемого „башенным“, относящегося к концу VI—началу V в. до н. э. Наборы стрел этого типа встречены, например, в кургане № 7 у Опишлянки (Витова могила) и в кургане № 13 у с. Деревки². Изображений костяного и железного наконечников нет, не занесены они и в каталог музея.

5. На фотографии архива ИИМК помещены две просверленные подвески из зубов животных (рис. 10—5, 6), что соответствует каталогу музея.

Время этого погребения не вполне ясно. Костяные подвески из зубов хищных животных, костяная круглая бляшка, бронзовая бляшка в виде конской головки, наличие в колчане костяного и железного наконечников стрел — все это признаки, характерные для погребения

правда, в этих случаях могилы ниже насыпей открыты не были, но можно полагать, что, найдя богатые неразграбленные гробницы в насыпи, Мазараки не предпринял поисков более ранних могил в грунтовых ямах.

¹ Курган № 10 у с. Поповки (А. А. Бобринский. Указ. соч., т. II, табл. XXIV, рис. 12, 13), курган № 38 у Гуляй-Города (там же, т. I, табл. VIII, рис. 4).

² Zakharow. Zaretsky's Excavations. ESA, т. VII.

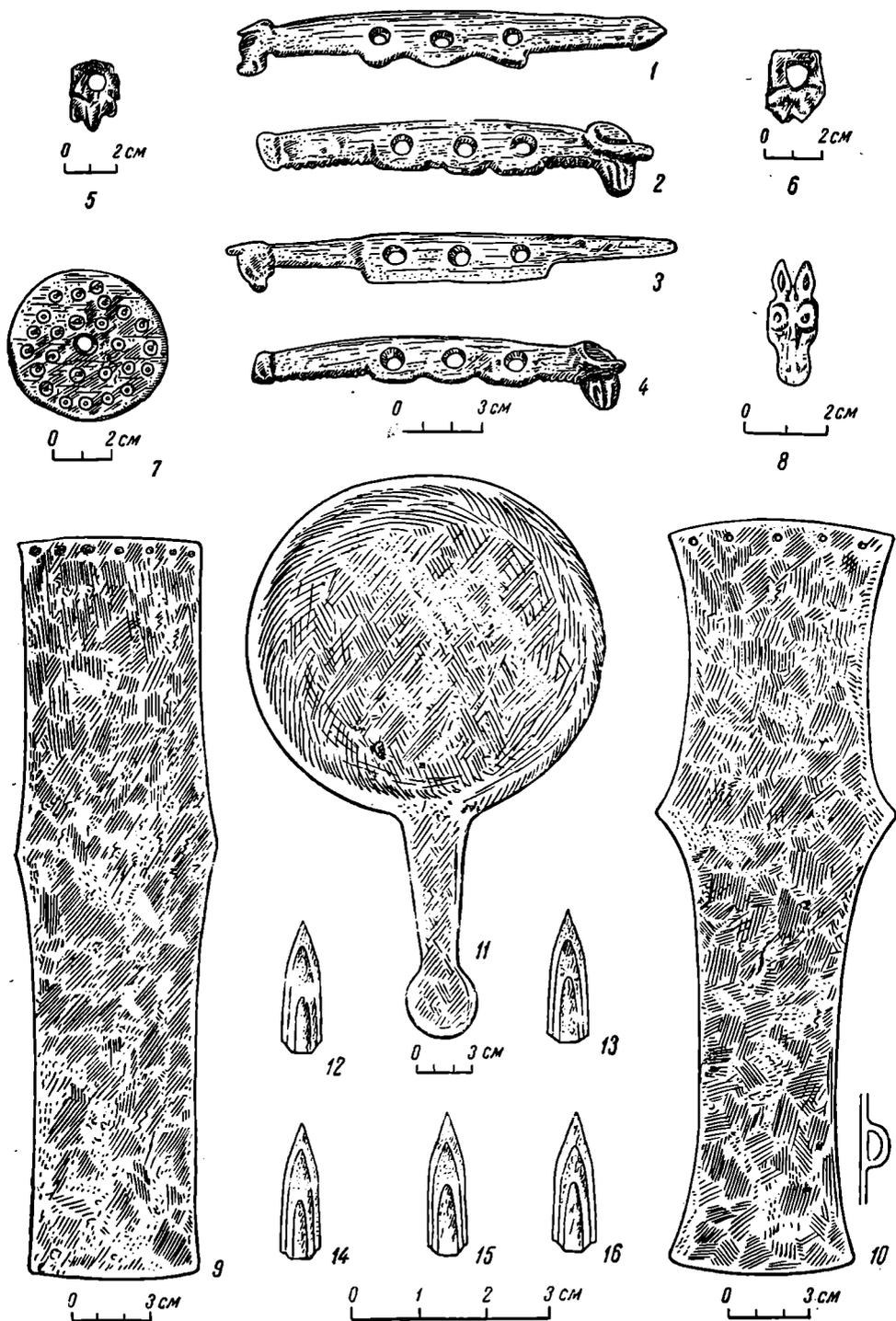

Рис. 10. Предметы из курганов у с. Волковцы:

1-4 — костяные псалмы; 5-8 — подвески и бляшки; 9-10 — налобники; 11 — бронзовое зеркало; 12-16 — бронзовые наконечники стрел (1-4 — курган № 3; 5-8, 12-16 — из погребения № 4 в кургане № 4; 9-10 — из погребения № 2 кургана № 4).

бений VI в. до н. э. Однако набор наконечников стрел (если только предположение о принадлежности их этому погребению правильно, в чем, впрочем, нет уверенности) указывает на время не раньше конца VI в. до н. э.; об этом же свидетельствует находка золотой конусо-видной серьги, подобной найденной в верхнем склепе.

Погребение № 3 находилось в насыпи ниже погребения № 1. Размеры могилы не указаны. У западной стороны могилы обнаружены два разбитых глиняных лепных сосуда — миска и сосуд „формы макитры“, орнаментированный у горла вертикально идущими рельефными полосками. Кроме того, найдены двое железных удил с железными пса-лиями. Ни один предмет из этого погребения не сохранился и изображений их не имеется.

Погребение № 2 находилось в склепе, „густо обложенном деревом“; размеры его $4,5 \times 1,25$ м. В западной стороне его были найдены большая остродонная двуручная амфора, глиняный кувшинчик, два терракотовых сосуда, два бронзовых гладких налобника и бронзовое зеркало. Бронзовые налобники и зеркало хранятся в Киевском музее; изображения их имеются на фотографии архива ИИМК. Налобники отличаются друг от друга незначительными деталями. Один из них (рис. 10—9) имеет вид продолговатой пластины, около 30 см длины, с семью отверстиями для нашивания по одной из узких сторон. В средней части, несколько ближе к стороне с отверстиями, — ромбовидное расширение. На обратной стороне пластины у противоположного конца приделана продольно расположенная петля. Другой налобник (рис. 10—10) отличается тем, что ромбическое расширение у него несколько уже, стороны менее изогнуты, отверстий для прикрепления только пять.

Повидимому, склеп можно отнести к V—IV вв. до н. э. Об этом свидетельствует отсутствие в комплексе вещей архаического типа при наличии большого числа греческих сосудов, импорт которых на Посулье возрастает в классическое и раннеэллинистическое время.

Погребение № 1 наиболее интересное. Верхняя часть его была обнаружена в насыпи на глубине 2,4 м, а само погребение открыто на глубине около 3 м. Склеп ориентирован с севера на юг, размеры его $5 \times 3,5$ м. По бокам и сверху он был обложен деревом, дно покрыто речным утрамбованным илом. Над деревянным перекрытием, повидимому, был зажжен костер, так как на глубине 2,4 м вместе со следами деревянных частей склепа встречалось обугленное дерево и известь. На костях погребенных и вещах, находившихся в могиле, следов действия огня не отмечено. В могиле обнаружены два скелета, лежавшие рядом в вытянутом положении, черепами на юг.

Устройство погребального сооружения в виде деревянного склепа, ориентированного по длине с севера на юг, и ориентировка захоронений на юг типичны для курганов посульской группы. Столь же характерно для местного погребального обряда наличие следов кострища над могилой, встречающегося иногда над деревянным перекрытием, иногда на специально устроенных над могилой глиняных площадках. В качестве символов огня в погребениях нередко используются известь, зола, красная краска¹.

¹ Курганы № 3—15 у с. Поповки (А. А. Бобринский. Указ. соч., т. II, стр. 168); курган № 1 у с. Волковцы и курган у с. Будки („Древности Приднепровья“, в. II, стр. 6—7); курганы № 1, 2 у с. Аксютенцы (А. А. Бобринский, т. II, стр. 162); курганы № 14, 15, 17 в урочище Стайки Верх у с. Аксютенцы (Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., стр. 108); курган № 1 у с. Великие Будки, раскопки С. А. Мазараки в 1886 г.; курган № 1 у с. Великие Будки, раскопки И. А. Линни-

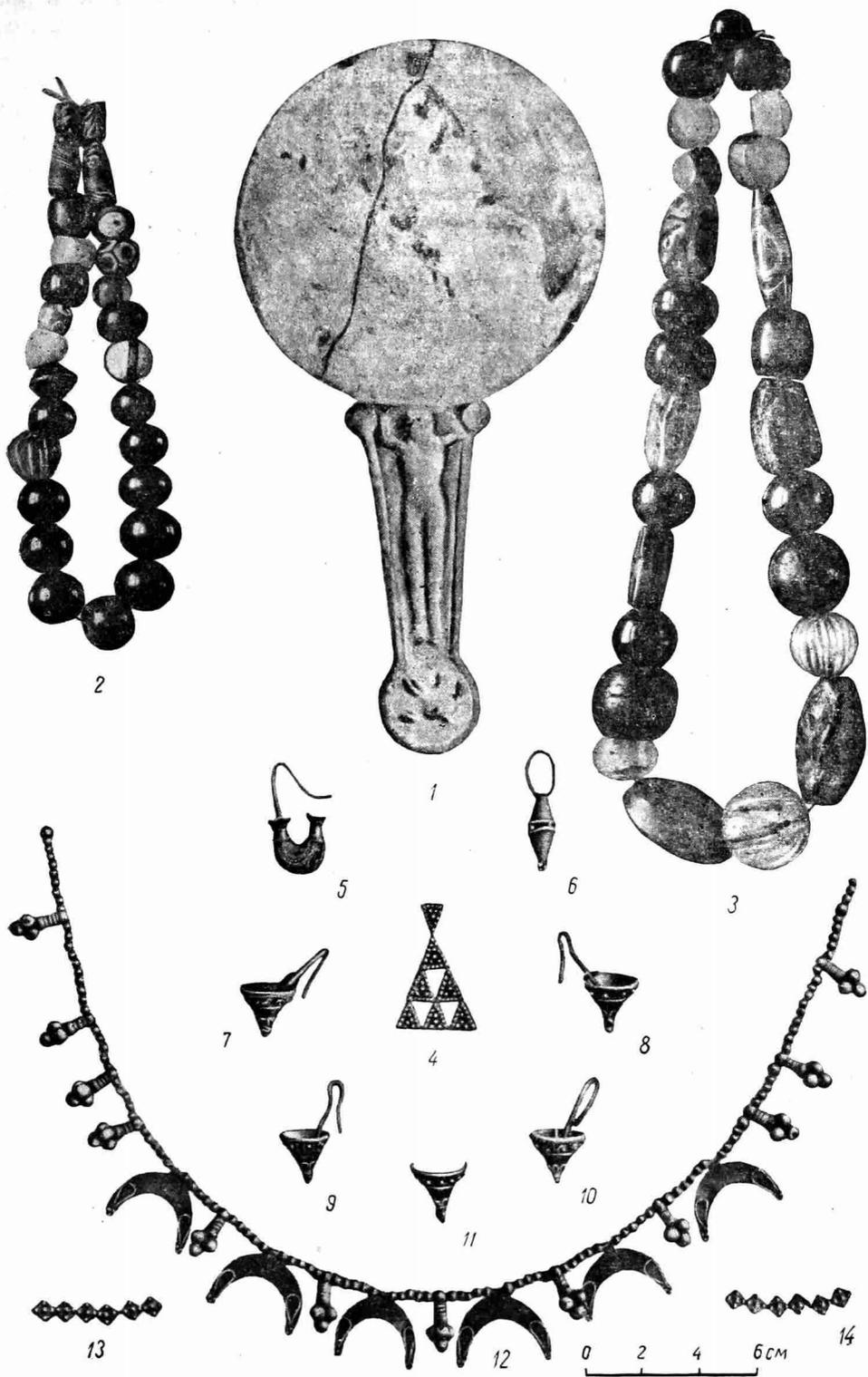

Рис. 11. Предметы из погребения № 1 в кургане № 5 у с. Волковцы:
 1 — зеркало; 2—3 — ожерелья; 4 — бляшка; 5, 6 — серьги; 7—11 — золотые серьги конусообразной формы;
 12 — золотое ожерелье; 13, 14 — золотые бляшки.

При скелете, лежавшем ближе к восточной стене склепа, найдены следующие вещи: у головы, слева и справа, золотые серьги в виде опрокинутого конуса; на шее ожерелье из различных бус, среди которых 16 сердоликовых, 8 из разновидности сердолика, называемой карнеоломом, 6 из горного хрусталя, 4 из халцедона, 1 из оникса, 1 из слабо обожженной глины, 6 из бурого угля, 9 бус „искусственного производства“ (всего 51 бусина); на руках железные браслеты, обтянутые золотым листком со следами орнамента; на костях ног большие бронзовые браслеты; у таза бронзовое зеркало с ручкой, у правой ноги большой разбитый глиняный сосуд с двумя ручками.

У скелета, лежавшего ближе к западной стене, найдено: у черепа золотые серьги — одна в виде конуса, другая „формы триремы, или казацкой трубки-люльки, подобная найденной И. Е. Забелиным в Чертомлыцком кургане“¹; в области шеи золотое ожерелье из мелких золотых бус, подвесок и лунниц; на груди несколько золотых бляшек; на ногах бронзовые браслеты; у левой стороны груди небольшой терракотовый сосуд; на уровне таза костяная ручка с вставленным в нее кусочком железа (шило, нож?); между головами обоих скелетов еще одна пара золотых бус конусовидной формы, а на уровне таза несколько бронзовых булавок.

С правой стороны от скелета у восточной стены лежал бронзовый конический предмет с 26 дырочками у основания. На некотором расстоянии от него находилось 26 бронзовых колокольчиков, которые были, повидимому, подвешены к конусу. Между конусом и колокольчиками лежали предметы конского убора: два бронзовых орнаментированных налобника, бронзовые бляхи и железные удила с бронзовыми псалиями. Остановимся более подробно на перечисленных выше находках.

1. Золотые серьги. По сообщению Линниченко, в погребении найдено пять серег конусовидной формы, четыре — попарно и одна в паре с серьгой другого типа. Шестая, подобная же серьга обнаружена, как упоминалось, в нижней, четвертой могиле этого же кургана. Пять золотых конусовидных серег опубликованы Ханенко², четыре из них целые, пятая сломанная (рис. 11 — 7-11). Они имеют вид опрокинутого конуса, к вершине которого с внутренней стороны при помощи петли прикреплена высокая подвижная дужка. Наружная сторона украшена сканным узором: по верхнему краю идут два пояса плетенки и между ними ряд двойных спиральных завитков; в центре каждого из них напаян золотой шарик; вершина украшена пирамидкой из пяти шариков, а часть конуса у вершины — розеткой из золотой проволоки.

Две подобные серьги найдены в одном из посульских курганов, раскопанных С. А. Мазараки³. Такая же серьга встречена в верхнем склепе кургана № 3 у с. Аксютенцы⁴. Последнее погребение датируется первой половиной V в. до н. э. по найденному в нем греческому бронзовому зеркалу с изображением головы медузы на ручке.

Несколько сложнее вопрос о второй серьге, найденной в паре с конусовидной у черепа западного скелета. Помимо пяти конусовидных серег, у Ханенко изданы еще две⁵; одна типа „калачика“

ченко (ЗООИД, т. XXII, стр. 16); курган у хутора Шумейко („Древности Приднепровья“, в. III, стр. 7); курганы № 45—48 у Ярмолинец (А. А. Бобринский, т. II, стр. 175).

¹ ЗООИД, т. XXII, протокол 312 заседания.

² „Древности Приднепровья“, в. III, табл. XLVI, рис. 4576.

³ А. А. Бобринский. Указ. соч., т. III, табл. VI, 6 и 8.

⁴ Д. Я. Самоковасов. Могилы Русской Земли, стр. 104, № 15317.

⁵ „Древности Приднепровья“, в. III, табл. XLVI, № 4556, 4566.

(рис. 11—5), другая биконической формы с рубчатой поверхностью; у нижнего конца пирамидка из шариков, у другого — дужка для подвешивания (рис. 11—6).

При описании второй серьги, найденной при костяке у западной стены, И. А. Линниченко ссылается на сходство ее с найденной в Чертомлыцком кургане. Насколько нам известно, в материалах из Чертомлыка нет аналогий ни для одной из указанных серег. Вероятнее всего, описанной форме в виде „казацкой люльки“ соответствует серьга типа „калачика“ (рис. 11—5), дутая, серповидная в сечении, концы оформлены в виде розеток, боковые и нижняя стороны украшены полосами плетенки из золотой проволоки, между которыми расположены обращенные друг к другу вершинами треугольники из зерни. Как отмечает Б. Б. Пиотровский, этот тип серег был широко распространен в Средиземноморье в VII—VI вв. до н. э.¹ Аналогичная серьга была найдена в кургане конца VI—начала V в. у с. Грушевки². К какому погребению принадлежит серьга в виде соединенных основаниями конусов (рис. 11—6), остается невыясненным.

2. Ожерелья: а) найденное при погребении у восточной стены. На фотографии архива ИИМК имеется изображение двух ниток бус из различных полудрагоценных камней и пасты. Число бусин—51, что соответствует указанному в отчете (рис. 11—2, 3). По фотографии трудно различить породы камней, однако в основном они соответствуют описанным у Линниченко; б) золотое, найденное при западном костяке, опубликовано у Ханенко³ (рис. 11—12); оно состоит из 115 мелких круглых золотых дутых бус, между которыми помещено 12 продолговатых, оканчивающихся пирамидкой из пяти шариков полых подвесок и шести серповидных лунниц, заостренные концы которых украшены миндалевидными петлями из напаянной золотой проволоки и тремя шариками зерни у острого конца.

Встречающиеся на золотых серьгах и ожерелье орнаментальные мотивы — плетенка, спирали, миндалевидные гнезда, обращенные навстречу пирамидки, выполненные сканью и зернью, — весьма часто можно видеть на золотых предметах греческой ювелирной работы, происходящих из скифских погребений конца VI—начала V в. до н. э. Такой орнамент известен на золотой обкладке ножен мечей из Золотого Симферопольского кургана и кургана Острая Могила у Томаковки, на золотых бляшках оттуда же⁴ и из курганов Тясминской группы⁵ и на золотых серьгах из кургана у с. Емчихи⁶.

3. Золотые бляшки. У Ханенко опубликованы три золотые бляшки⁷, две из них одинаковые (рис. 11—13-14); в виде полосок, составленных из шести соединенных между собой углами квадратиков. По углам и в центре каждого квадратика выштампованы круглые выпуклые шишечки. Третья бляшка (рис. 11—4) представляет собой опущенный от вершины небольшой треугольной бляшки равнобедренный треугольник, составленный из шести треугольных бляшек одинакового размера.

¹ Б. Б. Пиотровский. Раскопки урартской крепости на холме Кармир-блур. КСИИМК, в. XXI, 1947, стр. 13—15.

² Курган № 383, ИАК, в. 4, стр. 42, рис. 14.

³ „Древности Приднепровья“, в. III, табл. XLVI, рис. 4606.

⁴ МАР, № 37, рис. 16а, 23, 26, 27.

⁵ Журовка, курган № 400, ИАК, в. 14, стр. 11, рис. 14; случайные находки из Чигиринского уезда, ИАК, в. 35, стр. 86, рис. 25.

⁶ Б. В. Фармаковский. Архаический период на юге России. МАР, № 34, стр. 30, табл. IX, рис. 1.

⁷ „Древности Приднепровья“, в. III, табл. XLVI, рис. 4596.

Поверхность каждой бляшки украшена бордюром из выпуклых шишечек, такие же шишечки в центре и по трем углам.

4. Железные обтянутые золотом ручные браслеты. Опубликованы у Ханенко¹; изображения их имеются и на фотографии архива ИИМК (рис. 12—1, 2); диаметр их 9 см, концы несомкнутые, у одного браслета слегка заходят один за другой. Окисел железа попортил позолоту, но на сохранившихся частях видны следы орнамента в виде поперечных рубчиков.

5. Верхние части двух бронзовых булавок; опубликованы² у Ханенко. На фотографии архива ИИМК эти же булавки, составленные из обломков, изображены в полную длину (рис. 13—4, 5). В каталог Киевского музея занесено пять бронзовых булавок из коллекции Линниченко³. Очевидно, на фотографии изображены лишь лучшие из найденных экземпляров. Булавки гвоздевидные, с поясками поперечных рубчиков в верхней части, длина 31 и 26 см, диаметр шляпок 2,4 и 3 см.

6. Бронзовые зеркала. В кургане найдено два бронзовых зеркала. Одно из них во втором склепе, другое — в первом, при костяке у восточной стены. Бронзовое зеркало греческой работы из собрания Линниченко, опубликованное у Ханенко⁴, сохранилось в Киевском музее (рис. 11—1). Длина зеркала с ручкой 27 см; диск гладкий, диаметр его 14 см; ручка слегка сужается книзу; у верхнего конца, в месте соединения с диском, два круглых выступа, украшенных розетками. Нижний конец в форме круга. Ручка по краю обведена невысоким рельефным ободком. На длинной части рукоятки рельефом изображена фигура нагой Афродиты, на закругленном конце — крылатый сфинкс. Б. В. Фармаковский относил зеркало к группе ольвийских зеркал конца VI в. до н. э.⁵

Второе зеркало изображено на фотографии архива ИИМК (рис. 10—11). Длина зеркала с ручкой 30 см; диаметр диска 20 см; края слабо выступают, ручка слегка сужается книзу, нижний конец имеет форму круга.

Данных о том, в каком из двух склепов было найдено каждое из зеркал, в отчете нет. По всей вероятности, зеркало с фигурой Афродиты относится к восточному погребению в первом склепе. В пользу этого свидетельствует богатство найденного здесь погребального инвентаря, в числе которого немало предметов греческого ювелирного ремесла, относящихся к тому же времени, что и зеркало.

7. Глиняный сосуд с двумя ручками и терракотовый сосуд (не сохранились).

8. Костяная ручка со вставленным в нее куском железа (не сохранилась).

9. Бронзовые ножные браслеты. Изображения их имеются на фотографиях архива ИИМК, сами браслеты сохранились в Киевском музее (рис. 14—1, 2). Браслеты массивные, литые, в виде круглых обручей с сомкнутыми, но не спаянными концами. Внутренняя сторона гладкая, на наружной нанесены группы поперечных рубчиков, расположенных через правильные интервалы. На концах браслетов изображены обращенные навстречу друг другу головки ушастых животных.

¹ „Древности Приднепровья“, в. III, табл. XLVI, рис. 4616.

² Там же, рис. 3626.

³ Каталог музея № 14493, 14494, 14495, 14509, 14510.

⁴ „Древности Приднепровья“, в. III, табл. XLVI, рис. 3516.

⁵ Б. В. Фармаковский. Архаический период на юге России. МАР, № 34, стр. 30, табл. XIII, рис. 1.

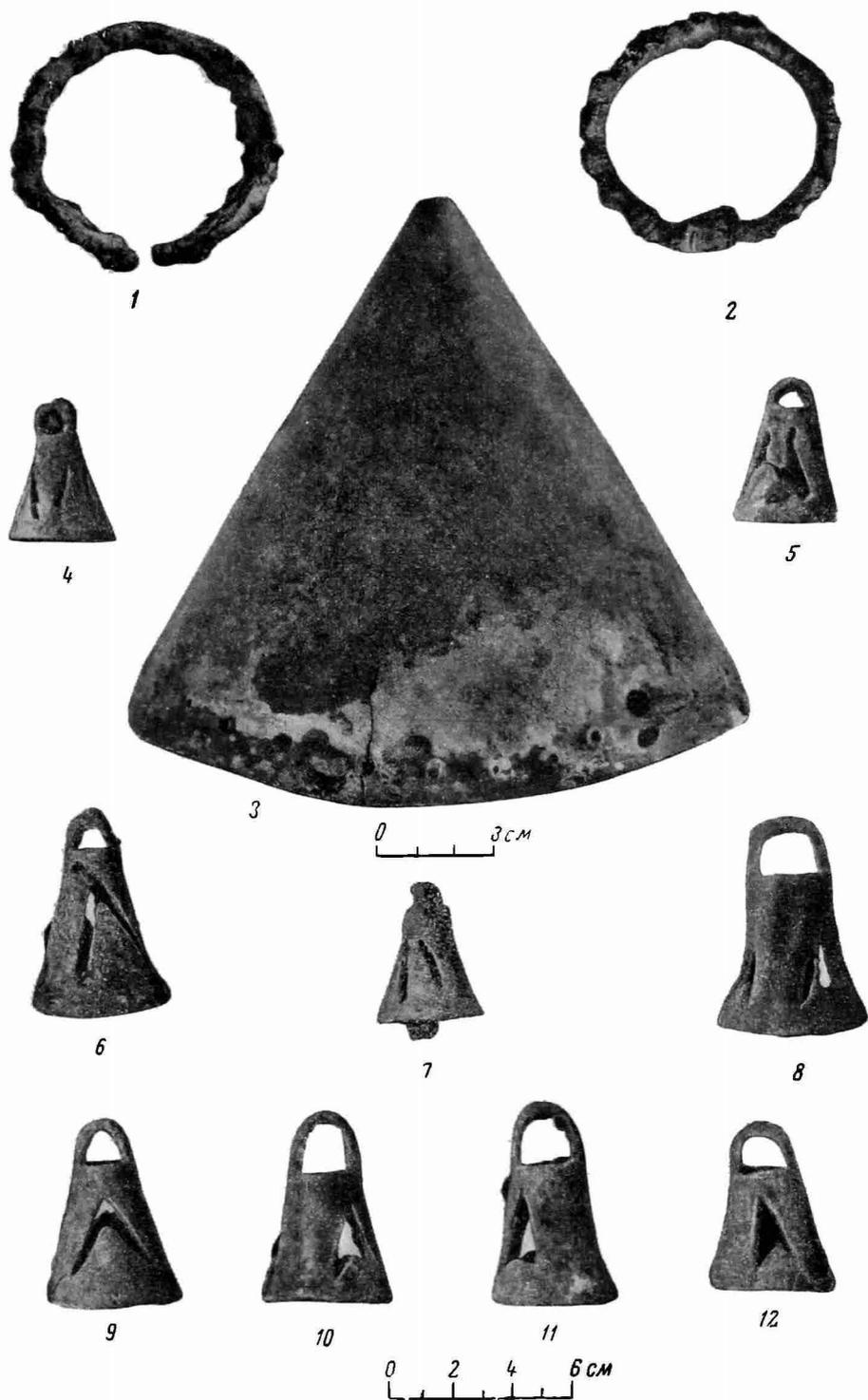

Рис. 12. Предметы из погребения № 1 в кургане № 4 у с. Волковцы:
 1, 2 — ручные браслеты; 3 — бронзовый литой конус; 4—12 — колокольчики.

Бронзовые ножные браслеты, найденные в курганах Посулья

Место находки	Ножные браслеты		Ручные браслеты		Место хранения и издание
	число	тип	число	тип	
Волковцы, № 4, раскопки Линниченко	2 пары	Рубчатые с изображением зверей	1 пара	Железный, обтянутый золотом, с рубчиками	Киевский музей. Наст. сборник, рис. 12 — 1, 2; 14 — 1, 2
Аксютенцы, курган № 1, раскопки Мазараки 1886 г.	1 экз.	То же	—	—	ГИМ. Наст. сборник, рис. 15 — 5
Басовка, курган „А“, раскопки Бранденбурга	1 пара	„ „	1 пара	Бронзовые, рубчатые	Эрмитаж. ОАК за 1901 г., стр. 107. Наст. сборник, рис. 14 — 3, 4, 5, 6
Аксютенцы, Стайкин Верх, курган № 3, раскопки Самоквасова	1 пара	Гладкие	—	—	ГИМ. Наст. сборник, рис. 15 — 14
Волковцы, курган № 494, раскопки Бранденбурга	1 пара	„	1 пара	Один гладкий, другой рубчатый	Эрмитаж, Наст. сборник, рис. 15 — 6-9
Аксютенцы, раскопки Хвойко 1897—1898 гг.	1 пара 1 пара	„ Рубчатые с изображением зверей	2 пары	Одна пара гладкие, другая рубчатые	Фотоархив ИИМК, № 17/2631, „Древности Приднепровья“, VI, табл. 1, 431, 432. Наст. сборник, рис. 15 — 1-4
Хитцы, раскопки Плескача	1 пара	Гладкие с изображением зверей	—	—	Архив Ин-та археологии. Наст. сборник, рис. 14 — 9, 10
Киевский музей, дар Терещенко	1 экз.	Рубчатые с изображением зверей	—	—	Каталог № 10783. Наст. сборник, рис. 14 — 8
Киевский музей, дар Терещенко	1 пара	Гладкие	—	—	Каталог № 10784—10785. Наст. сборник, рис. 15 — 15
Аксютенцы, курган № 7, раскопки Мазараки	1 экз.	Рубчатые без изображения зверей	—	—	Киевский музей. Нов. каталог Бобринского, № 820. Наст. сборник, рис. 14 — 7
Аксютенцы, раскопки Мазараки	1 экз.	Со звериным орнаментом	—	—	Киевский музей, каталог № 10787 (изображение неизвестно)
Ярмолинцы, курган № 49, раскопки Мазараки	1 экз.	Кожаный с бронзовым набором	—	—	А. А. Бобринский. Смела, т. II, стр. 167 (изображение неизвестно)
Ярмолинцы, курган № 52, раскопки Мазараки	—	Часть железного браслета и кусок бронзового обруча у ножных костей	—	—	А. А. Бобринский. Смела, т. II, стр. 176 (изображение неизвестно)
Кошары, Черевата Могила	1 экз.	—	—	—	А. А. Спицын. Курганы скифопархарей. ИАК, в. 65, стр. 131 (изображение неизвестно)

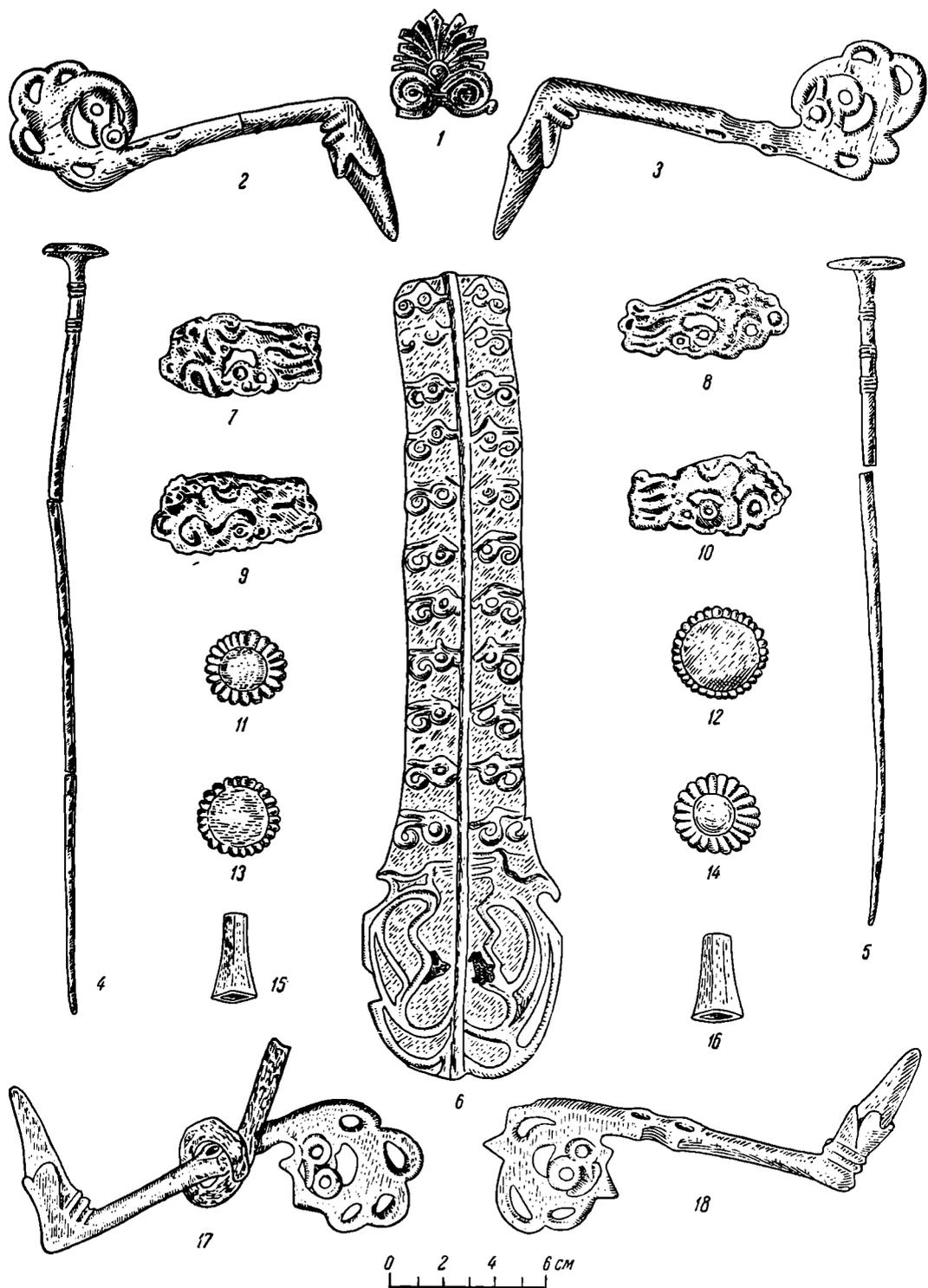

Рис. 13. Предметы из погребения № 1 в кургане № 4 у с. Волковцы:

1 — бляшка; 2, 3, 17, 18 — псаали; 4, 5 — булавки; 6 — конский наносник; 7—10 — бляхи в виде головок животных; 11—14 — бляхи; 15—16 — ворворки.

Первая пара браслетов (рис. 14—1): диаметр браслета 12,2 см, диаметр сечения 1 см. На наружной стороне расположено 12 групп рубчиков, по 6—7 рубчиков в каждой, расстояние между группами 1—1,2 см. Концы браслетов уплощены, на наружной стороне их изображены обращенные друг к другу головки животных с торчащими заостренными ушами и глазами в виде кружочков. Нижняя часть морды представляет собой верхнюю половину такой же головы ушастого животного. Изображения выполнены в технике углубленного рельефа.

Вторая пара браслетов (рис. 14—2): диаметр браслета 13,3 см, сечение — 0,9 см. По наружной поверхности расположено 19 групп рубчиков, по четыре в каждой, интервалы 0,8—0,9 см. Концы круглые, с тем же изображением головок животных; отдельные детали (глаз в виде ромба, ухо) перенесены на боковые стороны, отчего изображение получилось как бы в профиль. Рубчики, находящиеся сзади головок животных, даны в елочку, что создает впечатление поднятой щетины.

Еще А. А. Спицын отметил, что бронзовые ножные браслеты — украшение, особенно характерное для полтавской (точнее — посульской) группы памятников скифского времени¹. В то время как на всей остальной территории распространения памятников скифского типа в Причерноморье не известно ни одного ножного браслета, подобного описанному, из курганов Посулья происходит 24 массивных ножных браслета, найденных в девяти случаях попарно, а в шести — в одном экземпляре. На стр. 34 нами приведена таблица этих находок.

Значительная часть браслетов, найденных в бассейне Сулы, принадлежит к тому же типу, что и браслеты из Волковецкого кургана, — рубчатые со звериными изображениями, повторяющими мотив обращенных друг к другу головок ушастых животных, с незначительными различиями в трактовке отдельных деталей. Наряду с ними встречаются массивные гладкие браслеты с плотно прилегающими, но не спаянными концами без звериных изображений (типа найденных в кургане № 3 у с. Аксютенцы; рис. 15—14). В кургане № 494 у с. Волковцы найдены более тонкие гладкие браслеты с несходящимися концами (рис. 15—6, 8), в кургане у с. Хитцы — гладкие браслеты с изображениями головок животных на концах (рис. 14—9, 10), в кургане № 7 у с. Аксютенцы (рис. 14—7) — рубчатый браслет без звериных изображений. Интересна находка на костях ног погребенного в одном из курганов у с. Ярмолинцы бронзового пояса с нашитыми на нем мелкими бронзовыми пластинками; в другом погребении у ног скелета найдена часть железного браслета и „кусочек бронзового обруча“ (может быть, также браслета). Среди предметов, зарисованных Б. Э. Рабиновичем в Киевском музее, имеется изображение железного массивного обруча (11 см в диаметре, сечение около 1,2 см) с заходящими приостренными концами (рис. 14—11); к сожалению, этот предмет не документирован. По всей вероятности, его также следует отнести к числу ножных браслетов.

Ножные браслеты нередко встречаются в сочетании с ручными гладкими или рубчатыми (см. таблицу на стр. 34), составляя как бы один комплект ножных и ручных украшений.

Как удалось установить, ножные кольца — преимущественно принадлежность женского убора. В кургане № 3 в урочище Стайки Верх у с. Аксютенцы они найдены выше костей ступни женского скелета. На костях левой голени женского скелета в кургане № 494 у с. Волковцы сохранилось два бронзовых браслета.

¹ А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, в. 65, стр. 122; В. А. Ильинская. Памятники скифского времени на Посулье. Археология, т. IV, Київ, 1950.

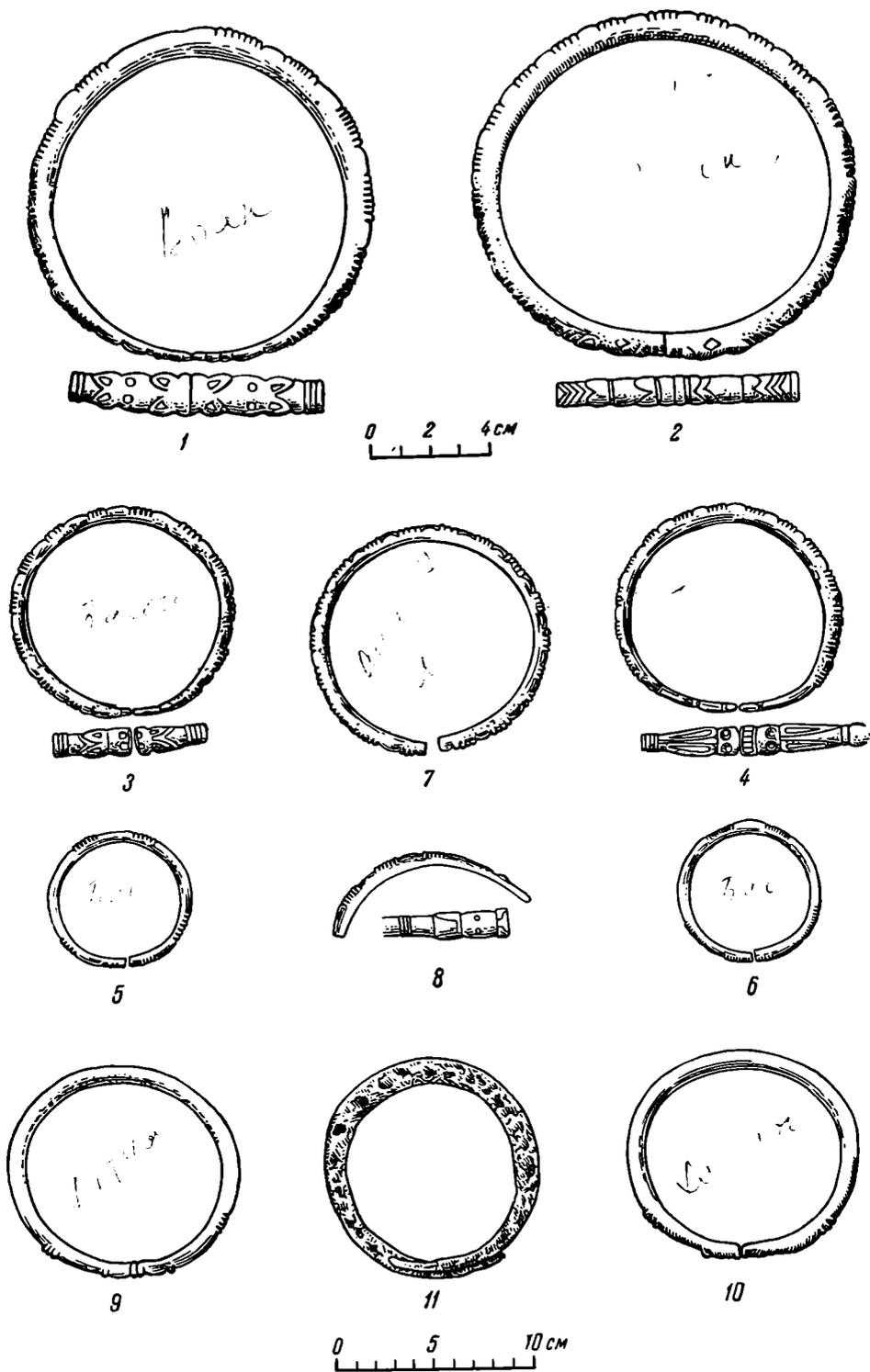

Рис. 14. Браслеты:

1, 2 — ножные браслеты из погребения № 1 в кургане № 4 у с. Волковцы; 3—11 — ножные и ручные браслеты из различных курганов Посулья (см. табл. на стр. 34).

Единственный сомнительный случай — это погребение в кургане у с. Хитцы, в котором, помимо браслетов, не оказалось ни одного предмета женского погребального инвентаря.

Все погребения, в остатках инвентаря которых сохранились ножные браслеты, датируются V в. до н. э. Кроме описываемого погребения в кургане № 4 у с. Волковцы, к первой половине V в. до н. э. относятся захоронения в кургане № 1 у с. Аксютенцы (раскопки С. А. Маза-раки 1886 г.), в верхнем склепе кургана № 3 урочища Стайкин Верх у с. Аксютенцы и в кургане А у с. Басовки. К несколько более позднему времени, ко второй половине V в., может быть отнесено погребение в кургане у с. Хитцы.

Обычай носить в качестве украшений бронзовые ножные браслеты можно считать одной из ярких этнографических особенностей племени, обитавшего на территории Посулья. Большой интерес представляет вопрос о месте производства этих браслетов. Попытка объяснить появление их на Суле импортом из каких-либо центров древней металлургии Кавказа или Подунавья не привела к положительным результатам.

Рубчатые ручные браслеты различных типов широко были распространены в эпоху гальштатта в средней Европе¹, отдельные типы их встречаются в памятниках высоцкой культуры², однако ни один из них не может служить достаточной аналогией ножным браслетам описываемого типа.

На Кавказе массивные гладкие неспаянные ножные кольца встречаются в погребениях кобанской культуры³, но хронологический разрыв в этом случае слишком велик для того, чтобы можно было допустить возможность непосредственного влияния. К тому же среди ножных браслетов кобанской культуры неизвестны типичные для Сулы браслеты со звериными головками и рубчиками.

У с. Санта на берегу озера Нерон-Дерси в могильнике, относящемся к позднеахеменидской эпохе, найдены несомкнутые ручные браслеты из бронзовой проволоки с утолщениями и рубчиками; концы их украшены неопределенными, сильно стилизованными головками ушастых животных⁴. В могильнике у с. Бешташени (VI—V вв. до н. э.) также обнаружены разомкнутые ручные бронзовые браслеты с рубчиками на наружной стороне и концами, оформленными в виде головок какого-то животного с длинными ушами⁵. При раскопках на Кармир-блури найден довольно крупный бронзовый браслет с несомкнутыми концами; поверхность с внутренней и наружной сторон покрыта парными рубчиками, чередующимися с выпуклинами⁶.

Все эти достаточно далекие аналогии говорят лишь о существовании каких-то общих, широко распространенных в эпоху раннего железного века приемов в украшении браслетов, но не выясняют вопроса о каком-либо внешнем по отношению к Посулью центре производства ножных браслетов описанных типов. Если бы такой центр существовал, то продукция его не могла бы сконцентрироваться исключительно в пределах одной группы памятников, а неизбежно распространилась бы на более широкой территории.

¹ N. Åberg. *Vorgeschichtliche Kulturkreise in Europa*. Kopenhagen, 1936, табл. XVIII, 3, 5.

² L. Kosłowski. *Zarys pradziejow Polski, południowo-wschodniej*. Львов, 1939, стр. 62, табл. XVIII, рис. 7.

³ МАК, т. VIII, табл. XXXIII, рис. 7, 9, 10; табл. XXXIV, рис. 13.

⁴ Б. А. Куфтин. *Археологические раскопки в Триалети*. Тбилиси, 1941, стр. 31, рис. 33 (1, 4).

⁵ Там же, стр. 42, рис. 39 (1, 2).

⁶ Б. Б. Пиотровский. *Урарту*. Ереван, 1941, стр. 229, рис. 7.

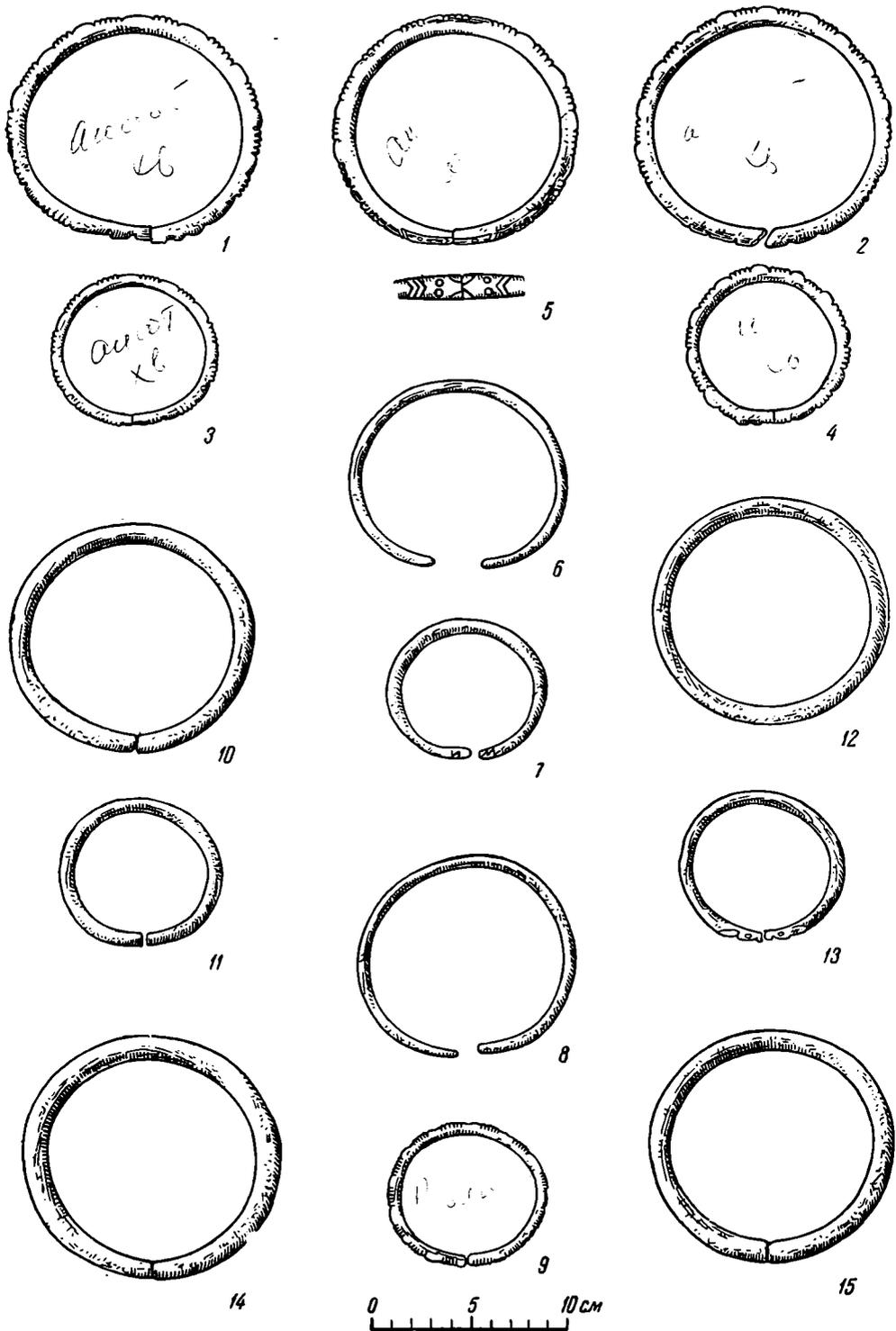

Рис. 15. Ножные и ручные браслеты из различных курганов Посулья
(см. табл. на стр. 34).

По всей вероятности бронзовые ножные браслеты изготовлялись здесь же на Посулье населением, которое широко пользовалось подобными украшениями. Это заставляет признать существование здесь местного художественного бронзолитейного ремесла, что, впрочем, прямо подтверждается находкой створки литейной формочки из белого известняка, служившей для отливки конских наносников в виде схематизированной головки петуха. Изображение формочки вместе с вложенным в нее наносником, отлитым по этой модели, сохранилось в зарисовках Б. З. Рабиновича. В Каталоге музея она записана под № 10395 А, АС 10014, как найденная в кургане № 2 у с. Аксютенцы, раскопанном С. А. Маза-раки. А. А. Бобринский, опубликовавший комплекс кургана, издал наносник, но ничего не сообщил о находке формочки¹.

Следующую большую группу предметов, найденных в погребении, составляют принадлежности двух одинаковых конских уборов.

1) Двое железных удил с двумя парами бронзовых псалий. Изображения их имеются на фотографии архива ИИМК, псалии хранятся в Киевском музее. Удила обычного типа, в виде двух железных стержней с концами, загнутыми в круглые петли. Обе пары псалий одинаковые (рис. 13—2, 3, 17, 18), стержень прямой с восьмеркообразным расширением в местах двух отверстий. Концы загнуты в противоположные стороны; один оформлен в виде острого оленьего копыта, другой в виде ажурной лопасти со схематичным изображением птичьей головы с хищным клювом, обрамленной узором в виде „птичьей лапы“. Мотивы звериного стиля в орнаментации псалий особенно широко были распространены в V в. до н. э.²

2) Два одинаковых бронзовых наносника (рис. 13—б) имеют вид продолговатых пластин (34,3 см длины), постепенно расширяющихся от верхнего (ширина 4,5 см) к нижнему округленному (ширина 8,2 см) концу. В месте перехода к нижней округленной части сделаны небольшие врезы. Наружная сторона украшена рельефным изображением. Пластина разделена рельефной полосой на два равных поля. На округлом, также разделенном пополам, конце имеется схематизированное, плохо читаемое изображение головы животного в фас; на каждой из половин также смутно улавливаются следы неясных звериных изображений. На удлиненной части пластины по сторонам от средней полосы симметрично расположено 11 пар головок хищных птиц, обращенных в разные стороны. В такой условной манере передается изображение ветвистого рога с отходящими от него отростками³. На обратной стороне, в 5 см от узкого конца, прикреплена продольная петля. Литье довольно грубое.

3) На фотографии архива ИИМК имеется изображение 19 бронзовых блях различных типов. Большинство их сохранилось в Киевском музее. Четыре бляхи—ажурные, в виде изображенных в профиль головок животного с вытянутой мордой; две из них обращены в левую сторону, две в правую (рис. 13—7-10); длина блях 6—7 см, поперечник около 3 см. Изображение животного очень схематично (вепрь, лось?). Помимо

¹ А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II, табл. XXIII, рис. 3.

² В качестве аналогии можно привести бронзовые псалии с изображением оленьих копыт и бронзовую подвеску в виде копыта из кургана № 400 у Журовки (ИАК, в. 14, стр. 10, рис. 12; стр. 11, рис. 13), псалии с концом в виде птичьей лапы, обвивающей птичью голову, из курганов № 5 и 6 группы Семибратних (ОАК за 1876 г., стр. 134—137).

³ Траковка оленьего рога в виде прямого стержня, по обе стороны которого расположены орлиные головки, встречается на золотой пластинке из кургана № 401 у с. Журовки (ИАК, в. 14, стр. 16, рис. 35).

основного образа, отдельные детали (затылок, нижняя часть морды) составлены из комбинации головок хищных птиц с загнутыми клювами. На обратной стороне бляшек, ближе к тыльному концу, прикреплена поперечно расположенная петля.

14 блях сделаны в виде розеток (диаметром 2,4—3,5 см); семь из них слегка выпуклые, с нешироким бордюром из выпуклых рубчиков по краю (рис. 13—12, 13) и семь — более выпуклые, с более широким рубчатым окаймлением (рис. 13—11, 14); одна бляшка (рис. 13—1) имеет вид двух обращенных в разные стороны спиральных волот, между которыми расположена 11-лепестковая пальметка. Украшения этого рода встречаются на ручках ольвийских зеркал¹. Среди других предметов конского убора на фотографии ИИМК изображено семь ворворок: три конические и четыре шестигранно-пирамидальные (рис. 13—15, 16).

Вместе с предметами конского убора найден большой бронзовый литой конус и 26 бронзовых колокольчиков. Конус и отдельные колокольчики сохранились в Киевском музее (рис. 12—3, 4-12). Высота конуса 15,5 см, основание овальное (длина 17 см, ширина 13,7 см). У вершины — небольшое круглое отверстие. Вдоль нижнего края проделано 26 дырочек, не вполне правильных и расположенных на несколько различных расстояниях друг от друга. Число дырочек соответствует числу колокольчиков, очевидно подвешивавшихся к конусу на длинных шнурах, так как колокольчики находились на некотором расстоянии от конуса и были отделены от него предметами, относящимися к конской узде. Колокольчики имеют вид усеченных конусов; размеры и форма их не вполне одинаковые, сверху сделана петля в виде дужки. На противоположных сторонах — прорези в форме „елочки“ или треугольника с выступом в основании. Внутри сохранились остатки железных язычков.

Описывая находку, М. И. Ростовцев пришел к заключению, что „это новый предмет конского убора — подвеска на шею коня, в которую могла быть вставлена и кисть“². С таким толкованием трудно согласиться. Вероятнее всего конус с подвесными колокольчиками принадлежит к тому же кругу культовых предметов, что и бронзовые прорезные шумящие навершия, часто снабженные подвесными колокольчиками. Характерно, что в другом богатом женском погребении на Суле, в кургане у с. Будки, также было найдено 26 бронзовых колокольчиков³.

Описанный состав вещей из погребения позволяет отнести верхний склеп кургана № 4 у с. Волковцы к первой половине V в. до н. э. Вещи, найденные в могиле, свидетельствуют о том, что здесь были погребены две женщины, равные по социальному положению, принадлежавшие, видимо, к одной знатной семье или роду.

Особый интерес представляет находка в женской могиле двух одинаковых конских уборов и шумящего навершия в виде конуса с подвесными колокольчиками. Эти факты требуют объяснения и поднимают мало разработанный в нашей науке вопрос об общественном положении женщины у племен северного Причерноморья в скифскую эпоху.

¹ Б. В. Фармаковский. Архаический период на юге России. МАР, № 34, табл. X, рис. 7; табл. XIII, рис. 7.

² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 511.

³ „Древности Приднепровья“, в. II, стр. 7.

В. Л. ЯНИН

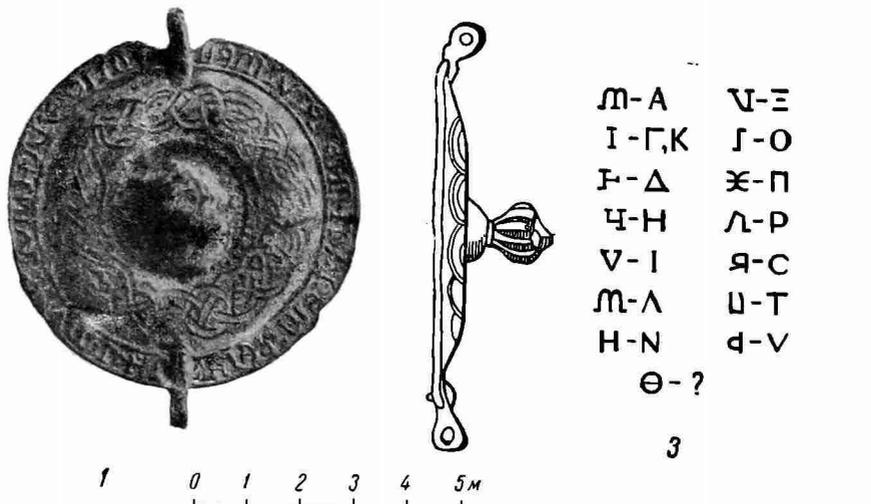
СВИНЦОВАЯ КРЫШКА С ТАЙНОПИСЬЮ ИЗ НОВГОРОДА

При раскопках А. В. Арциховского в Новгороде в 1948 г. была найдена круглая свинцовая крышка небольшого сосуда с нанесенной на ней надписью из непонятных знаков¹ (рис. 16). Крышка обнаружена в 13-м пласте раскопа на Ярославовом Дворище и стратиграфически датируется XIV в. Ее диаметр 6,8 см. В центре крышки — небольшая ребристая головка, вокруг которой, занимая основную часть поверхности, расположен сложный орнамент из четырех переплетающихся полос. Знаки размещены по краю крышки в виде круговой надписи, отграниченной от орнаментированного пространства линейным ободком. На противоположных по диаметру концах крышки имеются две петли для соединения ее с сосудом. Одна из них закрывает часть надписи. Это позволяет предположить, что в качестве крышки найденный предмет использован вторично и претерпел ряд позднейших переделок. Действительно, осмотр убеждает, что обе петли приклепаны позднее. Головка, припаянная к крышке, также относится к числу позднейших переделок. О первоначальном назначении предмета позволяет судить то обстоятельство, что под одной петлей часть края крышки выломана, а надпись в этом месте имеет интервал. Обращает на себя внимание также и то, что именно здесь слиты начало и конец кольца орнамента. Очевидно, здесь было (до переделки предмета в крышку) ушко. Кружок, таким образом, предназначался для ношения.

Надпись (рис. 16—2,а) состоит из 40 читаемых знаков, не считая точек и двоеточий, несущих обычно функции разделителей слов, а в криптограммах служащих для большего сокрытия текста. Некоторые знаки совпадают с буквами кириллической азбуки, другие сходны с греческими, третьи напоминают глаголические, а отдельные буквы совершенно оригинальны. В древней Руси, в других славянских странах и в Византии существовало много способов тайнописи, начиная с простой замены букв надписи буквами других алфавитов, существующих или вымышленных, и кончая различными видами цифровых систем и литореи — взаимозамены различных букв, основанной на специальных, иногда очень сложных правилах. Характер новгородской надписи заставил предположить употребление простой замены букв серией специально подобранных вымышленных знаков.

¹ А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде. КСИИМК, в. XXXIII, 1950, стр. 13—15, рис. 10 (прорись). Крышка ошибочно названа медной. В настоящее время крышка хранится в ГИМ (в коллекционной описи „Новгород“, 1948, № 111).

Путь к прочтению надписи подсказала композиция изображения и надписи на крышке, очень напоминающая обычные композиции распространенных в древней Руси так называемых наузов, или змеевиков. Змеевикам приписывалось значение оберегов от болезней. Происхождение их связано с процессом сложного перехода от языческой к христианской религии; они являются памятниками синкретической религии, в которой при преобладании христианских элементов существовали элементы волшебства, веры в бесов и других далеко не христианских божеств. Для рассматриваемого времени это, пожалуй, единственные древнерусские памятники, несущие на себе круговые надписи. Мотив сложной плетенки на „крышке“ генетически близок обычному на змее-

<p>1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26</p> <p>а ЮГМІУГЯМІУГЯІГЧІЛГЖМЧЛЧ</p> <p>б -ОАГІОСАГІОСГО--А-ОСО-----</p> <p>в -ОАГІОСАГІОСКО--АНОСО--Н-Н</p> <p>г ?ОАГІОСАГІОСКОУДАНОСОПЛНН</p>	<p>27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40</p> <p>НІМУІЧӨВУМЪІУУ</p> <p>-ГАІГ---ІА-О-І</p> <p>-КАІГН--ІА-О-І</p> <p>НКАІГН?ТІАДОΞІ</p>
---	--

Рис. 16. Свинцовая крышка с тайнописью:

1 — свинцовая крышка; 2 — тайнопись (а) и этапы ее расшифровки (б, в, г); 3 — система шифра.

виках мотиву сложного переплетения змей. Первоначальный вид и способ употребления предмета окончательно сближают его со змеевиками. Не противоречит такому сближению и материал, из которого сделана крышка, так как среди змеевиков известны и свинцовые¹. Что касается криптограмм, то на змеевиках они отмечались неоднократно².

Для дешифровки важным оказалось выяснить наиболее характерные надписи, встречающиеся на змеевиках. Работа по сведению всех известных змеевиков была проделана И. И. Толстым и А. С. Орловым³. Наиболее характерны: греческая надпись: „Матка чернотю чернеющая, как змея, извивалась, как дракон, шипела и, как лев, рычала и, как агнец...“; благопожелательная надпись: „Господи, помози рабу

¹ А. С. Орлов. Амулеты „змеевики“ Исторического музея. Отчет ГИМ за 1916—1925 гг. М., 1926, Приложение V, стр. 20—21.

² И. И. Толстой. О русских амулетах, называемых змеевиками. ЗРАО, т. II, новая серия, СПб., 1887, стр. 382 и сл., № 14, стр. 392, № 30.

³ И. И. Толстой. Указ. соч.; А. С. Орлов. Указ. соч.

своему . . . “ на греческом или русском языке и, наконец, трисвятая песнь: „Свят, свят, свят господь Саваоф, исполнь небо и земля славы твоя“, обычно в греческом написании: АΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΚΟΥΡΙΟΣ САВАΟΘ Ο ΠΛΗΡΗΣ ΥΡΑΙΟΣ ΚΑΙ ΓΗ ΤΗΣ ΔΟΞΗΣ.

Анализ массы змеевиков позволил И. И. Толстому прийти к выводу о русском их изготовлении, несмотря на обычные на них греческие надписи. Часто греческие надписи одной стороны змеевика дополняются русскими другой. Иногда, при отсутствии русской надписи, греческие выполнены так безграмотно, что обнаруживают незнание мастером языка. В частности, ошибочное написание ΚΟΥΡΙΟΣ вместо ΚΥΡΙΟΣ, отмеченное на всех змеевиках, несущих это слово, указывает на русское изготовление змеевиков. Звучание ΚΥ, несвойственное русскому языку, повсеместно заменено легким в произношении ΚΟΥ.

Ключом к дешифровке надписи, найденной в Новгороде, служит повторение подряд комбинации знаков № 3—7 и № 8—12. Сравнение этих сочетаний с текстами змеевиков позволяет остановиться на тексте трисвятой песни, в которой также подряд повторяются одинаковые сочетания из пяти букв. Двукратное, а не троекратное повторение сочетания находит себе аналогии на змеевике, найденном на Куликовом поле¹, и целой серии сходных с ним экземпляров². Предположительное чтение указанного сочетания как греческого слова ΑΓΙΟΣ устанавливает чтение ряда знаков, повторяющихся в других местах текста: № 2, 13, 14, 17, 19, 20, 21, 28, 29, 30, 31, 35, 36, 38, 40 (рис. 16—2,б).

Сравнение результатов полученной частичной дешифровки с полным греческим текстом убеждает, что дешифровка идет по правильному пути. Прочтение знаков № 28—31, давшее сочетание ΓΑΙΓ, которое в греческом тексте соответствует сочетанию ΚΑΙΓ(Η), позволяет предположить одинаковое обозначение в криптограмме каппы и гаммы, сходных в произношении. Действительно, знаки № 13, 14, которым в греческом тексте должно соответствовать ΚΟ(ΥΡΙΟΣ), читаются как ΓΟ.

Следующим шагом в дешифровке явилось предположение о значении знака № 18, еще три раза повторяющегося в криптограмме (№ 24, 26, 32). Наиболее часто в греческом тексте после омикрона, гаммы, иоты и альфы, обозначение которых установлено, повторяется „эта“. В частности, по смыслу надписи „эта“ должна стоять на месте знака № 32. Прочтение его как „эты“ дополняет надпись так, как показано на рис. 16—2,в.

Остальные буквы греческого текста, которым пока не подобрано соответствующих знаков в криптограмме, принадлежат к числу неповторяющихся. Следует отметить, что и оставшиеся пока недешифрованными знаки тайнописи встречаются, за единственным исключением (№ 16, 37), по одному разу.

Сходство последней частичной дешифровки (рис. 16—2,б) с греческим текстом настолько близко, что при дальнейшем чтении можно пользоваться смысловым дополнением. В частности, легко восстанавливаются слова ΠΛΗΡΗΣ и ΔΟΞΗΣ. Первое приходится на место знаков № 22—26 (последний знак слова закрыт петлей, поэтому оно читается как ΠΛΗΡΗ . . .), второе — на место знаков № 37—40 (конечная буква в надписи отсутствует, а слово прочитывается как ΔΟΞΙ . . .). Знак № 37,

¹ И. И. Толстой. Указ. соч., стр. 380 и сл., № 7.

² Там же, стр. 381 и сл., № 8—11; А. С. Орлов, Указ. соч., стр. 34 и сл., 39.

прочтенный как дельта, соответствует в криптограмме знаку № 16. Знак № 15 по смыслу должен читаться как ипсилон, знак № 34 — как тау. Знак № 27, единственный сохранившийся от слова $\Psi\rho\alpha\nu\omicron\varsigma$, закрытого петлей, может быть прочтен только как ню, так как знаки, соответствующие остальным буквам этого слова, выяснены.

Не устанавливается чтение знака, похожего на тету (№ 1 и 33). В обоих случаях он не соответствует местам греческого текста и в обоих случаях он составляет части лигатур. Наиболее вероятным кажется употребление его не в качестве какой-либо определенной буквы, а для большего сокрытия текста для непосвященных и в качестве ключа для знающих этот вид тайнописания. Обращает на себя внимание то, что этот знак в обоих случаях стоит не внутри слов и не просто в интервалах между словами, а в одном случае в начале надписи, в другом — на месте смысловой паузы.

Надпись в окончательном чтении выглядит так, как показано на рис. 16—2,2.

Начальный омикрон в прочитанном тексте является артиклем. Сокращение $\kappa\omicron\nu$ от $\kappa\omicron\nu\rho\iota\omicron\varsigma$ — обычно на древнерусских змеевиках¹. Орфографически неверно написание $\tau\iota\alpha$ вместо $\tau\eta\varsigma$. Неправильное употребление иоты вместо эты в словах $\tau\eta\varsigma$ и $\delta\omicron\epsilon\iota\varsigma$ объясняется фонетическими особенностями средневекового греческого произношения, в котором обе буквы выражались одним звуком „и“, и также находит себе аналогии на змеевиках².

Вообще прототипом греческих надписей на многих змеевиках были скорее всего тексты, воспринятые со слуха. В особенности убеждает в этом постоянное искажение на змеевиках имени Саваоф. При пении трисвятой песни начальная сигма этого слова сливалась с конечной сигмой предшествующего слова $\kappa\omicron\nu\rho\iota\omicron\varsigma$, а само имя воспринималось как сочетание нескольких гласных. Отсюда такие формы имени Саваоф на змеевиках, как $\omicron\alpha\omicron\nu\alpha\omicron\theta$ ³ или $\omicron\alpha\eta\alpha\omicron\theta$ ⁴.

Однако в данном случае имеется не искажение слова Саваоф, а замена его другим словом: $\delta\alpha\iota\omicron\varsigma$. В правильности прочтения имени бога как $\delta\alpha\eta\omicron\varsigma$ убеждает то, что это имя встречается, правда очень редко, на других змеевиках. На медном змеевике из коллекции Д. И. Прозоровского этим словом начинается очень фрагментарная круговая русская надпись стороны со змеиной композицией⁵. На другом медном змеевике, хранящемся в Государственном Эрмитаже, такое же имя предшествует шифрованной надписи, также расположенной вокруг змеиной композиции⁶. В обоих случаях имя представлено в написании $\delta\omicron\eta\omicron\varsigma$. Отмеченные аналогии подтверждают правильность прочтения имени бога и всей криптограммы и закономерность помещения этого имени на „крышке“. $\delta\alpha\eta\omicron\varsigma$ стоит, таким образом, в тексте трисвятой песни на месте обычного имени Саваоф. Можно привести некоторые основания такой замены и объяснение ее значения. Д. И. Прозоровский отмечал в свое время, что сила змеевиков заключалась в сочетании непонятных слов или имен языческих богов с библейскими именами и

¹ И. И. Толстой. Указ. соч., стр. 380 и сл., № 7, 11, 12, 13; А. С. Орлов. Указ. соч., стр. 39.

² И. И. Толстой. Указ. соч., стр. 377, № 2; А. С. Орлов, Указ. соч., стр. 40.

³ И. И. Толстой, стр. 382, № 10.

⁴ Там же, № 11.

⁵ Там же, стр. 380, № 6.

⁶ Там же, стр. 382, № 14.

изречениями¹. Интересные параллели между змеиными сюжетами наузов и образами античной религии были указаны А. С. Орловым². В этой связи любопытно одно место в древнейшем списке русской редакции „Слова св. Григория“ о том, „как первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят“, содержащемся в рукописном Паисиевом сборнике XIV в. В перечислении обрядов „скверненой службы, сотворяемой от скверных язык елени окаянни“, русский редактор „Слова“ упоминает „волшебную проповедь и наузы смрадные“. „Мы же, — добавляет он, — сих чад отметаема, нечестивых жертв и дьева служения“³. Запрещения наузов и проклятия „наузеносцам“ содержатся во многих поучениях XIV—XV вв. Наиболее развернутое обращение против употребления наузов находится в „Слове св. отца Моисея о ротах и клятвах“ XIV в., приписываемом новгородскому архиепископу Моисею: „жертвы приносят бесом, недуги лечат чарами и наузы и немощяго беса, глаголемаго тряцю, мнаться прогоняюще, *некими ложными письмены проклятых бесов елиньских*“⁴ (курсив наш. — В. Я.).

При таком освещении значения наузов понятна ожесточенная борьба христианской церкви с употреблением змеевиков, проводимая не только проповедями и поучениями, но и законодательными запрещениями. Такие запрещения содержатся в Кормчей книге (часть 1, лл. 26, 51, 80)⁵. Понятна и необходимость употребления „ложных письмен проклятых бесов елиньских“ — зашифровки еретических надписей.

Имя божества ΔΑΝΟΣ, ΔΟΝΟΣ хорошо объясняется из Паисиева сборника, где говорится о дьевом служении. Дьево служение, преследуемое христианской церковью как еретическое, пытались связать со служением дивам, под которыми обычно понимаются женские божества, объясняемые болгарской мифологией. Однако это не совсем так. Правда, в рукописи XV в. Новгородской Софийской библиотеки, содержащей переработку „Слова св. Григория“ Паисиева сборника, добавлены слова о поклонении Мокоши и Диве⁶. Возможность поклонения дивам в принятом толковании допустить следует, тем более что существуют другие подтверждения этому. В частности, такое указание содержится в русской вставке к „Беседе св. Григория Феолога о избиинии града“, открытой А. Х. Востоковым: „ов дью жрет, а другы дивии“⁷. Интересно противопоставление, содержащееся в этой вставке и указывающее на то, что Дый был мужским божеством. Форма мужского рода „дый“ (дью) вполне совпадает с такой же формой в Паисиевом сборнике: „дьево служение“. П. М. Апостольский, впервые обобщивший некоторые из приведенных материалов, видел в имени „дый“ трансформацию греческого ΖΕΥΣ, ΔΙΟΣ⁸, близко совпадающего с формой ΔΑΝΟΣ в криптограмме и ΔΟΝΟΣ на змеевиках. Орфографические отличия, обычные на русских змеевиках, понятны. Кроме того,

¹ Д. И. Прозоровский. О древних медальонах, называемых „змеевиками“. „Христианские древности“, СПб., 1878, стр. 36.

² А. С. Орлов. Указ. соч., стр. 17.

³ Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. II. Зап. Моск. археол. ин-та, в. XVIII, 1913, стр. 22.

⁴ Там же, стр. 139.

⁵ Евгений, митр. Замечания о Черниговской гривне. Тр. ОИДР, ч. VI, М., 1833, стр. 121.

⁶ Н. Гальковский. Указ. соч., стр. 23.

⁷ П. М. Апостольский. Об языческих верованиях наших предков по письменным памятникам. „Древности“, т. IX, в. I, М., 1881, Протоколы, стр. 16.

⁸ Там же, стр. 16.

вполне допустимо предположение, что альфа в одном случае и омикрон в другом вставлены в слово для придания твердости дельте в поисках отсутствующего в греческом алфавите „ера“. Известно написание „ера“ в форме ОН в славянских кирилловских памятниках¹. Общеизвестно также употребление „ъ“ для выражения звука „о“. При таком фонетическом осмыслении слова ΔΟΝΟΣ(ΔΑΝΟΣ) оно должно звучать как „дыос“. Если итти от противного и попытаться передать „дыос“ греческими буквами, никакого другого оправданного способа выражения, кроме употребления ОН (или ΩН), найти нельзя. Правильность сопоставления ΔΙΟΣ — „дый“ находит подтверждение в рукописи начала XVI в. „Слово и откровение святых апостол“: „И да быша разумели (учение Христа. — В. Я.) многии человеци и в прелесть велику не видят, мняще боги многи: Перуна и Хорса, Дыя и Трояна и инии мнози“². Далее составитель рукописи объясняет человеческое происхождение этих богов: „ибо яко то человеци были суть старейшины: Перунъ в елинех, а Хорс в Кипре, Троянь бяше царь в Риме, а друзии друге“³. Н. Гальковский сопоставил это место с сообщением Георгия Амартола, что люди с течением времени стали своих знаменитых предков почитать за богов, т. е. обоготворили людей же; так возникло почитание Дия, Крона, Апполона и т. д.⁴ Согласно еллинскому летописцу, Дий, сын царя Крона, отождествляется с Зевсом⁵. Любопытнейшей особенностью сообщения „Слова и откровения святых апостол“ является то, что Дый и Траян не только поставлены в нем в число основных русских языческих божеств, но и связаны с определенной подосновой в античной религии. Думается, что это не просто позднейшее осмысление имен языческих богов, а явление, имеющее реальные корни в истории раннего язычества. Траян, как известно, четыре раза упоминается в „Слове о полку Игореве“. Трижды упоминается в „Слове“ Див. Видеть в нем „диву“ или „деву — обиду“ нельзя, так как из всех контекстов явствует, что речь идет о мужском божестве: „узбися Див, кличет верху древа“. „Въстала обида в силах Даждьбожа внука, въступила Дивом на землю Трояню“, „уже вьржется Див на землю“. О поклонении во времена славянского язычества Траяну существует интересное исследование Н. С. Державина⁶, доказавшего, что в основе поклонения Траяну лежит поклонение его изображению. В известном апокрифе XII в. „Хождение богородицы по мукам“ говорится о каменных изваяниях Траяна: „О камени ту устоя, Трояна, Хорса, Велеса, Перуна“⁷. В этой связи очень интересно сообщение Г. Б. Федорова, что в Литве деревянные скульптурные изображения святых называются „девули“, причем в числе „девули“ есть и изображения Перкунаса, что говорит о языческих корнях и термина и обычая изображать святых в дереве⁸. Все эти сопоставления позволяют видеть в змеевиках памятники такой синкретической религии, в которой

¹ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография, М., 1928, стр. 203.

² Н. Гальковский. Указ. соч., стр. 51.

³ Там же, стр. 52.

⁴ Там же, стр. 51, Летовник Георгия грешного инока. Изд. Об-ва любит. древней письменности, 1878—1880.

⁵ Андрей Попов. Обзор хронографов русской редакции, в. 1. М., 1866, стр. 12.

⁶ Н. С. Державин. Сборник статей и исследований в области славянской философии. I. „Троян“ в „Слове о полку Игореве“. М.—Л., 1941.

⁷ Там же, стр. 25.

⁸ Пользуюсь случаем выразить благодарность за это сообщение Г. Б. Федорову, а также В. П. Петрову, указавшему на то, что обычным для обозначения божества термином в древнелитовских памятниках является *dieus*, а в древнепрусских — *deiwas*.

значительное место занимали пережитки древних языческих представлений, а в последних отметить известный элемент античной религии, сложившийся в эпоху тесного взаимодействия раннеславянского мира с античным обществом.

В связи с изложенной точкой зрения на характер древнерусских змеевиков необходимо остановиться на гипотезе М. И. Соколова, видевшего в них христианские памятники, выражающие идею борьбы с демонами — виновниками различных болезней¹. М. И. Соколов прочитал на нескольких змеевиках путем произвольной перестановки букв слово „дѣна“ и обобщил его с „дном“ русских заговоров. „Дно“ в заклинаниях служит для обозначения вполне определенной внутренней болезни. Заклинания против „дна“ употреблялись наряду с заклинаниями против зубной боли, лихорадки и т. д. Поэтому видеть в нем олицетворение всех болезней, а тем более демона — виновника всех болезней, как видел М. И. Соколов, нельзя. Также невозможно видеть в змеевиках амулет только против „дна“. Приведенное выше свидетельство Моисея говорит о применении их при заговорах от лихорадки. Вопрос о загадочных буквах, произвольно прочитанных М. И. Соколовым, еще нуждается в исследовании.

¹ М. И. Соколов. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых „змеевиками“. ЖМНП, отд. 2, СПб., 1889, стр. 340—368. Е го ж е. Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками. Тр. Славянской комиссии при Археолог. об-ве, т. I, М., 1894.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ*В. П. ЛЮБИН***ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ЮГО-ОСЕТИИ**

(Работы 1951—1952 гг.)

В раннечетвертичный период в Закавказье были благоприятные условия для жизни человека и развития его культуры. Старое предположение о весьма позднем заселении Кавказа человеком в связи с грандиозными древними оледенениями не может быть подтверждено никакими данными. Исследования последних лет показывают, что ледяной покров Закавказья был далеко не таким мощным, каким он представлялся ранее.

Схемы и построения гляциологов о масштабах древних оледенений на Кавказе основывались на исследованиях, производившихся главным образом на северном склоне Кавказского хребта; следы же древних оледенений на его южном склоне изучались недостаточно, а в Юго-Осетинской автономной области Грузинской ССР исследования не производились. В отношении Юго-Осетии мы располагаем лишь попутными наблюдениями отдельных исследователей¹. По их данным, современные ледники в пределах Юго-Осетии развиты слабо, следы же древних оледенений зафиксированы только в высокогорной области в верховьях долин рек Джоджора, Большая Лиахви, Малая Лиахви и Ксани, на Кельском плато и в Цонской котловине, т. е. в северной части Джавского и Ленингорского районов.

Суммируя эти факты, можно сказать, что в предгорьях Юго-Осетии, отделенных от высокогорной области широкой полосой горно-лесного ландшафта, на протяжении всего плейстоцена, даже в периоды максимальных похолоданий, несомненно, существовали вполне благоприятные условия для жизни человека.

Не исключена возможность, что подобные же условия были и в среднегорной области, в частности на западе Юго-Осетии. Здесь, в цветущей Цоисской долине, благодаря достаточно мягкому климатическому режиму и до сего времени сохранился колхидский третичный тип раститель-

¹ Л. И. Прасолов и Н. Н. Соколов. Почвенно-географический очерк Юго-Осетии. Производит. силы Юго-Осетии, сб. II, СОПС АН СССР, Л., 1931, стр. 348, 352, 353, 355, 364, 370—377, 403; О. С. Вялов. Предварительный отчет о работах 1932 г. в Южной Осетии. Материалы Центр. н.-и. геолого-разведочного института. Гидрогеология, сб. 3, 1934; О. Н. Михайловская. Почвенные исследования в горных районах Юго-Осетии. Производит. силы Юго-Осетии, сб. IV, СОПС АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 136, 140, 141, 160, 201, 206; А. Л. Рейнгардт. Четвертичная система. Геология СССР, т. X, ч. I. Закавказье, М.—Л., 1941, стр. 337.

ности¹, несколько обедненный по сравнению с Имеретией. Он характеризуется широколиственными, особенно буковыми, лесами с вечнозеленым подлеском, высокотравием колхидского типа, а иногда даже рощами каштана, зарослями самшита и единичными деревьями тисса².

Таким образом, предположениям о сплошном оледенении Кавказского хребта, исключаям всякую возможность обитания человека на территории Юго-Осетии, противоречат не только сведения о распространении древних ледников, но и приведенные ботанико-географические данные. Но важнейшим доказательством того, что влияние древних оледенений не могло воспрепятствовать расселению человека в предгорьях Кавказа и особенно Закавказья, являются многочисленные находки здесь памятников палеолитической культуры.

Чрезвычайно мало было сделано в области выявления и исследования этих памятников в дореволюционное время.

К Октябрьской революции было только положено начало исследованию в Имеретии пещер с культурными слоями, относящимися к верхнему палеолиту, и обнаружены первые стоянки каменного века на Кубани (станция Ильская) и в Армении (гора Богутлу). Только в годы советской власти, давшей невиданные возможности развития наук, в том числе и археологии, началось систематическое и планомерное изучение древностей Кавказа. Крупных успехов в этом направлении достигли исследователи памятников каменного века. В результате работ советских археологов С. Н. Замятнина, Г. К. Ниорадзе, М. Э. Паничкиной, А. Н. Каландадзе, Н. Э. Киладзе, С. А. Сардаряна открыты многочисленные интереснейшие памятники палеолитической эпохи³.

В настоящее время на Кавказе открыто свыше сотни палеолитических местонахождений, из которых лишь несколько находятся на северном склоне Кавказа, в бассейне р. Кубани. Остальные сгруппированы в трех местностях Закавказья — в Абхазии, Армении и Имеретии, причем только в двух первых известны памятники древней поры каменного века⁴.

Что касается восточного Закавказья, в частности восточной Грузии, то до настоящего времени в этом отношении она представлялась „белым пятном“. В отличие от западной Грузии, где в полосе известняков Кавказского хребта, изобилующего карстовыми явлениями, еще до революции были открыты пещерные верхнепалеолитические стоянки, на долгое время приковавшие внимание исследователей, восточной Грузии уделялось совершенно недостаточное внимание. Здесь, если исключить обнаруженные на территории вулканического нагорья южной Грузии две раннемезолитические стоянки (Бармаксызскую и Зуртакетскую) и отдель-

¹ В периоды максимальных похолоданий наиболее теплолюбивые растения, видимо, временно отступали в микроклиматически более благоприятные участки Колхиды (см. В. П. Малеев. Третичные реликты во флоре Западного Кавказа и основные этапы четвертичной истории его флоры и растительности. Материалы по истории флоры и растительности СССР. Изд. АН СССР, в. I, М.—Л., 1941, стр. 124).

² Н. А. Буш. Ботанико-географический очерк Кавказа. Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 12—20; В. А. Поварницын. Типы буковых лесов Джалабетского лесного массива Юго-Осетии. Производит. силы Юго-Осетии, сб. I, СОПС АН СССР, Л., 1931, стр. 172, 175.

³ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Изд. ЛГУ им. А. А. Жданова, 1949, стр. 14—34; П. П. Ефименко и Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 2, стр. 254 и сл.; Г. К. Ниорадзе. Древний каменный век на Кавказе (на груз. языке). Тр. Тбил. гос. ун-та, т. VI, 1937.

⁴ С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937; М. Э. Паничкина. Палеолит Армении. Изд. Гос. Эрмитажа, 1950; С. А. Сардарян. Палеолит Армении. (Автореферат диссертации). Изд. АН АрмССР, Ереван, 1950.

ные случайные находки в других местах, памятники каменного века совершенно неизвестны. А между тем богатейшие памятники бронзового века и энеолита восточной Грузии, случайные находки неолитических орудий и ряд косвенных данных (наличие стоянок каменного века в западной Грузии и Армении, находка остатков высшей человекообразной обезьяны — удабнопитека — в Кахетии¹ и др.) давали достаточное основание для утверждения, что отсутствие местонахождений палеолитического и неолитического возраста в восточной Грузии объясняется исключительно слабой археологической изученностью этой территории. И действительно, первые же шаги, сделанные в этом направлении, дали положительные результаты, еще раз подтвердившие мысль П. П. Ефименко, что именно в предгорьях Кавказа в начале плейстоцена существовали наиболее благоприятные условия для жизни крупных млекопитающих и человека².

Летом 1951 г. в Знаурском районе Юго-Осетинской автономной области производила археологические работы экспедиция Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР, возглавляемая Е. Г. Пчелиной. Рекогносцировочная археологическая разведка западной части Знаурского района была поручена автору настоящей статьи. Е. Г. Пчелина придавала особо важное значение этой разведке не только потому, что юго-западный угол Юго-Осетии был до последнего времени совершенно не обследован, но и потому, что в Юго-Осетинском музее еще с 1935 г. хранился поступивший как случайная находка из района сел. Цнелиси каменный прекрасно шлифованный вальцевый топор-молот³.

Знаурский район, крайний юго-западный участок области, почти целиком лежит в полосе предгорий. С северо-запада его охватывает дуга Сурамского хребта, от которого меридионально отходят на юг три контрфорса — боковых отрога, являющихся водоразделами бассейнов текущих в том же направлении четырех небольших рек — р. Лопанис и трех, носящих одинаковое название Проне (Корнисская, Оконская и Метехская)⁴. Долины рек Лопанис и Проне Метехская, прорезающие главным образом порфириновые толщи, более узки в отличие от широких, хорошо выработанных долин Проне Оконской и Проне Корнисской, текущих в пределах распространения толщи мягких третичных пород.

В целом с орографической стороны район представляет собой типичную предгорную зону, расчлененную сетью рек и небольших потоков на три сильно изрезанные водораздельные гряды, которые повышаются, принимая более жесткие очертания к северу, а в южной части постепенно сглаживаются, незаметно переходя в долину р. Куры⁵.

Рекогносцировочная разведка была произведена в долинах рек Лопанис, Метехская Проне и частично Оконская Проне, а также на водораздельных хребтах между ними. Было сделано много важных находок и открыто несколько памятников различных эпох, но наиболее интересным результатом работ явилось открытие местонахождений каменных орудий, относящихся к палеолиту и неолиту.

¹ Н. О. Бурчак - Абрамович и Е. Г. Габашвили. Высшая человекообразная обезьяна из верхнетретичных отложений восточной Грузии. Сообщения АН ГрузССР, т. VI, № 6.

² П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938, стр. 183.

³ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Изд. АН ГрузССР, Тбилиси, 1949, стр. 36, табл. XXII.

⁴ На некоторых картах эти три речки соответственно называются Проне Восточная, Проне Средняя и Проне Западная, или Корнисис-цхали, Пцис-цхали и Атоцис-цхали.

⁵ Производительные силы Юго-Осетии. Сб. IV. Изд. АН СССР, 1936, стр. 5, 181.

Было открыто древнепалеолитическое местонахождение юго-западнее селения Лаше-Балта¹. Кроме того, обнаружены четыре раннеолитические местонахождения в районе селений Пичиджин, Нагутни и Дзагина и ряд памятников бронзового века (холм Цихиани южнее селения Цнелиси, местность Самаником севернее селения Гвиргвина, холм на окраине селения Метехи, холм Гулкат-Кадзах у сел. Калети).

В июле 1952 г. произведены новые сборы подземного материала на местонахождениях, относящихся к каменному веку, — Пичиджин, Нагутни, Дзагина и Лаше-Балта. На последнем из них, древнепалеолитическом, удалось собрать еще несколько десятков отщепов, пластин, нуклеусов и найти первые два ручных рубила.

Тогда же выявлены следы нижнепалеолитической культуры (две пластины) в пункте, расположенном в 500 м севернее селения Калети², и верхнепалеолитической вблизи от селения Исаккау³. В августе 1952 г. экспедиция Института истории АН Грузинской ССР и Юго-Осетинского научно-исследовательского института под руководством А. Н. Каландадзе⁴ произвела повторное обследование ранее обнаруженных в Знаурском районе памятников каменного века. В процессе работ палеолитический отряд экспедиции обследовал лашебалтинское нижнепалеолитическое местонахождение и овраг севернее сел. Калети; в первом пункте найдено шесть предметов (отщепы, пластины), во втором — пластина и орудие типа массивного скребла⁵.

В сентябре 1952 г., по окончании работ экспедиции, мною были произведены дополнительные работы в Знаурском, Сталинирском и Джавском районах Юго-Осетии. В результате этих разведок установлены два новых нижнепалеолитических местонахождения: первое — в местности Джиджойты в 3 км севернее сел. Верхнее Рустави (Сталинирский район), второе — на окраине селения Морго (Джавский район). Оба местонахождения находятся уже в пределах лесистой среднегорной области. Собранный на них подъемный материал (андезитовые отщепы, пластины, остроконечник, скребло) предварительно следует датировать мустьерским временем. Единичные андезитовые отщепы и пластины такого же облика найдены на правом берегу долины р. Б. Лиахви и на северной окраине сел. Нижнее Рустави (местность Бибо-ахо) и Верхнее Рустави. Тогда же вблизи от сел. Рустави и Пичиджин были

¹ В 1951 г. в Лаше-Балта собраны первые восемь кремней нижнепалеолитического облика (нуклеусы, отщепы, пластины). Сообщение об этих находках сделано мною на заседании сектора палеолита ЛОИИМК АН СССР в Ленинграде 5 ноября 1951 г.

² В овраге, прорезающем местность Накапи и Нашвреби, в 1 км южнее лашебалтинского местонахождения.

³ Верхнепалеолитические (?) кремни собраны на плоской вершине водораздельной гряды, между долинами рек Метехская Проне и Оконская Проне. Находки приурочены к пахоте между сел. Исаккау и опушкой леса Шалибатэ-кэд. Единичные кремни встречаются также вдоль дороги, идущей от сел. Сери-Балта на сел. Набакеви, и в других смежных пунктах.

⁴ Состав экспедиции: А. Н. Каландадзе, О. М. Джапаридзе, В. П. Любин, В. Цискарашвили, А. С. Хабалов, Вл. П. Любин, О. Д. Кирова, В. А. Левкинадзе и студенты Тбилисского гос. университета.

⁵ Работами отряда произведены также сборы подъемного материала на раннеолитических местонахождениях Пичиджин и Нагутни, заложены разведывательные шурфы на местонахождениях Пичиджин и Дзагина и открыты два новых раннеолитических местонахождения в пределах Сталинирского района (у сел. Дзари и на вершине Джермухской горы севернее сел. Рустави). Тогда же вблизи сел. Корниси обнаружено интересное местонахождение Сороты-сар; из многочисленного весьма позднего подъемного материала, собранного здесь, была выделена группа отщепов и нуклеусов архаичного облика. А. Н. Каландадзе предположительно датирует их мустьерским временем.

открыты еще четыре новых раннеолитических местонахождения и собраны немногочисленные кремни этого возраста вблизи сел. Калети и Сиуката.

При тщательном осмотре лашебалтинского нижнепалеолитического местонахождения обнаружены более обильные материалы: восемь прекрасно обработанных ручных рубил, диск, нуклеусы и много отщепов.

Сборы в 1951 г. носили выборочный характер, так как внимание обращалось почти исключительно на кремни, имеющие обычные для этих мест цвета — красный, розовый и желтый.

Выборочный характер сборов предопределил и недостаточность повторных сборов в июле 1952 г., и неудачу работ экспедиции в августе того же года.

В сентябре овраг был разбит на участки; каждый из них тщательно обследован. Весь верхний слой галек в русле оврага перебран. Работа была вознаграждена находкой ручных рубил, которые, кстати сказать, были изготовлены не из цветного кремня, а из темносерого андезита.

В настоящей статье дается характеристика лишь наиболее важных памятников, среди которых первостепенное значение имеет нижнепалеолитическое местонахождение Лаше-Балта.

Нижнепалеолитическое местонахождение Лаше-Балта расположено в лесостепной предгорной полосе, в долине р. Метехская Проне, близ сел. Лаше-Балта. Правый пониженный берег долины р. Метехская Проне в этом месте расчленен невысокими водораздельными увалами — отвершками, отходящими от лопанско-метехской гряды и незаметно сливающимися с низкой поймой реки. Увалы покрыты кустарниковыми зарослями дуба, держи-дерева, граба, грабинника („шибляком“), который выше по реке и западнее, к Сурамскому хребту, постепенно переходит в леса, приближающиеся по своему составу к колхидским лесам соседней Имеретии.

Нижнепалеолитическое местонахождение находится в ложбине между двумя увалами, северо-западнее сел. Лаше-Балта, в местности Даллаг-Ахейте. В этой ложбине дождевые потоки промыли неглубокий овраг, простирающийся с северо-запада на юго-восток и выходящий устьем южнее Лаше-Балта к пойме р. Метехская Проне. Ширина оврага 3—10 м, глубина 1—5 м.

Нижнепалеолитические изделия найдены в русле оврага и, очевидно, происходят из галечниковой толщи, вскрытой и частично размытой водными потоками. Подтверждением может служить находка кремневого нуклеуса, залегавшего в слое галечника. В месте находки нуклеуса стена оврага характеризуется следующими отложениями:

Почвенный слой	0,3—0,4 м
Серо-коричневый суглинок с редко встречающейся мелкой галькой	2,2 м
Мелкая и крупная галька	1 м
Светложелтая, плотная, слегка жирная, охристая глина, подстилающая галечник (толщина слоя не установлена).	

Нуклеус найден на глубине 2,7 м от поверхности оврага, на месте контакта суглинка и слоя галечника. Другие находки были рассеяны на дне оврага, в его устьевой и средней части, на протяжении около 1,5 км.

В итоге работ 1951—1952 гг. собрана коллекция в составе 77 каменных изделий (в том числе 8 из сборов 1951 г.). Материалом для их изготовления служили различные породы: андезит (25 экз.), желтый меловой кремень (2 экз.), грубые кремнистые породы с переходами к яшмам и халцедонам и осадочные кремненные глинистые и карбо-

натные породы¹. Всего установлено свыше 15 разновидностей андезита, кремня и различных кремнистых и окремненных пород. Среди собранных в Лаше-Балта изделий: ручные рубила (10 экз.), диск (1 экз.), нуклеусы (7 экз.), нуклевидные формы (5 экз.), отщепы (54 экз.).

О большой древности изделий свидетельствуют патина, выветренность и значительная окатанность.

Вопрос о характере патинизации осложняется необычным разнообразием пород камня. Более того, изделия, изготовленные из одной породы (например, группа андезитовых изделий), не всегда имеют одинаково ровную патину. Интересно, что кора выветривания многих поделок из андезита, главным образом ручных рубил, характеризуется интенсивной ноздреватостью. Здесь, очевидно, сказываются неодинаковые условия залегания орудий как на поверхности, где они подвергались различного рода атмосферным влияниям, так и в погребенном состоянии, где на них воздействовали в разной степени и различные почвенные соли. Патина совершенно маскирует естественную окраску камня, видимую только в позднейших изломах и повреждениях.

Условия нахождения лашебалтинских находок свидетельствуют о значительном и, возможно, неоднократном перемещении их водой, поэтому грани изделий сильно сглажены. Сравнение лашебалтинских андезитовых предметов с андезитовыми изделиями других нижнепалеолитических местонахождений Юго-Осетии (Джиджойты севернее сел. Верхнее Рустави и местонахождение на окраине сел. Морго) резко выделяет коллекцию из Лаше-Балта как значительно более древнюю. Андезитовые отщепы из отмеченных выше пунктов несут слабую серопепельную патину; грани сглажены едва заметно.

Ведущей формой лашебалтинского комплекса орудий являются ручные рубила. Для изготовления их использовались крупные камни или желваки, расколотые пополам. Форма ручных рубил различна, причем преобладают миндалевидные (5 экз.); единичные экземпляры встречаются овальной, сердцевидной и треугольной формы. Девять рубил изготовлены из андезита, одно из кремня очень грубой структуры.

Размеры ручных рубил колеблются от 15 до 9 см в длину и от 9 до 6 см в ширину. Одно миниатюрное рубильце имеет в длину 5,5 см, в ширину 4,5 см.

Овальное ручное рубило (длина 15 см, ширина 9 см, поперечное сечение 5 см) изготовлено из крупного желвака андезита, обработано по всей поверхности крупными широкими сколами, направленными от краев к центру (рис. 17—1). Края слабо приострены мелкими сколами. Наиболее утолщена центральная часть; пятка отсутствует. Оба конца орудия утоньшены и несколько сужены. В поперечном сечении оно удлиненно-овальной формы.

Второе, миндалевидное, ручное рубило (длина 14 см, ширина 8 см, поперечное сечение 4,5 см) изготовлено из расколотого пополам андезитового желвака (рис. 17—2). Основание массивной пятки покрыто желвачной коркой. Одна сторона обработана крупными широкими сколами, на второй, гладкой стороне, на утолщенном продольном крае, имеется несколько приостряющих сколов. Вследствие обработки с двух

¹ Определение сделано на основании беглого осмотра доцентом кафедры исторической геологии ЛГУ Е. Н. Дьяконовой-Савельевой. Снятие шлифов, влекущее за собой повреждение части изделий при взятии образцов породы, не могло быть сделано. Научный сотрудник кафедры петрографии ЛГУ К. М. Кошиц исследовал шлифы с двух взятых в лашебалтинском овраге естественно расколотых кремней, фактура которых абсолютно тождественна фактуре 4 нуклеусов и 12 отщепов. Определение дало яшму с прожилками халцедона и лиманитизированный кремний.

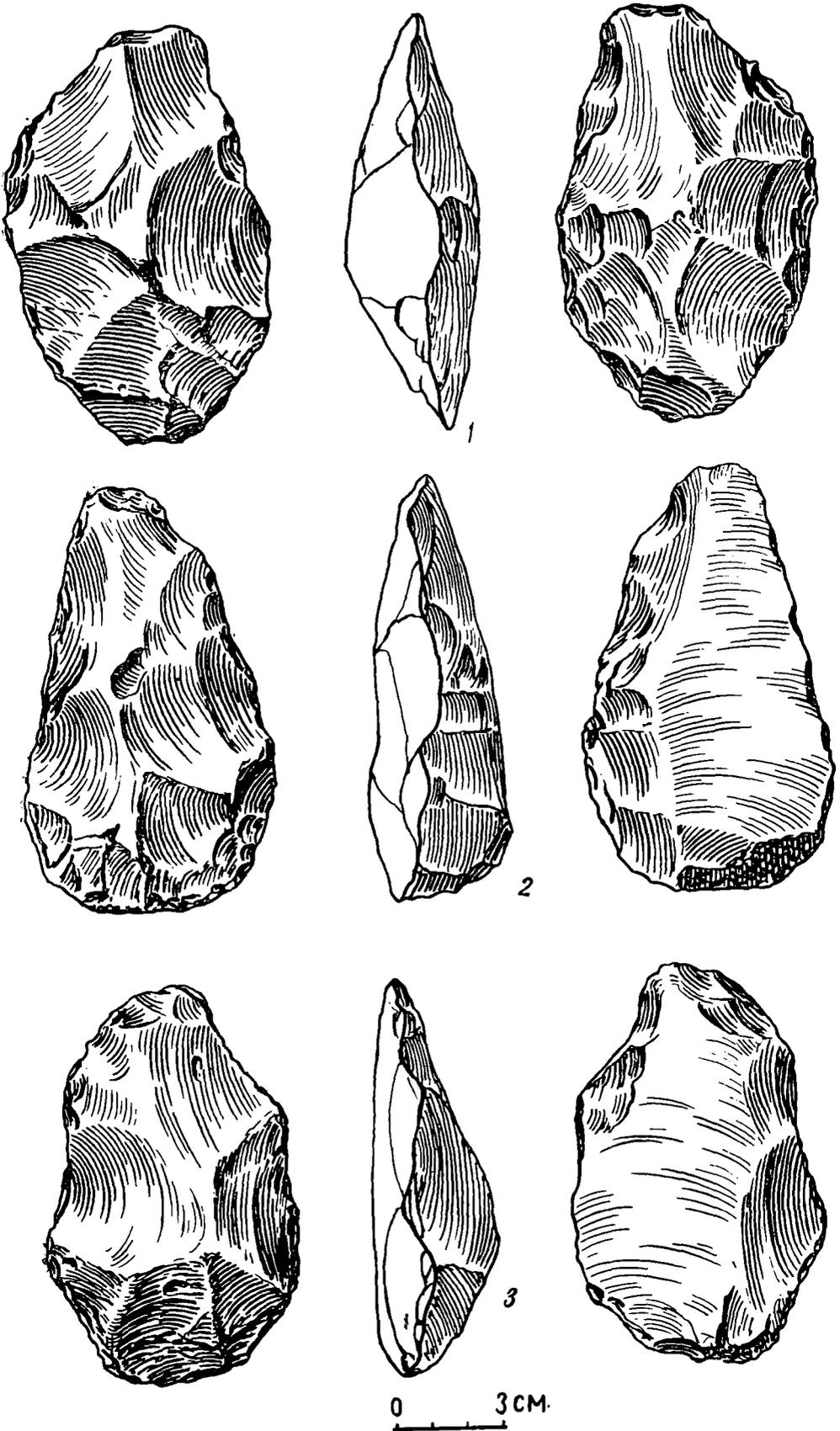

Рис. 17. Ручные рубила из Лаше-Балта:
1 — овальное; 2—3 — миндалевидной формы.

сторон этот край получил извилистое лезвие. Мелкая выравнивающая края ретушь отсутствует. В поперечном разрезе орудие слегка асимметрично. Рубило удобно захватывается рукой при упоре пятки в ладонь.

Третье, миндалевидное, ручное рубило (длина 11 см, ширина 7 см, поперечное сечение 3,5 см) изготовлено из расколотого желвака андезита (рис. 17—3). Одна сторона орудия сплошь обработана грубыми сколами;

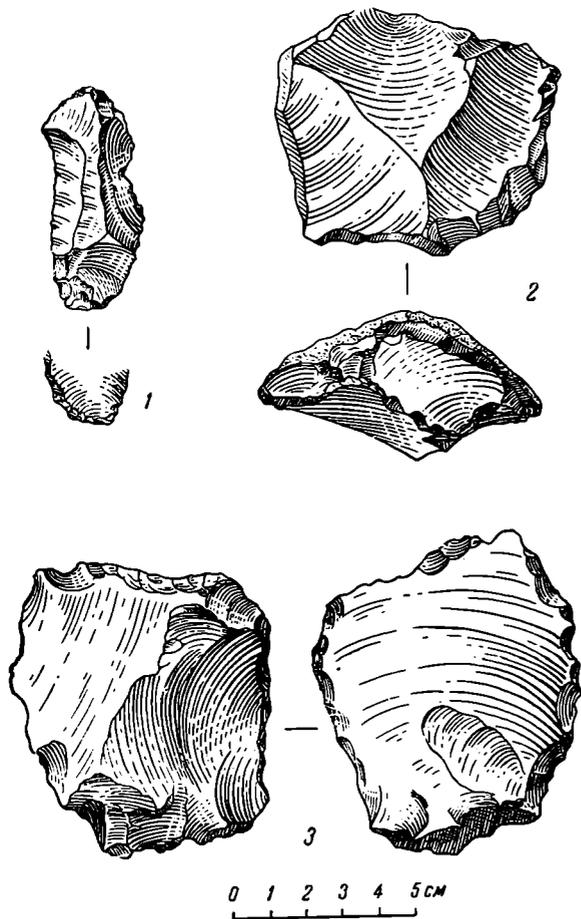

Рис. 18. Кремневые орудия из Лаше-Балта:

1 — отщеп удлиненной формы; 2 — дисковидный нуклеус; 3 — массивный широкий отщеп подчетыреугольных очертаний.

крайне неустойчива. Значительная часть изделий характеризуется случайными очертаниями: прямоугольные, близкие к треугольным, овальные. Есть экземпляры удлиненных очертаний размерами 13 × 7 см; 9 × 3,5; 5 × 3 см. Грубые и разнородные по структуре породы камня придают отщепам очень примитивный вид. У некоторых нижняя плоскость шероховата, неровна, имеет случайные „изъяны“, выпуклости и впадины, вызванные явно грубой структурой камня. Несмотря на плохое качество исходного материала, отщепы имеют все характерные признаки намеренного раскалывания: ударную площадку, ударный бугорок, „раковистый излом“, следы предшествующих сколов на спинке.

Наиболее толстые, массивные отщепы достигают 3—4 см в сечении. Подавляющее большинство носит примитивные черты обработки: широ-

сколами; вторая, нижняя, подправлена сколами только вдоль продольных краев и сохраняет в основании орудия широкий расплывшийся ударный бугорок. Слегка утолщенная пятка грубо обита несколькими сколами по всей поверхности.

Орудие асимметрично: нижняя сторона (плоскость откола) уплощена, верхняя выпукла, особенно в нижней части, у пятки. Продольные края слабо извилистых очертаний. Верхний конец заострен мелкими сколами с двух сторон.

Нуклеусы (7 экз.). Преобладают дисковидные массивные. Для характеристики этой группы изделий представлен экземпляр на рис. 18—2 (диаметр 8 см, толщина 4 см). Он неправильно овальных очертаний. На уплощенной стороне следы сколов трех широких отщепов; сколы направлены от краев к центру. Выпуклая сторона сохраняет естественную корку желвака.

Отщепы (54 экз.) — весьма различных размеров: длина их от 13 до 3 см, ширина от 9 до 3 см. Форма

кие гладкие ударные площадки расположены сбоку или у основания и составляют на многих экземплярах тупой угол с нижней плоскостью отщепа; крупные ударные бугорки занимают половину или более гладкой нижней стороны. На некоторых экземплярах прослеживается в точке удара сосцевидный выступ, а на бугорке изъянец, образовавшийся при отделении отщепа. Воспроизведенный на рис. 18—3 массивный широкий отщеп имеет подчетыреугольные очертания (длина 8 см, ширина 7 см, толщина 2,5 см). Ударная площадка без следов предварительной подправки расположена в основании отщепа под тупым углом к плоскости откола. На площадке хорошо прослеживаются три сосцевидных выступа, образовавшихся при отделении отщепа. Ударный бугорок занимает больше половины гладкой нижней плоскости. На бугорке заметен один крупный изъянец. На спинке сохранились следы отделения отщепов от нуклеуса. На краях гладкой нижней стороны прослеживается грубая ретушь или следы употребления.

18 отщепов — удлиненной формы (рис. 18—7); из них восемь сохраняют архаичные признаки: массивность, широкие очертания, крупную (в семи случаях гладкую) ударную площадку, расположенную под тупым углом к нижней плоскости отщепа. Десять небольших фрагментированных отщепов „или пластин“ имеют удлиненные грани на спинке. У четырех из десяти сохранились ударные площадки, подправленные на нуклеусе. У шести отщепов, изготовленных из андезита, удлиненные грани на спинке хорошо выражены; их очертания, очевидно, обусловлены хорошим качеством материала — андезита, имеющего свойство легко раскалываться на сравнительно тонкие удлиненные отщепы¹. Следует отметить, что степень патинизации и окатанности андезитовых отщепов, имеющих удлиненные очертания, менее значительна, чем у андезитовых ручных рубил. В частности, почти совсем нет ноздреватости и пористости, столь характерных для ручных рубил.

Небольшое количество собранного в Лаше-Балта материала не позволяет пока подразделить палеолитические изделия на одновременные комплексы. Вопрос о расчленении лашебалтинской коллекции на две разновозрастные группы может быть поставлен только при накоплении новых материалов. Однако эта небольшая, но достаточно выразительная по составу изделий коллекция дает основание датировать памятник ранней порой нижнего палеолита.

Примитивный облик двусторонне обработанных ручных рубил (грубые приемы изготовления, массивность, наличие на некоторых экземплярах утолщенной пятки, извилистость лезвия, отсутствие мелкой выравнивающей края ретуши), а также дисковидных нуклеусов, несущих на поверхности следы скалывания грубых отщепов, позволяет определить возраст изделий ранним ашелем.

Подтверждением этой датировки служит также архаичный облик отщепов. Массивность, толщина, крупные размеры, случайная форма, отсутствие формирующей контур ретуши указывают на примитивность изделий. У подавляющего большинства ударные площадки гладкие, без следов предварительной подправки, под тупым углом к нижней плоскости отщепа. Ударные бугорки занимают половину и более поверхности брюшка.

Находка орудий, относящихся к нижнепалеолитической культуре, в центральной части Закавказья, в предгорной полосе южного склона Главного хребта имеет важное значение уже потому, что эти находки

¹ На местонахождении Лаше-Балта андезитовые нуклеусы пока не встречены. Со следами сколов удлиненных отщепов обнаружен лишь один нуклеус, изготовленный из кремня красно-оранжевого цвета.

являются связующим звеном между древнейшими памятниками Черноморского побережья Кавказа и Армении и позволяют полнее представить картину расселения первобытного человека на территории Закавказья. Сделанные в Юго-Осетии находки нижнепалеолитических орудий доказывают, что в раннечетвертичное время первобытный человек уже обитал на территории восточной Грузии. Кроме палеолитических находок, в Юго-Осетии обнаружены местонахождения, давшие материал более позднего периода каменного века. До сих пор здесь были известны лишь случайные единичные находки, относящиеся к неолитическому времени.

Б. А. Куфтин, изучая археологические коллекции Юго-Осетинского музея, выделил в качестве самой древней группы предметов несколько орудий и изделий, переданных в музей жителями некоторых селений. К этой группе им отнесены две подвески из клыков медведя и собаки (или лисы), две шлифованные костяные иглообразные булавки, обсидиановый призматический нуклеус с холма Шаршиатов из Хвце, тщательно обработанный отжимной ретушью кремневый клинок и фрагмент диоритового сверленого топора-молота из Рустави и уже упоминавшийся нами вальцевый топор-молот без сверлины из сел. Цнелиси.

Эти находки — первое свидетельство существования позднеолитической культуры на территории восточной Грузии¹.

Важное значение имеет открытие первых десяти раннеолитических местонахождений в пределах Знаурского и Сталинирского районов Юго-Осетии. Они сгруппированы в двух пунктах: пять местонахождений сосредоточены на метехско-онокской водораздельной гряде вблизи селений Нагутни, Пичиджин, Дзагина (Знаурский район), вторые пять — вблизи селений Рустави и Дзари (Сталинирский район).

Четыре местонахождения: Пичиджин (поле Габриэл-хом в 600 м восточнее сел. Пичиджин), Нагутни I (в 1 км юго-восточнее сел. Нагутни), Нагутни II (местность Кугом в 300 м юго-восточнее сел. Нагутни), Дзагина (на правой стороне долины р. Оконская Проне, вблизи от устья впадающего в нее бокового ущелья Имеретис-хеви), открыты еще в 1951 г. экспедицией под руководством Е. Г. Пчелиной. Местонахождения Дзари (местность Село) и на вершине Джермухской горы севернее сел. Рустави открыты экспедицией под руководством А. Н. Каландадзе в августе 1952 г. И, наконец, последние местонахождения: Цыплеты (2,5 км юго-восточнее сел. Пичиджин), Кабисты-шагд, Джиджойты и Зура-ахо (севернее сел. Рустави), открыты во время проведения разведки автором этой статьи в сентябре 1952 г. Кроме того, тогда же были выявлены следы раннего неолита вблизи сел. Калети и сел. Сиуката (местность Шота-ахо).

Большой интерес представляют наблюдения по размещению местонахождений. Восемь из десяти были расположены на уплощенных, в большинстве случаев ныне распахиваемых площадках на вершине двух водораздельных гряд: метехско-онокской и более высокого лесистого гребня с вершинами Джермух и Зари-Клде, лежащего к северу от сел. Рустави и Дзари, и только два обнаружены на склонах этих гряд: Дзагинское на восточном склоне метехско-онокской гряды и Зура-ахо у подножья массива Джермухской горы.

В 1951 и 1952 гг. на всех указанных местонахождениях собрано и получено из раскопок² свыше десяти тысяч обитых кремней. Наиболее

¹ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 36—37, табл. XXI.

² Экспедиция под руководством А. Н. Каландадзе в 1952 г. заложила разведывательные шурфы у Дзагина и Пичиджин (Знаурский район), давшие материал, не отличающийся от подъемного.

значительные сборы дали местонахождения Пичиджин (6561 кремень), Нагутни I (2068), Джермухской горы (548), Цыплеты (419), Кабистышагд (233), Зура-ахо (124).

Сборы 1952 г. еще не обработаны, поэтому на рис. 19 воспроизведены только типичные образцы из находок в 1951 г. (экспедиция Е. Г. Пчелиной). В 1952 г. обнаружены новые кремневые и обсидиановые изделия; пополнены также серии орудий коллекции 1951 г.

Среди собранного материала преобладают узкие ножевидные пластинки, большей частью усеченные (некоторые из них имеют вторичную подправку в виде тонкой ретуши по одному или обоим краям), микропластинки, нуклеусы для скалывания узких ножевидных пластинок, скребочки, проколки, своеобразные выемчатые орудья, отщепы с резовыми сколами. Изобилующие в сборах ножевидные пластинки, очевидно, употреблялись в качестве вкладышей метательного и иного охотничьего оружия.

Инвентарь всех десяти местонахождений общим обликом и по технике изготовления напоминает тарденуазские микролитические формы изделий. Наличие единичных резцов и орудий геометрических форм (сегменты, треугольники), полное отсутствие во всех десяти пунктах шлифованных орудий и керамики¹, отсутствие на кремневых и обсидиановых изделиях плоскостной ретуши и отсутствие кремневых вкладышей от серпов², столь обильно представленных на более поздних памятниках Юго-Осетии³, позволяют предварительно датировать эти комплексы самым концом эпипалеолита или ранненеолитическим временем.

В свете изложенного представляется устаревшей точка зрения Б. Е. Деген-Ковалевского, объясняющего чрезвычайную скудость неолитических находок на Кавказе не недостаточной еще археологической изученностью его, а весьма ранним появлением металла — меди (в частности, на Северном Кавказе), «когда техника изготовления кремневых (и костяных) орудий далеко еще не исчерпала возможностей „классического неолита“... и как следствие этого, северокавказская эпоха меди, опередившая... в технологическом отношении „нормальную“ последовательность производственного развития, вынуждена была нести... в себе грузное наследство „неолита“»⁴.

В действительности, повидимому, дело обстоит проще и никаких сдвигов или, вернее, „надвигов“ одной эпохи на другую не существовало, а „скудость неолитических остатков“ объясняется только отсутствием специальных и систематических археологических разведок и ориентирующих указаний на то, в какой конкретной „ландшафтной“ обстановке возможны находки изделий неолитического времени.

¹ На местонахождении Цыплеты собрано некоторое количество черепков глиняной посуды и другие предметы — стеклянные браслет и бусы, относящиеся к концу бронзового века и более поздним эпохам, свидетельствующие о повторном и многократном заселении этого места, расположенного у превосходного родника. Отдельные черепки средневековой и современной керамики встречаются и на некоторых других местонахождениях.

² Два вкладыша от серпов, найденных на местонахождениях Пичиджин и Нагутни I, следует, повидимому, считать инородными и случайными по отношению к прочему инвентарю. Единичные находки подобных вкладышей на пахотных полях встречаются почти повсеместно в предгорной полосе Юго-Осетии.

³ В открытом в 1952 г. местонахождении предметов бронзового века Кувандон на северо-западной окраине сел. Нижнего Рустави за несколько часов собрано 26 вкладышей от серпов.

⁴ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 286.

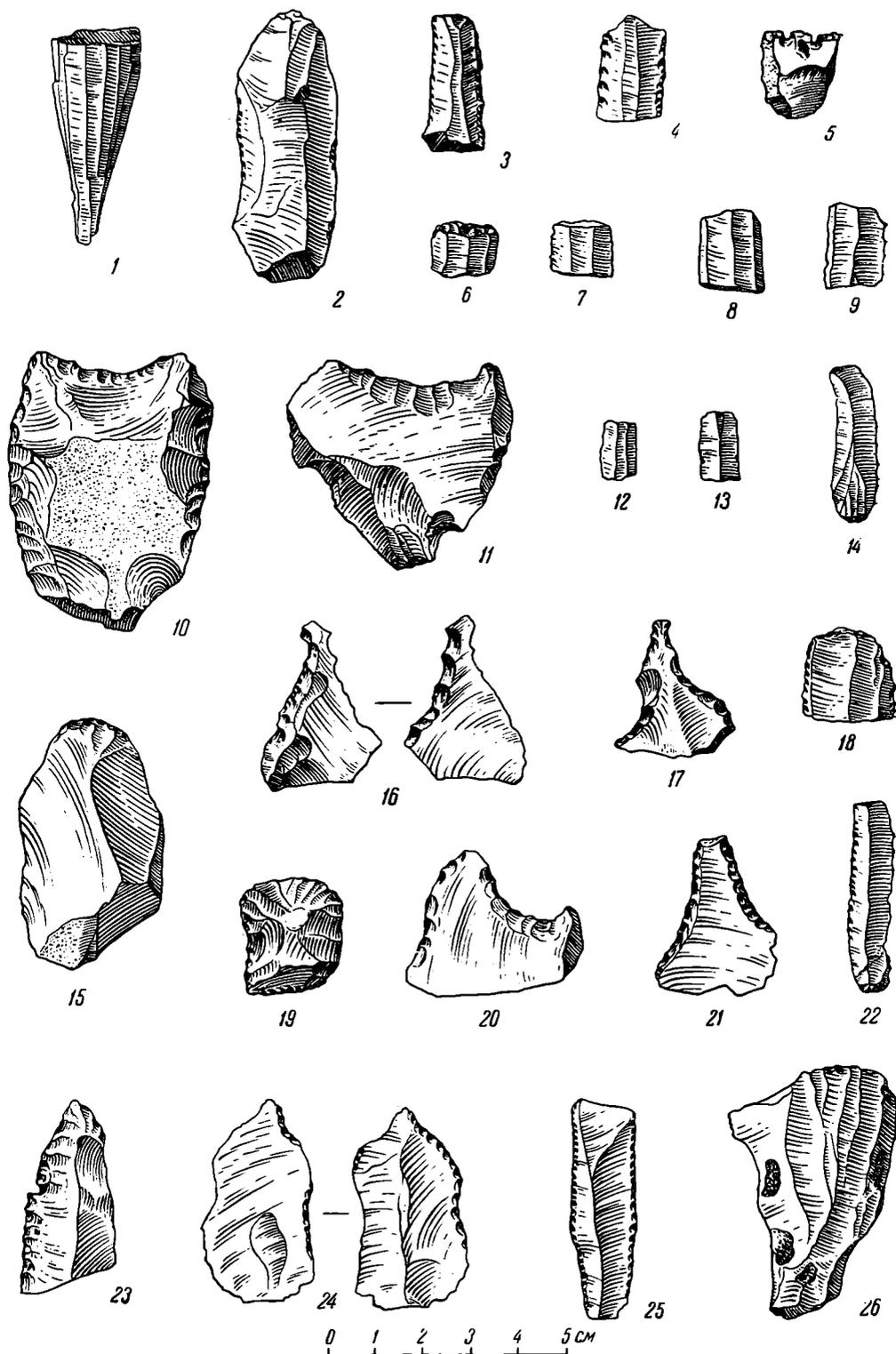

Рис. 19. Образцы изделий из сборов на местонахождениях Пячиджин, Нагутни I, Нагутни II, Дзагина:

1 — нуклеус; 2—4, 6—9, 12—14, 18, 22, 25 — узкие ножовидные пластинки (целые и усеченные); 5 — вкладыш от серпа; 10, 11, 20 — выемчатые орудия; 15, 19 — скребки; 16, 17, 21, 24 — проколки; 26 — скобель (1—3, 5, 6, 8—20, 22, 23, 25, 26 — кремнь; 4, 7, 21, 24 — обсидиан).

Такими ориентирующими указаниями нам представляются данные наблюдений А. Потапова о расположении неолитических стоянок Кавказа „на вторых (древних) террасах речных долин“¹, а также сведения, полученные в результате наших работ, изложенные в настоящем сообщении.

До самого последнего времени внимание многочисленных исследователей памятников древности Юго-Осетии привлекали долины рек, дававшие обильный материал по эпохе бронзы и более поздним эпохам.

В 1951 г. впервые археологическая разведка была перенесена на водораздельные гребни в лесостепной предгорной полосе, а в 1952 г. и в среднегорной лесной полосе. Поиски здесь привели к открытию упоминавшихся выше местонахождений ранне-неолитического времени.

Человек ранне-неолитической эпохи, повидимому, предпочитал селиться на водораздельных гребнях, на полянах среди леса², в центре богатых охотничьих угодий и мест, изобилующих съедобными растениями.

Первые находки, относящиеся к каменному веку в Юго-Осетии, открывают интересные перспективы в области исследования новых палеолитических и неолитических местонахождений в Грузии.

Было бы целесообразно охватить разведкой всю предгорную зону в пределах Знаурского, Сталинирского и Ленингорского районов, обратив особое внимание на еще не затронутые разведкой долины рек Малая Лиахви, Меджуда, Лехура и Ксани и на водораздельные гряды между ними. Следует также продолжить разведочные работы в среднегорной области, включив в полосу разведки Цоисскую долину, районы селений Хихата, Гуфта, Кроз, Цру, Гери, Белоти и др., и затем перенести разведку в зону субальпийско-лесного ландшафта, где в районе Кударо, Цонской и Эрдойской котловин отмечены значительные выходы известняков и связанные с ними карстовые явления. Здесь расположено карстовое озеро Эрдо, которое „имеет сообщение с прилегающими к нему с юга известняками, образующими карстовую пещеру с подземным водоемом, откуда, собственно говоря, и берет начало крайний правый исток реки Квирилы (приток Риона)“³. Известны карстовые пещеры и в районе сел. Часавали и в других местах. Не исключено, что в этих пещерах удастся обнаружить остатки культуры каменного века. Е. Г. Пчелина уже давно отмечала важность первоочередного обследования, наряду с районом сел. Рустави, и этой области известняково-карстового ландшафта северо-западной части Джавского района Юго-Осетии. Необходимо также тщательно разведать район верховьев Проне Оконской и Проне Корнисской к северу от селений Мухаври, Ожора, Цорбиси, который расположен между Пичиджином и Рустави — двумя основными пунктами, где сгруппированы ныне известные ранне-неолитические местонахождения. Наконец, следует произвести обследование юго-западного угла Знаурского района, примыкающего к Имеретии и Хашурскому району, где на водоразделах и их склонах имеется много лесных полей.

Таковы предварительные наброски ближайших задач по организации поисковых работ в Юго-Осетии. Несомненно, что со временем, по мере накопления новых данных, археологические разведки должны быть перенесены и дальше на восток, а возможно, и на юг, охватив и другие районы восточной Грузии.

¹ А. Потапов. Предисторический Кавказ. „Східний світ“, Харків, 1928, № 2.

² Местонахождения Джермухской горы, Кабисты-шагд и Джиджойты и сейчас расположены на полянах среди леса. В других же пунктах лес почти совершенно сведен и лишь на отдельных участках сохранились кустарниковые заросли.

³ О. Н. Михайловская. Почвенные исследования в горных районах Юго-Осетии. Производительные силы Юго-Осетии, сб. IV, Изд. АН СССР, 1936, стр. 167.

А. А. ФОРМОЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНОК КАМЕННОГО ВЕКА В КРЫМУ
в 1952 году*(Доклад на Секторе неолита, бронзы и раннего железа 18 октября 1952 г.)*

Плодотворные исследования советских археологов Г. А. Бонч-Осмоловского, О. Н. Бадера, С. Н. Бибикова и др. по каменному веку Крыма были прерваны войной. С 1941 по 1952 г. раскопки стоянок эпохи палеолита и неолита в Крыму не велись. Некоторый материал накапливался только путем случайных сборов. Так, А. А. Щепинским, проводившим разведки к югу от Симферополя, открыта в 1951 г. ранне-неолитическая стоянка Константиновка, где найдены типичный плоский нуклеус, трапеция, круглый микролитический скребок и серия ножевидных пластин; в 1952 г. им же обследовано палеолитическое местонахождение Кабази. Сотрудник Бахчисарайской археологической станции Н. П. Кацур нашел в 1952 г. в балке Осипова близ Бахчисарая типичный дисковидный нуклеус мустьерского времени. Небольшие сборы производились экспедицией П. Н. Шульца на микролитических стоянках Яйлы¹.

Необходимо было, однако, возобновить систематические исследования стоянок каменного века в Крыму, давших уже много ценных материалов для археологии, палеонтологии, геологии и антропологии. Инициативу в возобновлении этих работ взял на себя Музей пещерных городов Крыма (г. Бахчисарай), поручивший автору настоящей статьи провести разведки в Бахчисарайском районе с целью выбора объекта для раскопок на будущее время.

Нами было обследовано 15 гротов и навесов по рр. Каче и Альме и в балках близ Бахчисарая. Разведка привела к открытию в окрестностях Бахчисарая первоклассной мустьерской стоянки, заслуживающей самого тщательного изучения путем раскопок. Стоянка расположена в балке Канлы-дере, выходящей в Бахчисарайскую балку с левой ее стороны, в пригороде Бахчисарая — сел. Староселье, в 1 км ниже известного пещерного города Чуфут-кале и разветвления Бахчисарайской балки. В 200 м от устья балки Канлы-дере, на правом ее берегу, на высоте 11 м над дном долины, расположена большая пещера-навес, приуроченная к известнякам датского яруса. Длина навеса 56 м, высота 4 м, ширина площадки между задней стенкой и обрывом в среднем 7—8 м, кое-где 12—16 м. Навес обращен на запад и хорошо защищен от

¹ П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция. КСИМК, в. XXVII, 1949, стр. 56—66.

северных и восточных ветров. Высокий левый берег балки хорошо защищает его и с запада. В 250 м от стоянки по дну Бахчисарайской балки течет р. Чурук-су. В известняках, в которых расположен навес, попадаются включения желваков превосходного черного кремня, использовавшегося обитателями стоянки. Все эти условия расположения навеса-пещеры делают ее очень удобной для поселения. Мощные скопления остатков фауны, прослеженные нами в центральной части пещеры, говорят о долговременном обитании в ней палеолитического человека.

К сожалению, примерно треть площади стоянки безвозвратно погибла. В эпоху средневековья нижняя по балке, северная часть пещеры была превращена в каменоломню, причем культурный слой был вычищен до скалы, а из пола вынута много плит известняка. При ломке камня пострадал и карниз навеса в верхней, южной части, отесанный на протяжении 20 м. Большая, южная, часть площади пещеры, размером примерно 36×10 м, сохранилась, однако, в неприкосновенности. Нами был разобран участок площадью около 20 м², непосредственно примыкающий к разрушенной части.

Стратиграфия разобранного участка оказалась предельно простой: на скальном полу залегает слой рыжевато-красной щебенки мощностью 0,3—0,7 м, заключающий культурные остатки и лишь кое-где прикрытый камнями, упавшими с потолка пещеры, и тонким дерновым покровом. В щебенке заключены кости животных, принадлежащие, по определению В. И. Громова, дикому ослу — *Equus (Asinus) hydruntinus* (8 особей, в том числе 2 молодых), оленю, возможно северному — *Cervus (rangifer?)*, быку (бизону) — *Bos* sp. и какому-то мелкому хищнику (по одной особи). Эти виды животных известны и из других мустьерских стоянок Крыма. Охота на дикого осла занимала видное место и в хозяйстве обитателей Волчьего грота (найжены кости не менее чем 9 особей) и Шайтан-кобы (5 особей), но резкое преобладание костей осла среди фаунистических остатков представляет индивидуальную особенность стоянки Староселье, так как в других мустьерских стоянках численно преобладает олень или лошадь¹.

При работах в пещере получен характерный набор мустьерских орудий, включающий 9 остроконечников, 6 скребел и 2 двустороннеобработанных орудия. Размеры орудий довольно крупные: скребла и остроконечники имеют в длину 5—6 см и в ширину 2—4 см. Края орудий обработаны типичной мустьерской ретушью, на более массивных — ретушью с заломами, на более изящных — тонкой контрударной ретушью (рис. 20—1-6). Необходимо отметить небольшой асимметричный остроконечник с одной прямой и другой дугообразно изогнутой стороной (рис. 20—4). Эта форма орудий, представленная также в Шайтан-кобе², является известным приближением к верхнепалеолитическим остриям типа шательперрон и характеризует позднее мустье. Два прекрасных двусторонне обработанных орудия (размером 7×5 см и 7×3 см) имеют типичный асимметричный профиль, так как с одной стороны они обработаны крупными широкими плоскими сколами, а с другой — более мелкой ретушью (рис. 20—7). Асимметричны и очертания орудий, у которых один край выпуклее другого. Прямой край был, по видимому, рабочим, а выпуклый и более массивный захватывался рукой. Анало-

¹ В. И. Громов. Палеонтологические и археологические обоснования стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Тр. ИГН, в. 64, 1948, табл. 11.

² Г. А. Бонч-Осмоловский. Шайтан-коба. Бюлл. КИЧП, № 2, 1930, табл. V.

гичные наблюдения сделаны М. Э. Паничкиной для шельских рубил¹. Отщепы со стоянки Староселье имеют подправленные площадки; угол

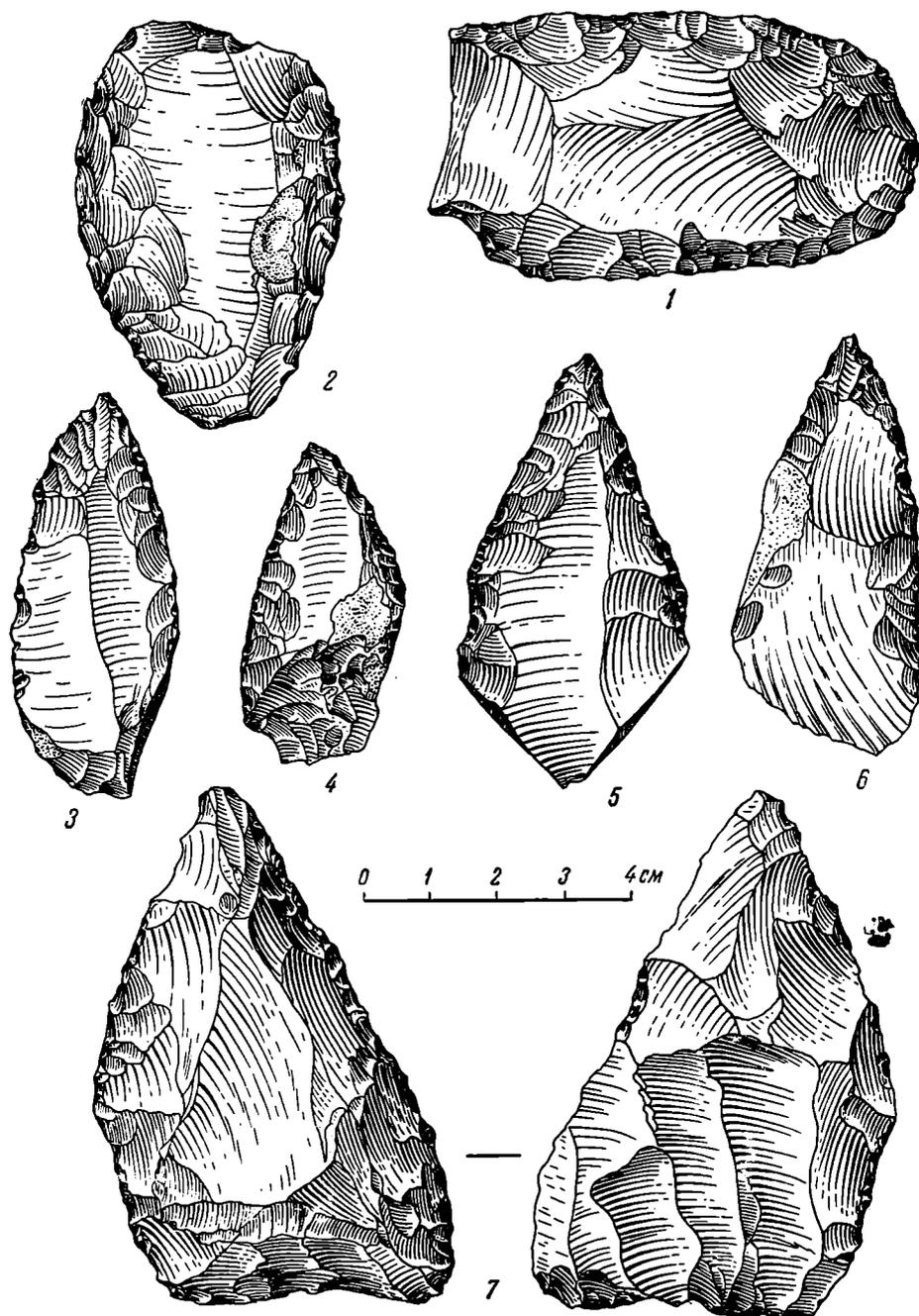

Рис. 20. Кремневые орудия со стоянки Староселье.

между площадкой и плоскостью брюшка у большинства отщепов приближается к прямому. Материалом для орудий служил черный кре-

¹ М. Э. Паничкина. К вопросу о назначении шельских орудий. КСИИМК, в. XLVI, 1952, стр. 25.

мень, желваки которого, как указывалось выше, находятся в известняках самой пещеры, и, реже, голубовато-серый кремь, происходящий с горы Кремневой близ Бахчисарая.

Комплекс орудий, полученный в Староселье, позволяет отнести этот памятник к группе позднемустьеьских стоянок типа Чокурчи и Шайтанкобы. Об этом свидетельствуют весьма совершенные отщепы-заготовки, характер двусторонне обработанных орудий, близких к чокурчинским, и наличие асимметричного наконечника. Низкое положение над дном долины, свидетельствующее о молодом возрасте пещеры, также сближает эту стоянку с Чокурчей¹.

Второй интересный пункт, обследованный нами в 1952 г., — местонахождение Кабази. Оно было открыто еще в 1880 г. пионером исследования каменного века Крыма — К. С. Мережковским², но древность стоянки тогда не была понята, а поэтому находка Мережковского была совершенно забыта. Между тем это вторая (после Волчьего грота) древнепалеолитическая стоянка, открытая в России³. Местонахождение расположено в 13 км к югу от Симферополя и в 16 км к северу от Бахчисарая на р. Альме, между селами Кабази и Кукурековка. Материал собран на средней части склона высокого (до 100 м) и крутого правого берега р. Альмы, ниже выхода нуммулитовых известняков, где имеется ряд небольших навесов. Пол навесов скалистый, и находок в них нет. Нет находок и на легко доступной осмотру поверхности плато, слабо задернованной, с выходами скалы. Вряд ли палеолитический человек жил на склоне, крутизна которого достигает 50°. Вероятнее всего находки происходят из пещеры, находившейся между навесами и закрытой сейчас оползнем с поверхности плато. Во всяком случае находки сделаны только ниже уровня, на котором расположены навесы и прерывающий их ряд оползень.

Среди подъемного материала выделяется серия дисков (8 экз.), диаметром 4—10 см, с неснятой известковой коркой на одной стороне, с другой стороны обработанных радиально направленными сколами (рис. 21—3, 5). Диски, несомненно, служили не только как нуклеусы, но и как рубящие орудия, о чем свидетельствует вторичная мелкая подработка на краях. Характерность для ашельского и мустьеьского времени таких орудий показана последними исследованиями на Кавказе⁴. В Крыму серии этих орудий до сих пор не выделялись. В сборах из Кабази имеется также 8 остроконечников (рис. 21—4, б) и 8 скребел (рис. 21—1, 2). Особенно характерны массивные скребла на укороченных широких отщепах, длиной 4—8 см, шириной 3—4 см, с крутым рабочим краем, обработанным ретушью с заломами. Остроконечники также очень характерны. Частью они узкие, но массивные, частью широкие, плоские. Отщепы из Кабази более архаичны, чем отщепы из Староселья: площадки их часто гладкие, угол площадки и плоскости брюшка тупой. Весь материал представляется более древним, чем находки

¹ Н. И. Николаев. Материалы к геологии палеолита Крыма. Бюлл. Моск. Общ. испыт. природы, От. геолог., т. XVIII, вып. 2, 1940.

² К. С. Мережковский. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. Изв. РГО, т. XVII, в. 2, 1881, стр. 110.

³ Стоянка вторично открыта А. А. Щепинским, принимавшим участие в нашем обследовании.

⁴ М. Э. Паничкина. Палеолит Армении. Л., 1949; С. Н. Замятин. Некоторые данные о нижнем палеолите Кубани. Сб. МАЭ, т. XII, 1949; А. А. Формозов. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья. КСИИМК, в. XLVI, 1952, стр. 31—41.

в Староселье, что хорошо согласуется с более высоким положением места находок над уровнем реки (50—70 м).

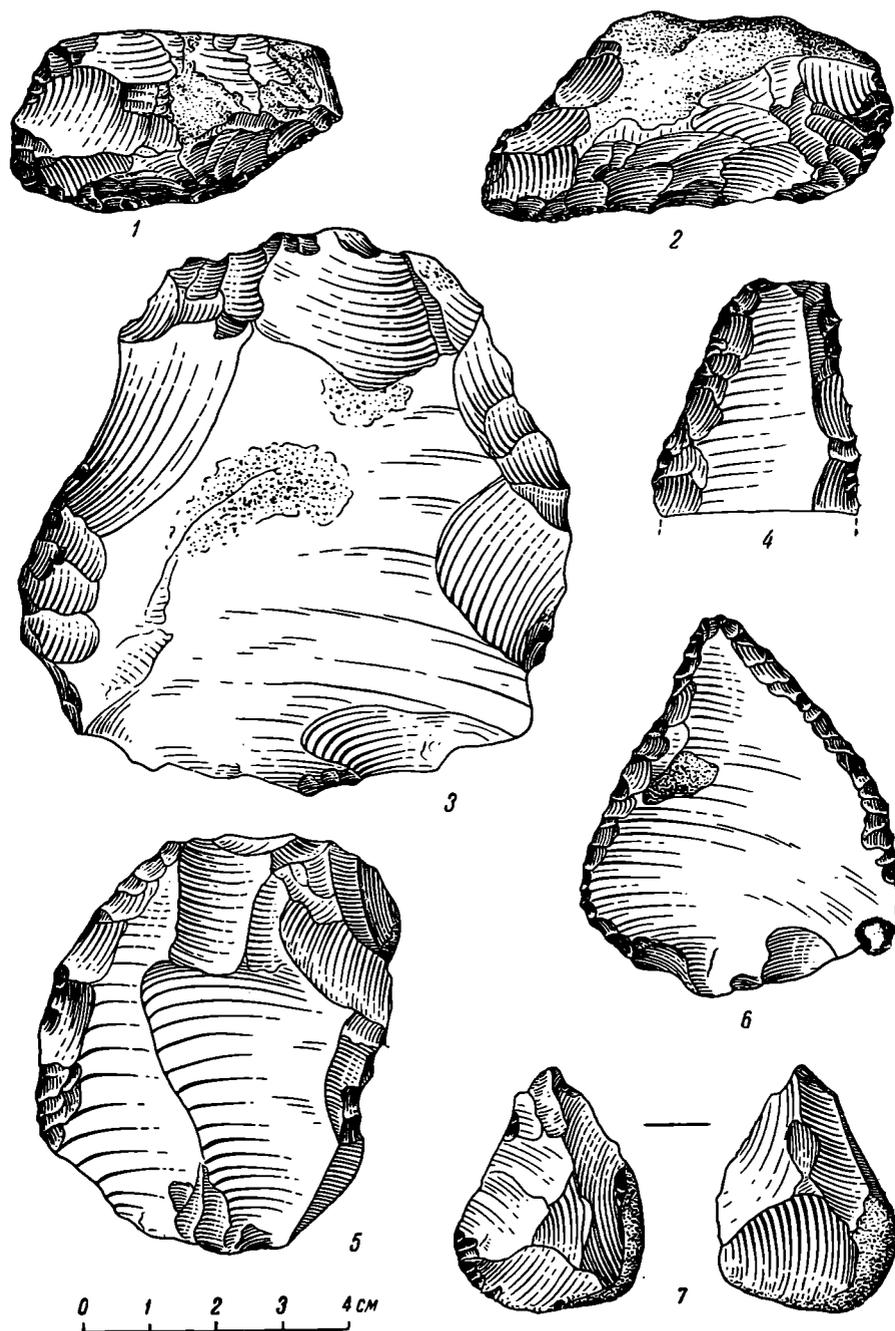

Рис. 21. Кремневые орудия местонахождений Кабази и Эфендикой:
1—6 — Кабази; 7 — Эфендикой.

Условия находок в Кабази и тождественные условия находок, сделанных в Бахчисарае в 1940 г. Д. А. Крайновым¹, интересны в связи

¹ Д. А. Крайнов. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа. Бюлл. КИЧП, № 9, 1947.

с проблемой погребенных пещер, к которой недавно привлёк внимание С. Н. Замятин¹. Несомненно, что в Крыму, где сильно развита оползневая деятельность, где неоднократно происходили тектонические движения, вызывавшие обвалы плит с потолка пещер (неоднократность обвальных циклов хорошо видна на стоянках Сюрень I, Качинский навес и Таш-аир), имеется много погребенных пещер. Задача археологов — исследовать не только ныне существующие, но и погребенные пещеры, научиться выявлять их и разработать методику их исследования. Весьма вероятно, что древнейшие памятники находятся именно в погребенных пещерах.

В этой связи большой интерес представляют собранные Д. А. Крайновым сведения о погребенной пещере с обильными костными остатками, вскрытой в 1933—1934 гг. при работе каменоломен в низовьях р. Качи у сел. Эфендикой. Каменоломни теперь засыпаны и недоступны для изучения, но нам удалось найти в засыпи одной из них несколько обработанных человеком кремней. Среди находок — „миниатюрное ручное рубило“ типа Киик-кобы, сделанное из маленькой гальки, длиной 3 см, шириной 2 см, толщиной 1 см, обработанное с двух сторон так, что обработка с каждой стороны заостряет лишь один край. Пятка орудия покрыта коркой (рис. 21—7). Здесь же найдено несколько мелких отщепов мустьерского облика. Расспросы местных жителей показали, что находки сделаны не там, где была пещера с костями. Обследование этой каменоломни результатов не дало. Но, повидимому, и в месте наших находок была погребенная пещера, ибо кроме как из нее кремни ниоткуда не могли попасть в заполнение каменоломни. Каменоломни Эфендикоя находятся в 2 км от русла р. Качи, на левом ее берегу, очень высоко над уровнем реки, и связаны с древними хорошо разработанными балками. Находка здесь древнепалеолитической стоянки вполне возможна, и надо продолжать поиски.

Четвертый мустьерский пункт, нами осмотренный, — место находки дисковидного нуклеуса в балке Осипова под Бахчисараем. Находка, повидимому, происходит из маленького грота (размером 6 × 3 м), расположенного на правом берегу балки, в 1 км от ее устья, на высоте 100 м над дном. Грот использовался в качестве каменоломни, и дно его сейчас скальное. На склоне ниже грота и найден Н. П. Кацуром дисковидный нуклеус, а нами — два кремневых отщепа. Вероятно, в гроте была небольшая мустьерская стоянка, разрушенная при выборке камня.

Разведки 1952 г. увеличили число мустьерских стоянок Крыма до одиннадцати (ранее изучены Киик-коба, Чокурча, Волчий грот, Шайтанкоба, Аджи-коба, Чагорак-коба, Бахчисарай)² и дали перспективы для дальнейших работ по изучению древнейших археологических памятников Крыма.

Интересный материал дало и исследование значительно более позднего памятника — навеса в Алимовской балке на р. Каче, в 1,5 км ниже с. Баштановки (б. Пычки), открытого палеозоологической экспедицией И. М. Громова в 1952 г. Навес расположен на левом берегу Качи, в верховьях глухой заросшей лесом балки, по дну которой бежит ручей. Вход навеса обращен на север, но лес закрывает его от

¹ С. Н. Замятин. О первоначальном заселении пещер. КСИИМК, в. XXXI, 1950, стр. 55—63.

² Библиографию см. П. П. Ефименко и Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 2, 1941; Д. А. Крайнов. Указ. соч.

ветра. Длина навеса 52 м, наибольшая ширина 12 м, высота свода до 20 м.

Шурфовка показала, что навес обитался дважды, причем в период перерыва в обитании произошел (возможно, и вызвавший этот перерыв)

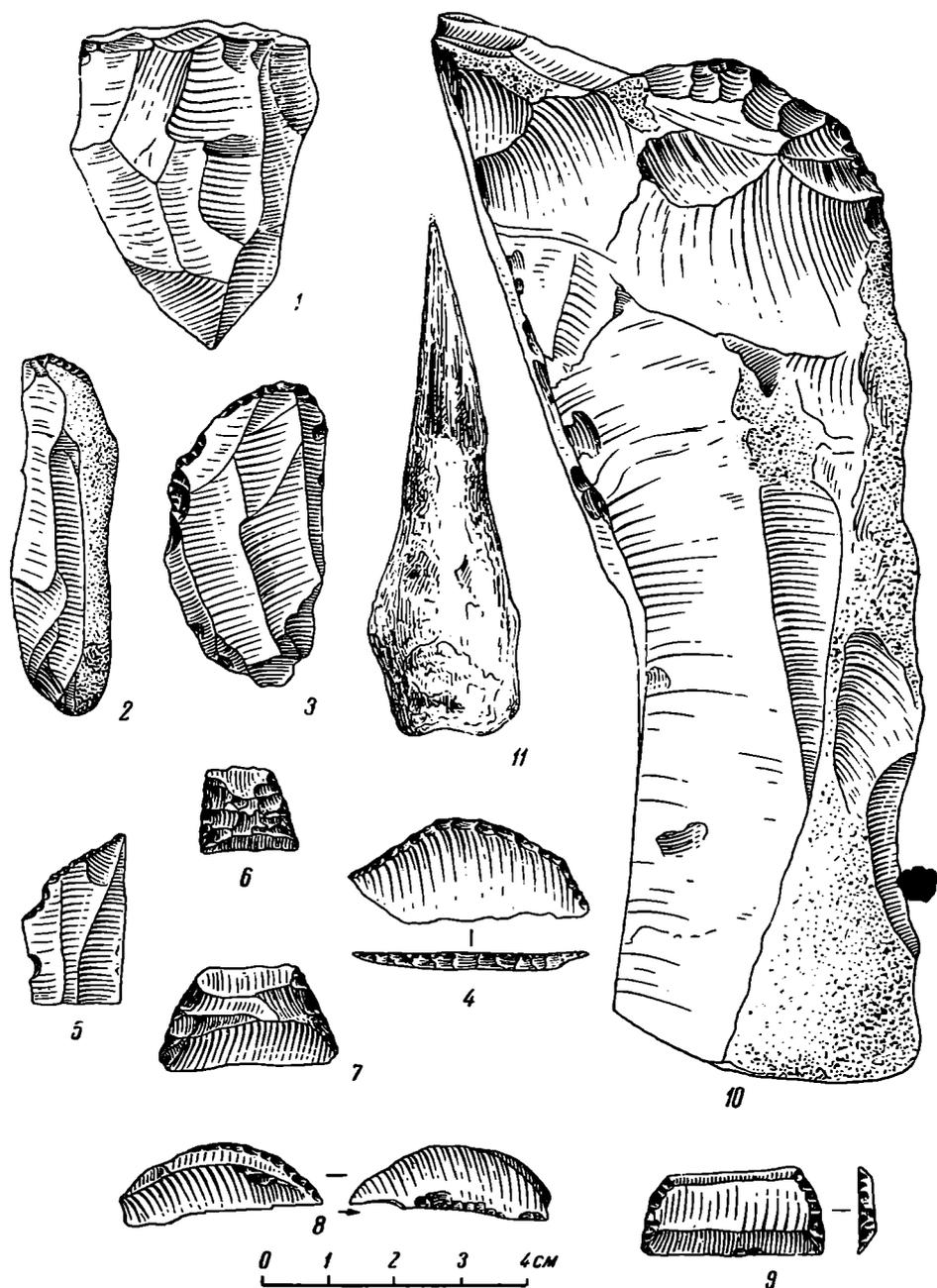

Рис. 22. Находки в нижнем слое Алимовского навеса:

1—10 — кремнь; 11 — кость.

обвал свода, так как два культурных слоя разделены сплошным слоем крупных обрушившихся плит. Верхний слой дал типичную кизилкобинскую керамику, а нижний — серию кремневых изделий. Среди них — три высокие короткие трапеции, длиной 2,5 см, шириной 1,5—2 см (рис. 22—7, 9),

сегмент с резовым сколом (рис. 22—8) и такие характерные для эпохи неолита и раннего металла формы геометрических орудий, как трапеция со струганой спинкой (рис. 22—6) и сегмент с обработанной вершиной (рис. 22—4)¹. Найден также конический нуклеус длиной 5 см, шириной 2,5 см (рис. 22—7), два резца бокового типа, два симметричных и одно косое острие (рис. 22—5), изготовленные на пластинках. Поздними формами микролитических орудий являются также найденные в Алимовском навесе концевые скребки с суженными концами (рис. 22—3) и концевой скребок с изогнутым рабочим краем, образующим прямой угол с одним краем пластины и тупой угол с другим (рис. 22—2). Такие формы орудий характерны для поздних микролитических стоянок Яйлы—Ат-баш, Юсуповская и Балин-кош², относящихся уже не к мезолитическому, а к более позднему времени. Вместе с этим кремневым инвентарем, изготовленным на изящных пластинках, длиной 6—8 см, шириной 1—2 см, найдено крупное рубящее орудие макролитического типа, длиной 16 см, шириной 4 см, сделанное из довольно аморфного нуклеуса, подправленного по одному краю грубыми сколами (рис. 22—10). Макролитические формы орудий исключительно редки в Крыму, где микролиты бытовали до эпохи ранней бронзы, но единичные экземпляры все же известны. Из стоянки Зуя I происходит напоминающий алимовский грубый нуклеус, длиной 12 см, шириной 5 см, превращенный в рубящее орудие. Он найден в комплексе с трапециями со струганой спинкой, сегментом с обработанной вершиной и другими поздними типами орудий³. Ряд макролитических форм отмечен в материалах со стоянки Балин-кош, где найдены уже многочисленные двустороннеобработанные наконечники стрел ямнокатакомбного типа⁴. Таким образом, макролиты встречаются в крымских памятниках эпохи неолита и бронзы. Из других находок в нижнем слое Алимовского навеса надо назвать несколько камней с рабочей полировкой и костяные проколки (рис. 22—11).

В комплексе с этим инвентарем найдено несколько фрагментов чернолощенной керамики из глиняного теста с примесью толченой раковины. Проникновение их из верхнего слоя исключено, так как культурные отложения разделяют толстые плиты известняка, а находки в нижнем слое связаны с очажным комплексом. Несколько неожиданная на первый взгляд, эта находка может быть вполне осмыслена в свете наших знаний по первобытной археологии юга. Керамика найдена даже на стоянке Ат-баш, материал которой гораздо архаичнее алимовского (встречена лишь одна трапеция со струганой спинкой на десятки других геометрических орудий). С другой стороны, чернолощенная керамика, известная нам из кизилкобинских комплексов Крыма, наиболее ранние из которых относятся ко II тысячелетию до н. э.⁵, представлена очень совершенными формами изделий, несомненно имевшими своих предшественников. Мы почти не знаем более древней крымской керамики. Находки керамики с гребенчатым заглаживанием поверхности, известные из ряда стоянок с кремневым инвентарем III—начала II тысячелетия до н. э., происходят из степных районов и с горной кизилкобинской культурой не связаны. На яйлинских стоянках в силу

¹ С. Н. Бябиков. К вопросу о неолите в Крыму. КСИИМК, в. IV, 1940, стр. 26—31.

² Коллекция Музея антропологии МГУ (материалы О. Н. Бадера).

³ Коллекция Симферопольского музея из раскопок В. В. Лоренца.

⁴ Коллекция Ялтинского музея, сборы Е. И. Висниовской.

⁵ П. Н. Шульц. О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма (тезисы доклада). Симферополь, 1952, стр. 6.

условий залегания керамика почти не сохранилась. Все же имеется несколько фрагментов из Балин-коша под Ялтой. Лощеных черепков среди них нет, но на некоторых черепках имеется характерный для кизилкобинской керамики узкий острый налепной валик. Таким образом, некоторые элементы, типичные для кизилкобинской керамики, появились в Крыму еще до II тысячелетия до н. э.

Как известно, кизилкобинская керамика имеет ближайшие аналогии в чернолощеной, относящейся ко времени перехода от бронзы к железу на Северном Кавказе. Исследовавший эту керамику А. А. Иессен указывал, что она „имеет глубокие корни в культуре Кавказа“¹. Действительно, уже в энеолитических кавказских материалах есть чернолощенная керамика, обильно представленная в Закавказье, но известная и из более северных районов. Укажем на материал из раскопок Л. Н. Соловьева 1949—1950 гг. в Воронцовской пещере в районе Хосты, на стоянку Солнцедар близ Геленджика. Наконец, на Краснодарском полуострове в пещере Джебел А. П. Окладниковым открыта чернолощенная керамика в сочетании с микролитическим инвентарем. На этом фоне наличие чернолощеной керамики вместе с поздними формами микролитов в Крыму не только возможно, но и закономерно.

Большой интерес представляют и костные остатки животных из нижнего слоя Алимовского навеса, среди которых, по определению В. И. Цалкина, представлены кости благородного оленя, косули, зайца, дикой лошади и домашней свиньи. Мысль о раннем одомашнении кабана в Крыму, высказанная в 1937 г. В. И. Громовой и В. И. Громовым², находит теперь некоторое подтверждение. В культурном слое встречено также много раковин улиток *Helix*, что обычно для стоянок тарденуазского типа в Крыму.

В 1953 г. наши исследования в Крыму продолжались. Раскопки в Староселье подтвердили позднемустьерский возраст стоянки и ее близость к стоянкам типа Чокурчи (большое число двусторонних орудий). В пещере найдено погребение ребенка, принадлежавшего, по определению Я. Я. Рогинского, к типу, переходному от неандертальца к кроманьонцу. В Кабази собран большой материал, позволяющий причислить этот памятник к числу стоянок, для которых не характерны орудия типа рубил (функции их исполняли диски). К этой же группе, отличной от чокурчинской, принадлежит Шайтан-коба, более поздняя, чем Кабази. Совместно с С. Н. Замятниным обследовано местонахождение Замрук у Евпатории, открытое К. С. Мережковским. Установлено, что найденные там мустьерские отщепы происходят из галечников миндель-рисского возраста.

¹ А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Л., 1940, стр. 44.

² Вера Громова и В. И. Громов. Материалы к изучению палеолитической фауны Крыма. Тр. сов. секции АИЧПЕ, в. I, 1937, стр. 91.

А. А. ЩЕПИНСКИЙ

НОВЫЕ СБОРЫ НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНКАХ В ОКРЕСТНОСТЯХ СИМФЕРОПОЛЯ

Богатство Крыма стоянками каменного века общеизвестно. Более сотни стоянок эпохи палеолита и неолита было исследовано в довоенное время Г. А. Бонч-Осмоловским, С. Н. Бибиковым и другими. Прерванные войной исследования каменного века возобновились лишь в 1952 г. под руководством А. А. Формозова. Но еще до этого автор настоящей статьи проводил сборы каменных орудий в районе Симферополя. Так как палеолит в окрестностях Симферополя изучен хуже, чем в более южных районах, нам кажется, что результаты этих разведок заслуживают публикации¹.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ КАБАЗИ

Впервые о местонахождении каменных орудий в долине р. Альмы, у селения Кабазы, упоминает первый исследователь крымского палеолита К. С. Мережковский, собравший здесь еще в 1880 г., т. е. более 70 лет назад, „с десятков орудий, из которых многие довольно интересны“². Но материал Мережковского остался необработанным, со временем растерялся и утратил научную ценность. Находки его были забыты и нигде о них не упоминается.

Кабазинское местонахождение расположено в 15 км к юго-западу от Симферополя, в зоне предгорий, на правом склоне Альминской долины.

В этом месте известняки, слагающие вторую гряду Крымских гор, обрываясь в долину, образуют ряд отвесных скал, у основания которых образовалось несколько сухих, удобных для жилья навесов, обращенных выходами на юго-юго-запад. Рядом, в одном из оврагов на том же склоне, находится родник с чистой водой; еще ниже, по дну долины, протекает р. Альма. Наконец, в ближайших окрестностях находится месторождение кремня.

Итак, совокупность таких природных факторов, как сухие, защищенные с севера и открытые к югу навесы скал и близость пригодной для питья воды и месторождения кремня, создала исключительно благоприятные условия для заселения этой местности человеком в четвертичный период.

¹ Описанные в данной статье стоянки осмотрены в 1952 г. А. А. Формозовым, давшим автору ряд указаний при изучении собранного материала.

² К. С. Мережковский. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. Изв. РГО, т. XVII, в. 2, 1881, стр. 110.

На склоне долины, близ одного из навесов, автором, впервые после К. С. Мережковского, были собраны кремневые орудия первобытного человека.

Вдоль склона орудия встречаются на протяжении 35—40 м, а вниз по склону — на пространстве более 200 м, т. е. почти до дороги Кабази — Кукурековка. Повидимому, часть орудий смыта сверху по крутому склону долины дождевыми потоками, об интенсивности которых свидетельствуют многочисленные промоины и овраги, прорезавшие склоны. Интересно отметить, что ни в рядом расположенном навесе, ни на склоне под ним орудий найдено не было.

Небольшой шурф, заложенный под навесом, находок не дал. Возможно, это объясняется тем, что сплошная цепочка скал, тянущаяся вдоль долины, слегка понижаясь здесь, образует небольшой полуцирк, заполненный покатою осыпью, перекрывающей бровку скал, а может быть, и имеющуюся под ней пещеру или навес, служивший жилищем первобытному человеку. Месторасположение полуцирка совпадает с небольшим понижением на плато, откуда, возможно, и смыта основная масса осыпи. Возможно также и то, что на месте нынешнего полуцирка находился навес, который в дальнейшем обрушился, перекрыв собой стоянку. В пользу этих предположений свидетельствует то, что выше уходящей под осыпь бровки скал, т. е. в пределах полуцирка, орудий не обнаружено.

Керамики среди подъемного материала нет, что указывает на глубокую древность памятника.

В коллекции имеются следующие хорошо выраженные кремневые орудия:

1. Несколько дисковидных нуклеусов характерного мустьерского облика с крупными широкими фасетками с одной стороны и желвачной коркой, сохранившейся лишь посередине, с другой (рис. 23 — 1). Размеры нуклеусов колеблются в пределах 5—7 см в диаметре.

2. Три скребла с массивным рабочим краем, оформленным неравномерной ретушью, нанесенной со стороны спинки. Одно из этих орудий (рис. 23 — 3) имеет поразительное сходство со скреблом из Волчьего грота¹. Аналогичные скребла есть и среди материалов других крымских стоянок мустьерского времени (в Чокурче, Шайтан-кобе и др.). Из общей группы орудий выделяются одностороннее скребло с сильно выпуклым лезвием (рис. 23 — 2) и обломок небольшого скребловидного орудия с сильно изогнутым рабочим краем, конец которого с внешней стороны оформлен тщательной ретушью (рис. 23 — 4).

3. Следующую группу орудий составляют остроконечники. В коллекции их не менее пяти. Два остроконечника изготовлены из массивных отщепов треугольного очертания; их края оформлены грубой ретушью с мелкими заломами по краю фасеток (рис. 23 — 5); третий изготовлен из узкого, но длинного и массивного отщепа, трехгранного в сечении (рис. 23 — 6). Следующий остроконечник сохраняет ту же форму, но отличается более широким основанием и тонким профилем (рис. 23 — 7).

Наряду с орудиями, изготовленными из отщепов, сколотых с дисковидных нуклеусов, изредка попадаются широкие и короткие ножевидные пластинки, сколотые с призматических нуклеусов, которые начинают появляться в верхнем палеолите.

Кроме хорошо выраженных орудий, в коллекции имеются отщепы

¹ О. Н. Бадер. Крупнейшая мустьерская стоянка у Волчьего грота в Крыму. ВДИ, № 1 (6), 1939, рис. 8.

и осколки кремня, несущие на себе следы ретуши или употребления. В изобилии встречаются также обломки и чешуйки кремня — отходы

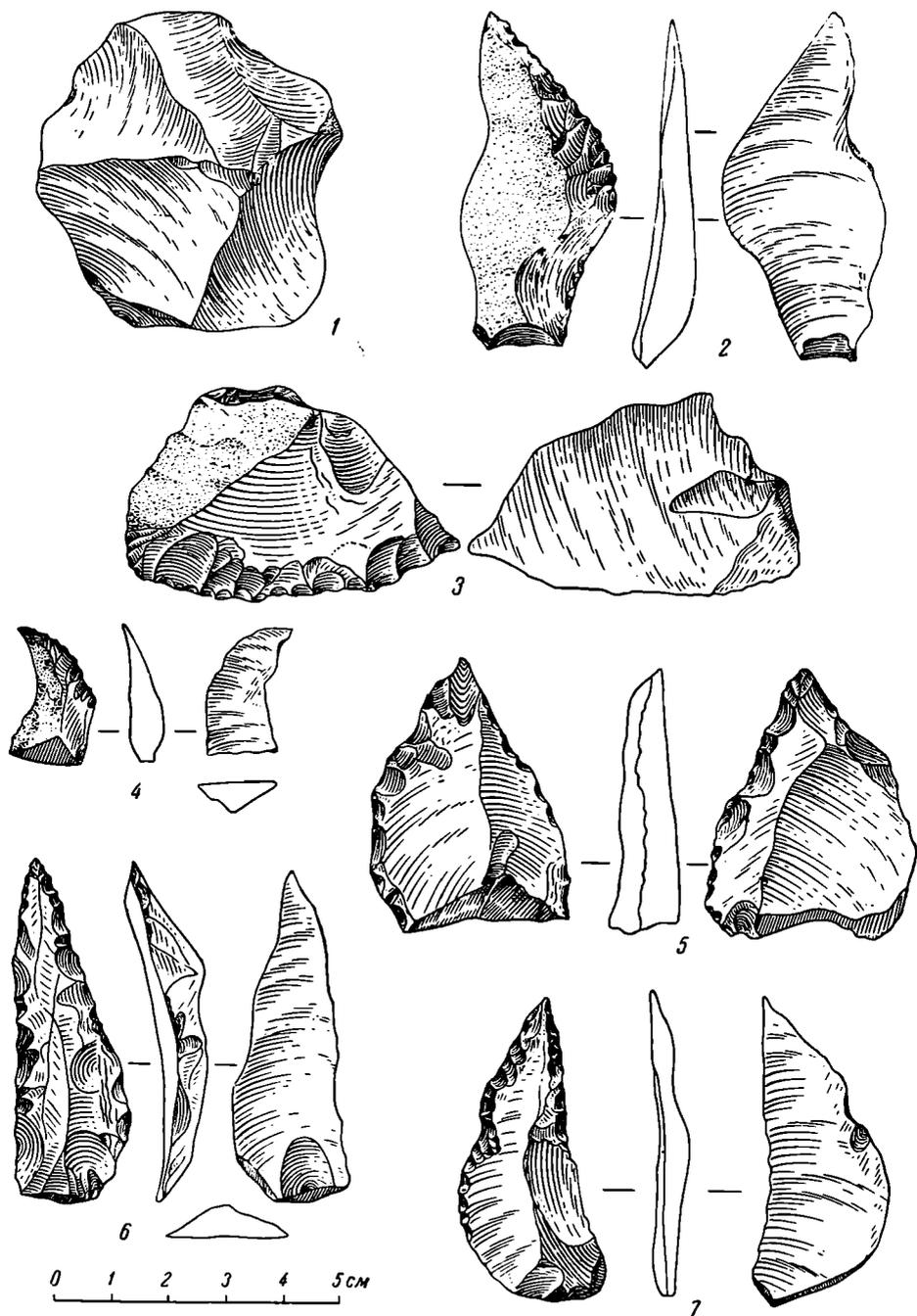

Рис. 23. Кремневый инвентарь Кабазинского местонахождения:

1 — дисковидный нуклеус; 2—4 — скребла; 5—7 — остроконечники.

производства, свидетельствующие о том, что заготовка орудий производилась на месте.

Таким образом, весь комплекс орудий, собранных у с. Кабази, по аналогии с материалами других палеолитических памятников Крыма и прежде всего таких, как Шайтан-коба (которая, кстати сказать, нахо-

дится не более чем в 5—6 км к югу), Чокурча, Волчий грот и Киик-коба, хорошо датирует местонахождение Кабази мустьерским временем.

Наличие же в коллекции немногочисленных ножевидных пластинок, быть может, указывает на зарождение новых способов изготовления орудий, характерных уже для последующих периодов палеолитической эпохи. Аналогичные явления мы обнаруживаем в инвентаре Шайтан-кобы¹.

Итак, в настоящее время в результате вторичного осмотра местонахождения Кабази стало возможным датировать этот памятник и включить в число мустьерских стоянок на территории СССР.

КОНСТАНТИНОВСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ

Следующий памятник относится уже собственно к послепалеолитическому времени, т. е. мезолиту или эпипалеолиту. Эта стоянка обнаружена в 10 км к югу от Симферополя, у с. Константиновки в Курцово-Сабловской балке.

Названная балка является небольшим отрезком второй продольной долины, отделяющей первую гряду Крымских гор от второй, или, вернее, предгорье от гор, так как только первая гряда представляет собой настоящие горы. На северо-востоке и юго-западе Курцово-Сабловская балка ограничена поперечными долинами рек Альмы и Салгира, которые, прорезая Крымские горы, своими верховьями уходят к горным перевалам Ангар-Богаз и Кебит-Богаз. По этим долинам с древнейших времен и по настоящее время проходят дороги из крымских степей в предгорья, в горы и дальше, на южный берег Крыма. Это подтверждают многочисленные археологические памятники, которыми богаты долины Альмы и Салгира и Курцово-Сабловская балка².

В сторону главной гряды постепенно повышающаяся местность изрезана многочисленными балками и оврагами, большая часть которых покрыта лесной растительностью.

Обнаруженная стоянка расположена в 1 км к северу от Константиновки, на левом берегу, на высоте 1,5 м над уровнем воды небольшого безымянного ручья, протекающего по балке. Свое начало ручей берет в 200—250 м от стоянки из двух обильных родников, вытекающих в зоне небольших выходов магматических пород.

Кремневый инвентарь собран на площади около 10 м², по краю распаханного поля, пролегающего вдоль ручья.

Все собранные на стоянке орудия изготовлены из серого или слегка голубоватого кремня и большей частью покрыты сплошной белой патиной. Ближайшее местонахождение кремня находится примерно в 2 км к северу от стоянки.

В коллекции имеются:

1) Односторонне обработанный нуклеус характерного мезолитического облика, с последовательно расположенными гранями (рис. 24—1).

2) Миниатюрный скребок подковообразной формы, изготовленный из небольшого скола. Наибольший его диаметр 1,6 см. Рабочий край скребка со стороны спинки оформлен ретушью, ударный бугорок на брюшке сбит, повидимому, для удобства захватывания орудия при работе (рис. 24—5).

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Шайтан-коба. Бюлл. КИЧП, № 2, 1930.

² П. Н. Шультц. Тавро-скифская экспедиция в 1946 г. Советский Крым, № 5, Симферополь, 1947.

3) Ножевидные пластинки, целые и обломанные, в количестве около 40. Пластинки тонкие, длиной 2—4 см, шириной 0,5—1,5 см (рис. 24—2-4).

4) Пластика с выемками и краевой ретушью, длиной 3,5 см и шириной 1,5 см (рис. 24—6). Подобные пластинки характерны для стоянок позднего палеолита. Аналогичные пластинки с выемками и краевой ретушью имеются в тарденуазской стоянке Кукрек (раскопанной Г. А. Бонч-Осмоловским в 1926—1927 гг. в Крыму¹), в пещере Мурзак-коба и других мезолитических памятниках.

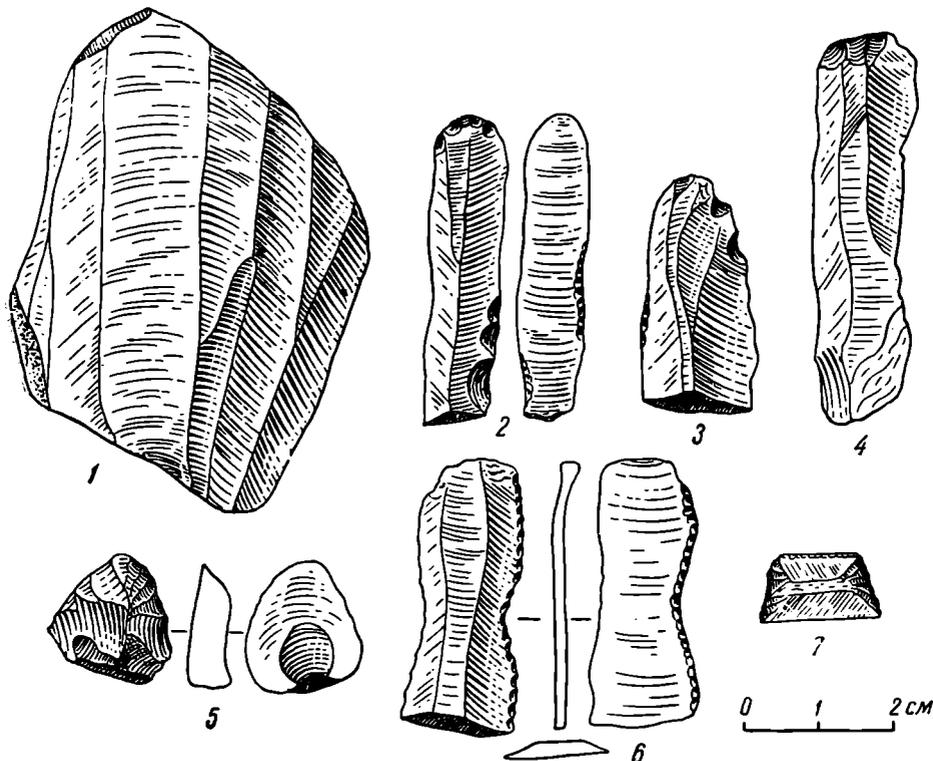

Рис. 24. Кремневые орудия со стоянки Константиновка:

1 — нуклеус; 2—4 — ножевидные пластинки; 5 — миниатюрный скребок; 6 — пластина с выемкой; 7 — трапециевидное орудие.

5) Кремневые орудия геометрических форм; представлены одной трапецией (рис. 24—7). Как известно, для тарденуазского периода трапеция становится одним из главных типов орудий². Много трапеций имеется в тарденуазском слое пещер Шан-коба, Мурзак-коба, в открытых стоянках Яйлы и в других аналогичных памятниках.

Судя по скудному количеству кремневых орудий и отходов производства, можно заключить, что местонахождение у с. Константиновки является кратковременной открытой стоянкой, относящейся к периоду развитого тарденуаза; аналогии ей имеются среди мезолитических стоянок горного Крыма.

¹ Е. А. Векилова. Эпипалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму. КСИИМК, в. XXXVI, 1951, стр. 87—95.

² С. Н. Бибиков. Позднейший палеолит Крыма. Материалы по четвертичному периоду СССР, в. II, 1950, стр. 118.

Г. А. ЧЕРНОВ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ
В БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЕ

Летом 1952 г. на р. Адзьве, протекающей в центральной части Большеземельской тундры, были обнаружены новые археологические памятники. Материал собран на эоловых песках и частично извлечен из культурного слоя в 79 пунктах, расположенных на всем протяжении р. Адзьвы, от устья до Вашуткиных озер, из которых она вытекает.

Впервые стоянки древнего человека на р. Адзьве были найдены Н. А. Куликом в 1910 г.¹, обнаружившим в одном пункте кремневые орудия — скребки, наконечники стрел и копий, а также черепки глиняной орнаментированной посуды. Находки до сего времени не описаны и не изучены.

Материал наших сборов представляет исключительный интерес. Нами произведено довольно тщательное обследование обоих берегов р. Адзьвы, и новые обильные археологические находки еще раз подтвердили, что в Большеземельской тундре берега всех больших рек были заселены человеком уже в глубокой древности².

Обнаруженные стоянки группируются в нижнем течении Адзьвы, вблизи устьев больших притоков.

Так, например, несколько ниже устья р. Салюку, на противоположном берегу Адзьвы, обнаружен археологический материал в пяти местах, несколько ниже устья р. Харуты — в четырех, против устья р. Хаседы — в пяти, у устья р. Фома-ю — в двух. Следующие стоянки разбросаны в разных местах по обоим берегам; больше всего их в среднем течении реки, выше горы Тальбей, до правого притока Старикшора (45 стоянок). В верхнем течении р. Адзьвы на протяжении 150 км обнаружено всего лишь шесть стоянок и две на берегах Вашуткиных озер. Большая часть стоянок в нижнем течении р. Адзьвы найдена на ярях III и IV террас, а в верхнем течении — главным образом на коренных берегах, где, так же как и на речных террасах, в верхних слоях залегают пески.

Собранный обширный археологический материал находится в обработке, поэтому мы можем дать о нем пока лишь краткие сведения.

¹ Н. А. Кулик. Поездка в Большеземельскую тундру летом 1910 года. Пг., 1914.

² Г. А. Чернов. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры. Тр. КИЧП, т. VII, в. I, изд. АН СССР, М., 1948; его же. Стоянки древнего человека в бассейне реки Печоры. КСИИМК, в. XXIII, 1948; его же. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры. СА, XV, 1951; его же. Стоянки древнего человека в северной части Большеземельской тундры. КСИИМК, в. XXXVI, 1951, стр. 96—114.

Из 79 пунктов, где были обнаружены археологические остатки, 60 являются стоянками; 19 пунктов приходится считать за места случайных находок, там найдены лишь единичные кремневые орудия. Например, большинство цельных крупных наконечников стрел обнаружено по отдельности на обширных песках, на которых ничего другого найти не удавалось. Безусловно, эти предметы случайно утеряны древним человеком при охоте.

В отношении же остальных 60 пунктов можно говорить уже определенно как о местах стоянок, где люди занимались обработкой каменных орудий, устраивали очаги из камней, жгли костры, варили пищу в глиняных сосудах, от которых в настоящее время мы находим лишь жалкие остатки в виде черепков, не всегда с сохранившимся орнаментом.

Археологический материал стоянок представлен преимущественно различными кремневыми орудиями и черепками от глиняных сосудов.

Среди каменных орудий много наконечников стрел разнообразной формы и разной величины (рис. 25—2-4, 6, 7, 10-14), наконечники копий (рис. 25—5), ножи (рис. 25—16), резцы, проколки, много предназначенных для различных целей скребков, сделанных из отщепов и из ножевидных пластинок (рис. 26). Последние были обнаружены на пяти стоянках, причем в одном пункте вместе с ними не обнаружено ни одного черепка от глиняных сосудов. Большая часть орудий сделана из кремня плохого качества и только немногие из них — из халцедона. Кремьень обычно светлосерого, серого, желтого, коричневого, иногда розоватого и очень редко черного цвета, а халцедон — серого, темносерого и розоватого цвета. Кроме скребков, изготовлены из ножевидных пластинок и другие орудия; среди них есть наконечники стрел, проколки, резцы и скобели.

Вместе с ножевидными пластинками обычно находились отбойники в виде небольших кварцитовых, яйцевидной формы галек, несущих иногда на обоих концах следы ударов. Кроме кремневых орудий, обнаружены шлифованные наконечники стрел, ножи и орудия неизвестного назначения.

Впервые в Большеземельской тундре (стоянка 10) был найден шлифованный скребок из зеленого хлорито-кварцевого сланца (рис. 25—8). Подобные скребки известны с рек Кинемы и Ольги, а также на территории Финляндии и Эстонской ССР¹.

Среди каменных изделий оказался и фигурный кремьень (рис. 25—1), изображающий, повидимому, рыбу. Весьма интересной находкой на стоянке 3 является небольшой отщеп от прозрачного кристалла кварца, возможно пьезокварца, месторождение которого находится примерно в 300 км от стоянки на полярном Урале. Наконечники стрел из пьезокварца были найдены на восточном склоне Полярного Урала поблизости от месторождения.

Отсутствие хорошего кремневого материала вынуждало древнего человека брать для каменных поделок недоброкачественный кремьень, а иногда даже кварцит, отщепы которого были найдены на стоянке 2.

Собранные черепки от глиняных сосудов (диаметром 20—30 см) в большинстве случаев украшены ямочно-гребенчатым орнаментом и только некоторые из них — одним гребенчатым штампом (рис. 27—7). Орнамент наносился различным гребенчатым штампом, обычно одним (рис. 27—1), реже двумя (рис. 27—8) и очень редко тремя. Украшалась лишь верхняя часть круглодонных сосудов, имевших иногда слегка

¹ М. Е. Ф о с с. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952.

выпуклые бока (рис. 27—7). Встречались сосуды с плоскими стенками, другие же имели несколько утолщенный и отогнутый наружу венчик (рис. 27—6, 8).

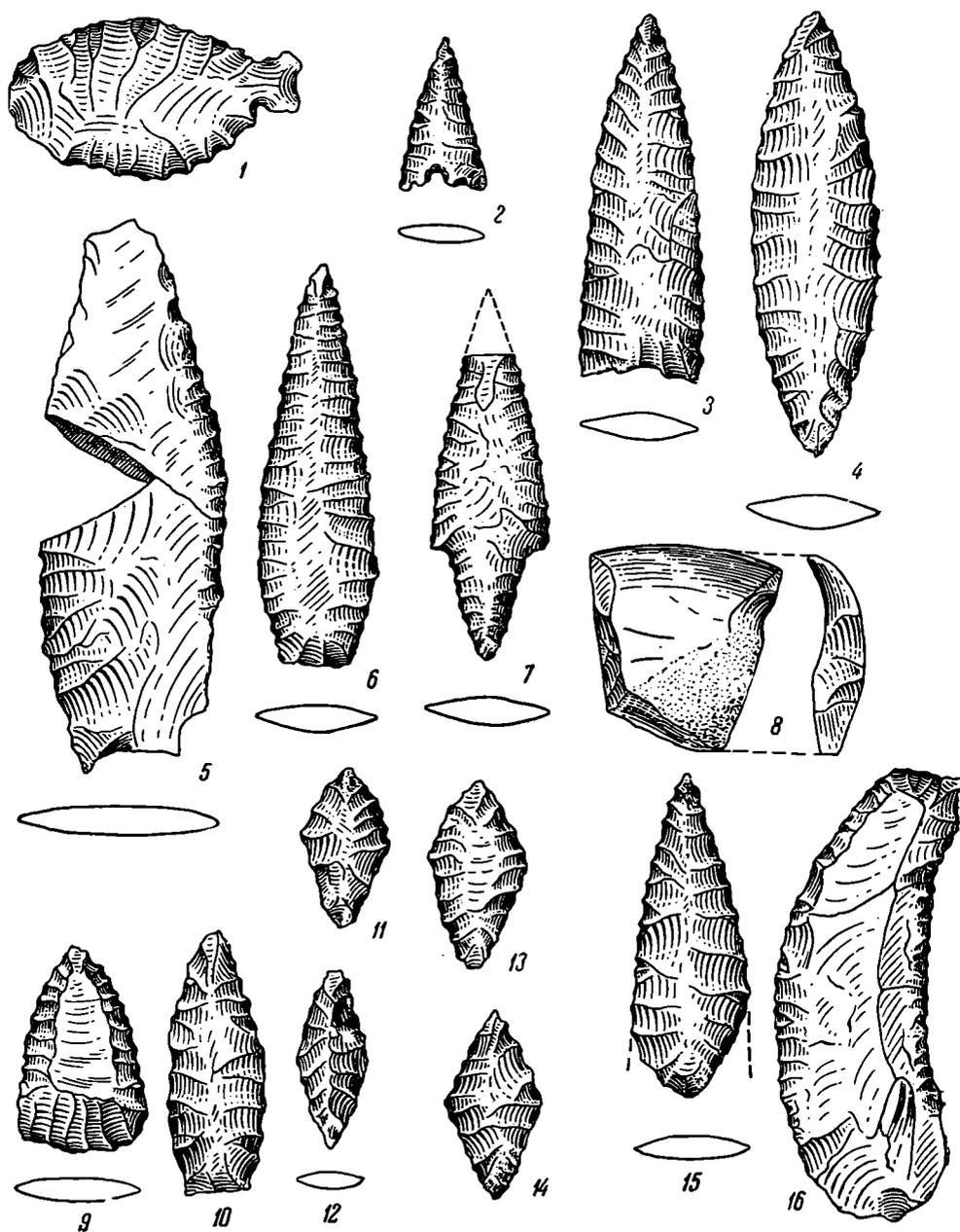

Рис. 25. Кремневые изделия со стоянок бассейна р. Адзвы:

1 — ст. 5; 2 — ст. 20; 3 — ст. 53; 4 — ст. 54; 5 — ст. 47; 6 — ст. 63; 7 — ст. 62; 8 — шлифованный скребок со ст. 10; 9 — ст. 33; 10 — ст. 12; 11 и 12 — ст. 41; 13 и 14 — ст. 65; 15 — ст. 28; 16 — ст. 64.

Ямочный орнамент наносился под венчиком в один ряд, изредка попарно (рис. 27—2). Тесто для сосудов изготовлялось из глины с добавлением дресвы из обожженного гранита, валуны которого часто встречались на стоянках.

Следует отметить, что сосудов и черепков на стоянках р. Адзвы значительно меньше, чем, например, на р. Колве¹. Кроме того, они

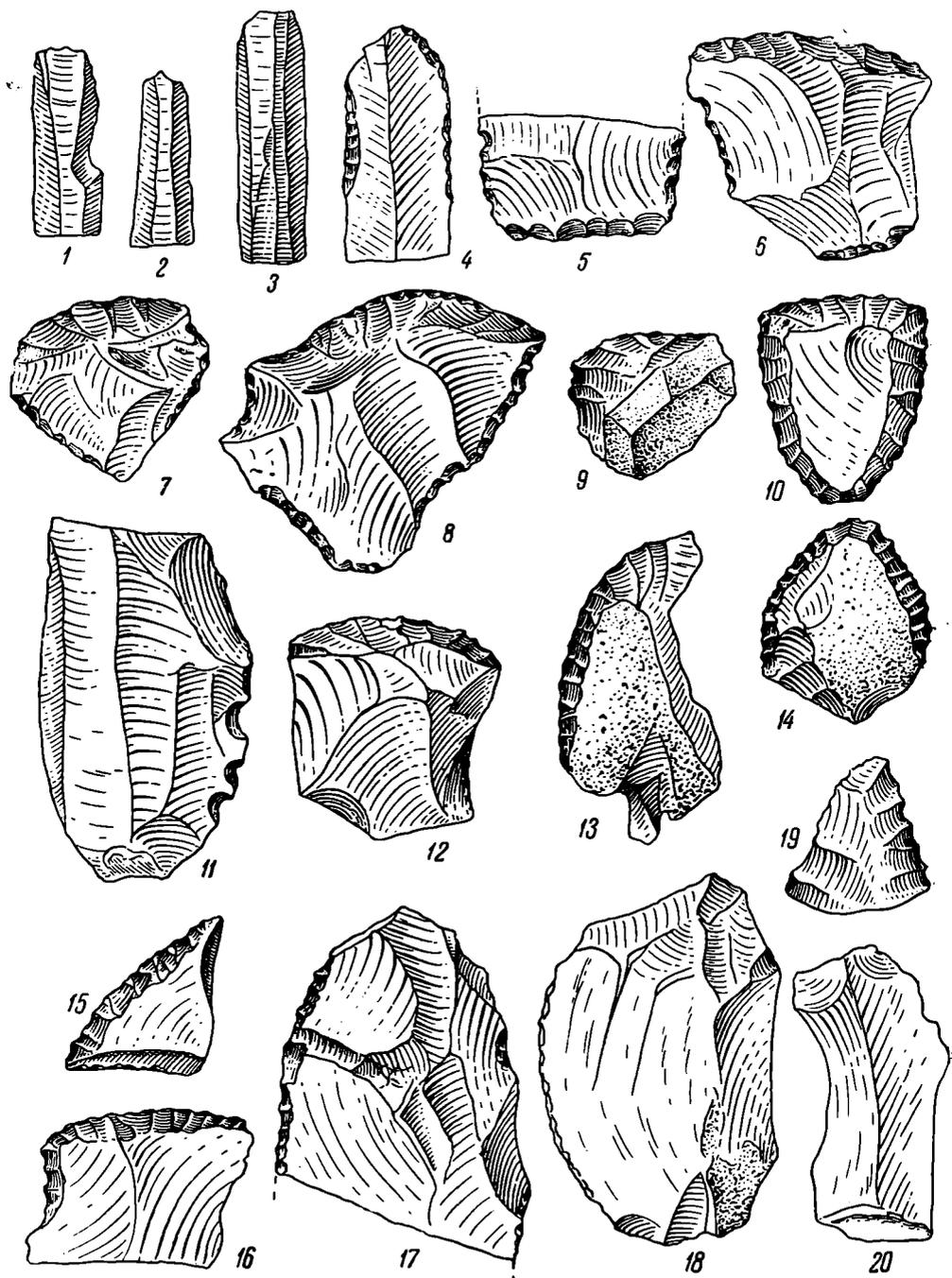

Рис. 26. Кремневые изделия со стоянок бассейна р. Адзвы:

1, 2 — ст. 19; 3 — ст. 13; 4 — ст. 63; 5 — ст. 5, пункт 12; 6 — ст. 5, пункт 4; 7 — ст. 14; 8 — ст. 5, пункт 9; 9, 10 — ст. 33; 11 — ст. 36; 12–14 — ст. 40; 15 — ст. 41; 17–18 — ст. 47; 19 — ст. 48; 20 — ст. 63.

очень плохой сохранности и преимущественно в мелких фрагментах. Это до некоторой степени можно объяснить наличием на песках мелкой

¹ Г. А. Чернов. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры. Тр. КИЧП, т. VII, в. 1, 1948.

гальки, что способствовало поломке черепков, а глинистые пески ускорили процессы морозного выветривания, и черепки быстро разрушались.

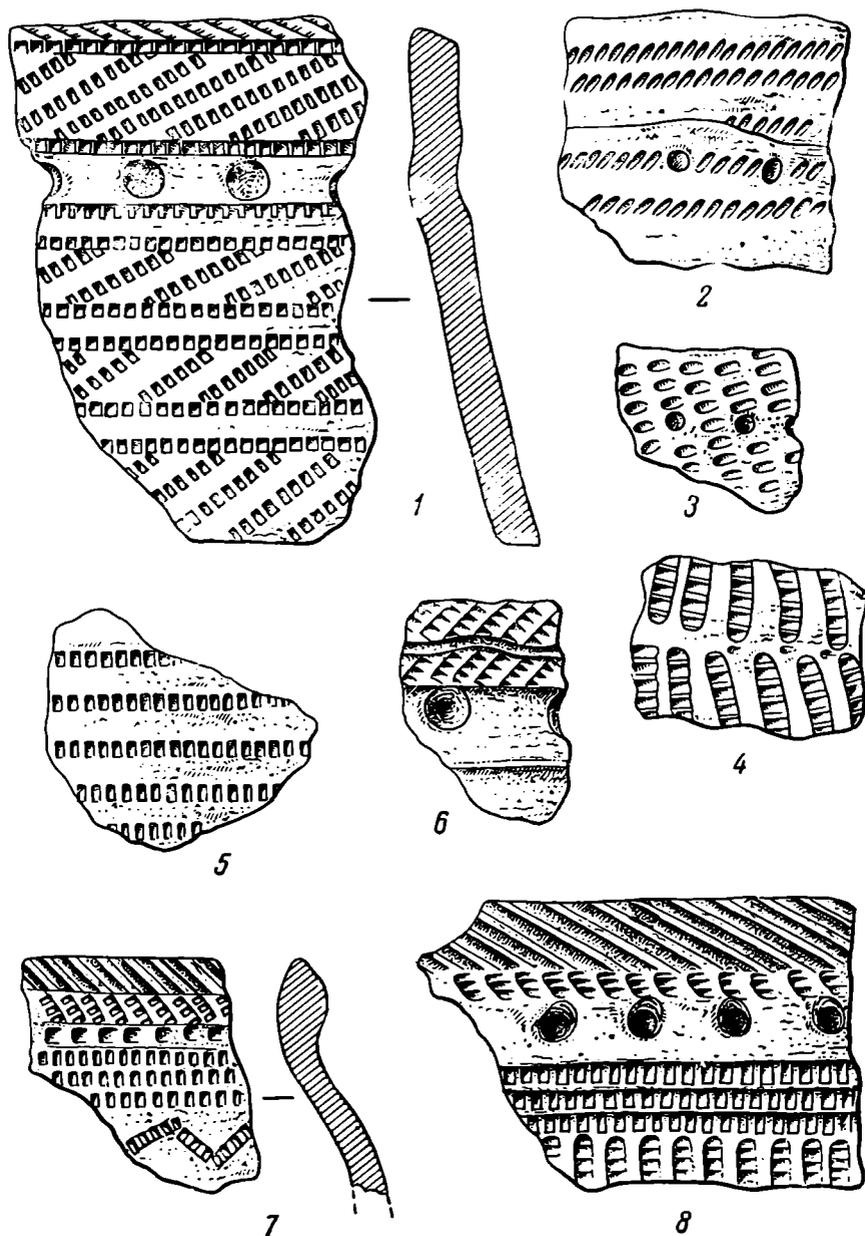

Рис. 27. Керамика со стоянок бассейна р. Адзвы:
1, 2 — ст. 5; 3, 4 — ст. 10; 5 — ст. 6; 6 — ст. 70; 7, 8 — ст. 76.

Обнаруженные нами на р. Адзве 60 стоянок и 19 пунктов случайных находок указывают, что древний человек безусловно заселял берега р. Адзвы в неолитическое время (рис. 28). Специальных археологических исследований нами не произведено, поэтому мы вправе предполагать, что наши находки собраны лишь с какой-то небольшой части стоянок, а наиболее крупные из них еще не обнаружены. Откры-

тые разведкой поселения древнего человека были преимущественно небольшими, за исключением стоянки 5.

Судя по собранным каменным орудиям, древний человек занимался охотой и рыбной ловлей, так как и озера и реки богаты рыбой.

Отсутствие многослойных стоянок в Большеземельской тундре, в том числе и на р. Адзьве, не позволяет в настоящее время установить точный возраст отдельных местонахождений. По собранному

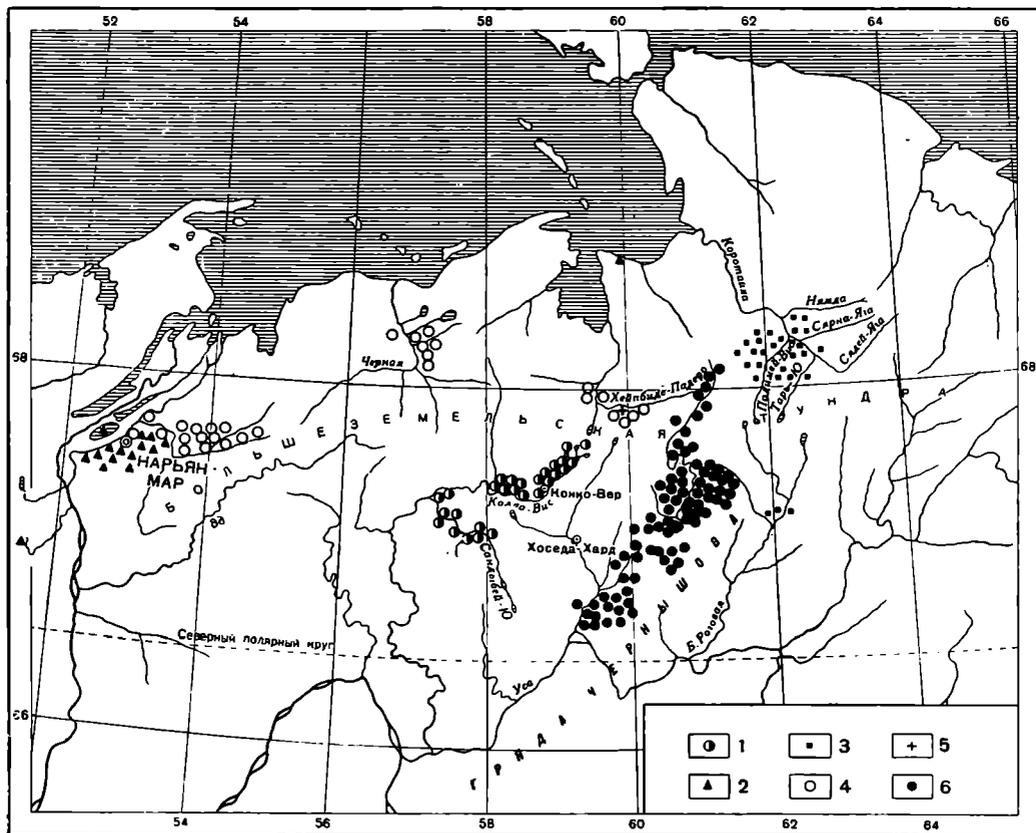

Рис. 28. Схема размещения археологических памятников, обнаруженных в Большеземельской тундре:

1 — стоянки древнего человека, обнаруженные в 1939 г.; 2 — то же в 1940 г.; 3 — то же в 1941 г.; 4 — то же в 1947 г.; 5 — жертвенное место, открытое в 1947 г.; 6 — стоянки древнего человека, обнаруженные в 1952 г.

нами археологическому материалу можно наметить их возраст лишь предварительно.

Еще в нашей первой работе было отмечено, что на р. Сандибей-ю найдены стоянки с ножевидными пластинками при полном отсутствии керамики, и высказано предположение, не являются ли эти стоянки более древними по отношению к остальным, где обычно вместе с кремневыми орудиями встречается и керамика.

На р. Адзьве, на стоянках, где обнаружено большое количество ножевидных пластинок, также отсутствует керамика (стоянки 13, 14, 19 и 42). Не исключена возможность, что они являются более древними в этом районе. Например, В. Н. Чернецов указывает на более древний возраст культурного слоя с ножевидными пластинками, который залегал под слоем с керамикой в одном из пунктов в Западной Сибири.

При анализе орнамента на найденных нами фрагментах сосудов как будто бы намечается три этапа развития большеземельской „неолитической“ культуры. К наиболее раннему мы склонны относить круглодонные сосуды с прямыми стенками, орнаментированные гребенчато-ямочным орнаментом, где ямки нанесены обычно в несколько рядов и узор спускается на бока сосуда почти до самого дна. Гребенчатый штамп обычно простой. Как правило, сосуды сделаны грубо и орнамент наносился небрежно. Сохранность фрагментов очень плохая.

К более позднему времени относится большинство сосудов с разнообразным орнаментом. Ямочный орнамент располагается лишь в один ряд, редко с дополнительными ямками ниже основного ряда. Сосуды часто орнаментировались несколькими различными по форме штампами и рисунок не спускался ниже боков. Форма сосудов круглодонная и в большинстве случаев со слегка выпуклыми боками. Рисунок выполнялся аккуратно. В глину примешивалась дресва из гранитов, что придавало посуде значительную прочность.

Следует отметить, что подобные сосуды были обнаружены в нижней части культурного слоя жертвенного места на р. Хейбидя-Педара (рис. 28)¹.

Из верхней части культурного слоя этого жертвенного места были извлечены сосуды на низком поддоне, вместе с которыми оказались серебряные, бронзовые, железные и другие предметы, относящиеся уже к I тысячелетию н. э. Глиняные сосуды с поддоном на стоянках Большеземельской тундры нигде пока не обнаружены. Однако узор некоторых круглодонных сосудов имеет большое сходство с орнаментом, в котором имелись крестовые штампы, нанесенным на сосудах с поддоном. Эти круглодонные сосуды очень хорошо выполнены, часто украшены тремя различными гребенчатыми штампами. Керамику с таким орнаментом мы относим к третьему этапу развития большеземельского „неолита“.

Второй этап развития большеземельского „неолита“ следует относить к концу I тысячелетия до н. э. и к первым векам нашей эры, а сосуды первого этапа — к началу I тысячелетия до н. э. Поэтому стоянки с одними ножевидными пластинками, возможно, относятся к концу II тысячелетия до н. э.

Отдельные единичные находки каменных орудий на стоянках Большеземельской тундры, например каменные топоры русско-карельского типа² и шлифованные скребки (рис. 25—8), имеют тождественные формы с подобными же орудиями, широко распространенными в Финляндии и Эстонской ССР. Там они датируются первой половиной II тысячелетия до н. э.³

Не исключено, что каменные орудия, найденные в Большеземельской тундре, относятся ко времени существования стоянок, на которых были найдены лишь одни ножевидные пластинки без керамики.

Выяснение хронологии археологических памятников Большеземельской тундры требует, конечно, еще детализации и исправлений, в особенности после того, как здесь будут найдены многослойные стоянки.

¹ Г. А. Чернов. Жертвенное место в северной части Большеземельской тундры. КСИИМК, в. XXXIX, 1951, стр. 84—88.

² Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека в северной части Большеземельской тундры. КСИИМК, в. XXXVI, 1951.

³ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952.

П. П. ХОРОШИХ

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА РЕКЕ КАЕ

(окрестности г. Иркутска)

В июле 1950 г. мною совместно с С. В. Филипповым было раскопано парное погребение новокаменного периода, расположенное на южном склоне Кайской горы, против деревни Медведевой, в 4 км от Иркутска.

Погребение было обнаружено на второй террасе правого берега р. Каи (правый приток р. Иркуты) около борта курганообразного возвышения естественного происхождения. Возвышение, в котором было обнаружено погребение, находится на высоте 12 м над уровнем р. Каи и имеет такое чередование слоев: сверху залегает слой черной земли толщиной 28—32 см; ниже находится слой темнобурой супеси (60—68 см); далее идет слой буро-желтой супеси (1,5—2 м). Ниже этого слоя залегают выходы серого юрского песчаника.

Могильное пятно погребения обнаружено на глубине 98 см от поверхности, в слое буро-желтой супеси. Пятно имело длину 1,7 м, ширину 0,80—0,95 м и толщину 0,18—0,28 м. Своим буро-красным цветом оно заметно выделялось в толще буро-желтой супеси.

В погребении, залегавшем на глубине 1,2 м от поверхности, вскрыто два костяка. Они лежали горизонтально на спине; руки вытянуты. Ориентированы костяки головой на восток, ногами на запад (к р. Кае).

Под погребенными находились плиты серого песчаника (рис. 29). Оба костяка густо осыпаны порошком буро-красной охры — кровавиком. Куски кровавика со следами стирания найдены при обоих костяках.

Большой костяк, длиной 1,62 м (измерение сделано по положению костяка в могиле), был женским. Череп, таз и кости ног густо покрыты кровавиком. Череп находился под небольшими плитами серого песчаника, сложенными в виде пирамидки, высотой до 22 см и шириной у основания 20 см, отчего череп оказался раздавленным. Под ним лежали небольшие плиты серого песчаника.

Второй костяк, длиной 1,3 м, — подростка. Сохранность обоих костяков плохая, кости таза, позвонки и ребра истлели. Череп подростка также раздавлен. Под черепом находилась небольшая плита песчаника.

При погребенных найдены разнообразные каменные и костяные орудия, предметы быта и украшения.

На лобной части черепа и под шеей женского костяка лежали украшения из клыков кабана. В клыках просверлены отверстия (рис. 30—29, 30). Здесь же были обнаружены грушевидные подвески из зубов

марала и других животных (рис. 30—48, 13-18), резцы бобра (рис. 30—20, 21) и небольшая округлая пластинка из белого мраморовидного известняка с просверленным отверстием (рис. 30—2). Около правой

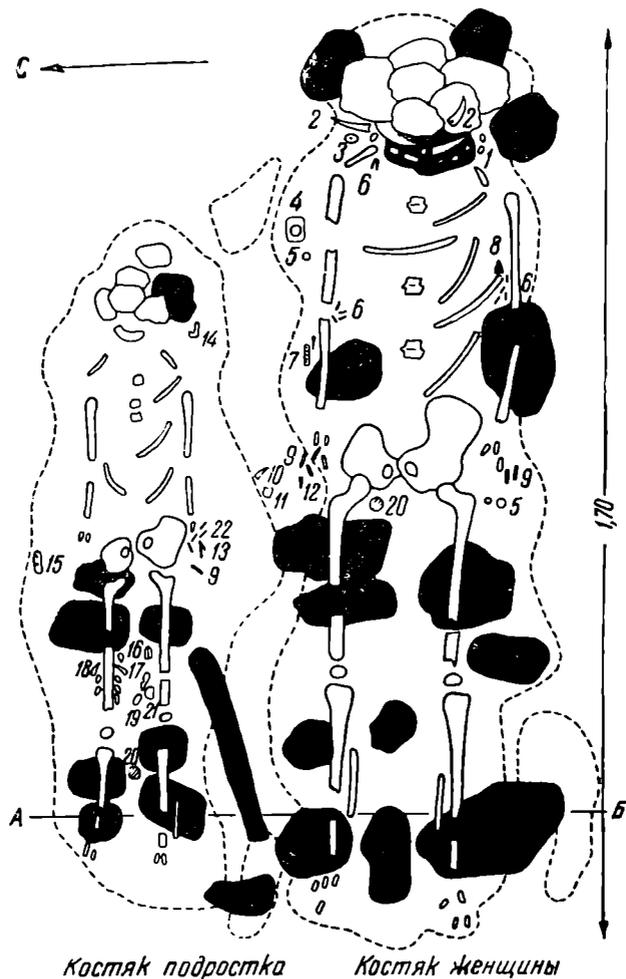

Рис. 29. Неолитическое погребение на р. Кае. Положение костяков в могиле:

1 — резцы марала с просверленными отверстиями; 2 — привески из клыков кабана; 3 — пластинка из белого мраморовидного известняка; 4 — пряжка из беломолочного нефрита; 5 — скребки кремневые; 6 — резцы бобра; 7 — игольник и костяная игла; 8 — кремневый наконечник стрелы; 9 — кремневые ножевидные пластинки; 10 — резец кремневый; 11 — нож из белого нефрита; 12 — стерженьки от рыболовных крючков; 13 — костяной гарпун; 14 — кости птиц с нарезками; 15 — антропоморфная фигурка из кости; 16 — костяная пластинка; 17 — костяная пластинка с нарезками; 18 — просверленные зубы медведя и других животных; 19 — кремневые отщепы; 20 — куски кровавника; 21 — костяная ложка; 22 — костяные острия от составного рыболовного крючка. Черными пятнами даны плиты песчавика, уложенные под костяками.

плечевой кости найдена пряжка из беломолочного нефрита прекрасной отделки размером 7×8 см (рис. 31) и небольшой скребочек из кремня (рис. 30—25).

Рядом с правой лучевой костью лежал игольник из трубчатой кости с насечками (рис. 30—3) и небольшая костяная игла, 4 см длиной (рис. 30—27). У левой плечевой кости находился кремневый наконечник

стрелы треугольной формы с дугообразной выемкой внизу, 2,5 см длиной (рис. 30—28). Стрела лежала острием вверх.

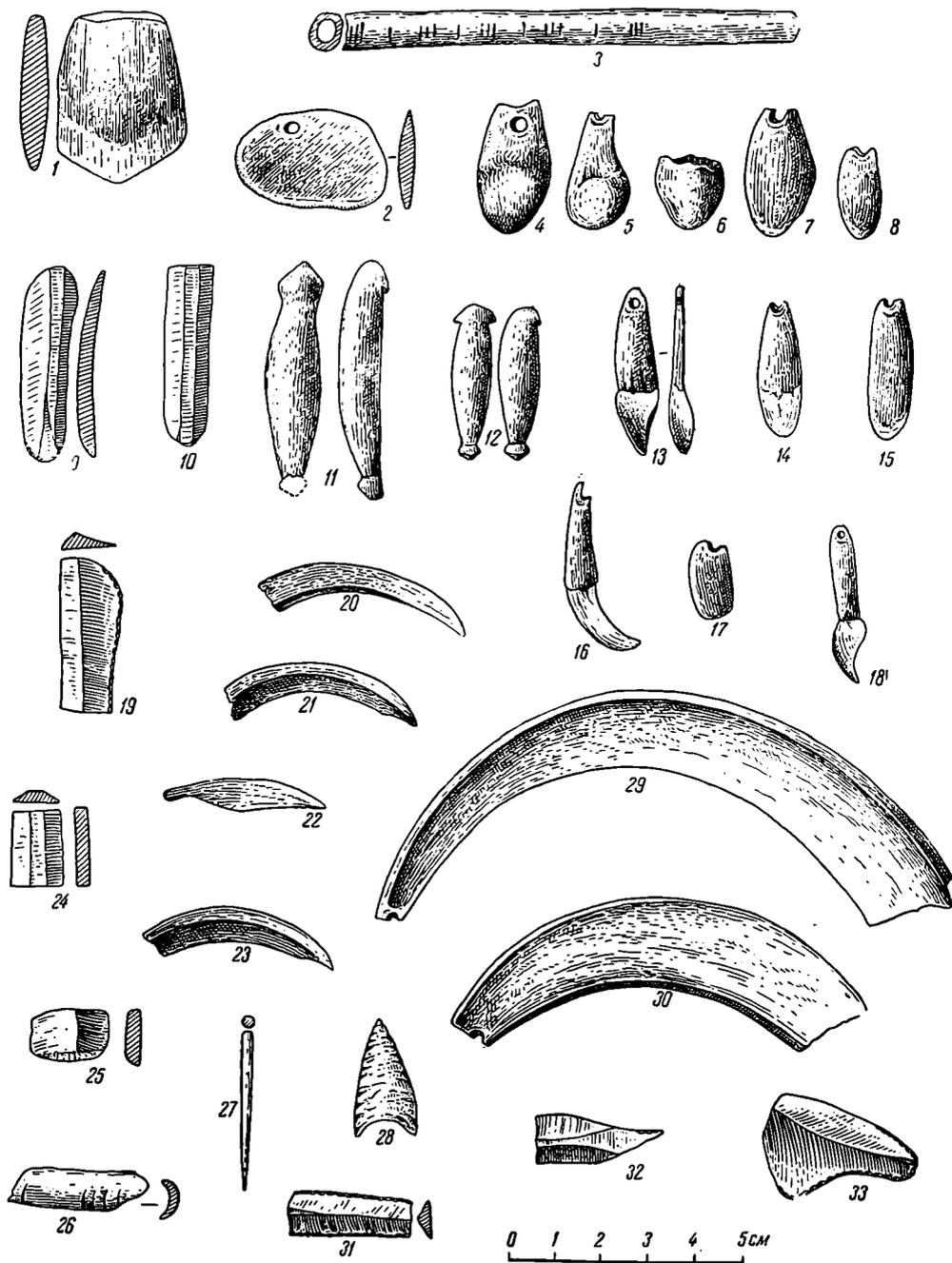

Рис. 30. Предметы, найденные при костяке женщины.

Около локтей обеих рук найдены резцы бобра, которые, повидимому, служили привесками к головному убору (рис. 30—22, 23). В неолитических погребениях Прибайкалья привески из резцов бобра встречаются довольно часто.

У тазовой кости и у пальцев рук женщины лежали кремневый скребочек (рис. 30—33) и стерженьки к костяным рыболовным крючкам из шиферного сланца. Такие крючки обычно относят к китойскому типу (рис. 30—11, 12). Немного ниже обнаружен хорошо отшлифованный нож из беломолочного нефрита (рис. 30—1). Рядом со стерженьками находились небольшие кремневые ножевидные пластинки с мелкой ретушью, служившие вкладышами в паз костяного кинжала (рис. 30—9, 10, 19, 24, 31). Ближе к правой бедренной кости, между ног, лежал граненый кусок кровавика.

При костяке подростка найдены преимущественно костяные орудия и украшения. Около черепа — птичья кость с нарезками (рис. 32—5), у кисти левой руки — обломок небольшого гарпуна с одним зубцом

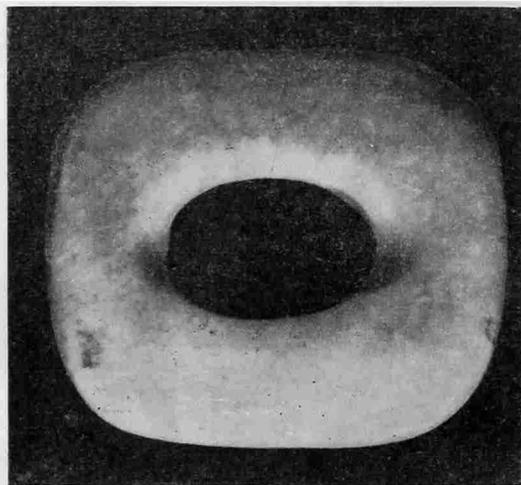

Рис. 31. Пряжка из беломолочного нефрита.

(рис. 32—3), мелкие кремневые ножевидные пластинки (рис. 32—22-25), небольшие костяные острия, повидимому от составного рыболовного крючка, 3—4 см длиной (рис. 32—4). Такие же острия мною найдены в неолитическом погребении № 10 на территории стадиона „Локомотив“ в окрестностях Иркутска.

Справа от костяка подростка, около таза, лежала костяная антропоморфная фигурка длиной 6 см (рис. 33). У бедренных костей обнаружены привески с просверленными отверстиями (рис. 32—8-19), сделанные из зубов медведя и других диких животных. Интересно отметить обломки костяной ложки (рис. 32—6, 21) и костяную пластинку с нарезками (рис. 32—20). Здесь же найден кремневый отщеп.

По расположению найденных около бедренной кости привесок из зубов медведя и других животных можно предполагать, что они были пришиты к кромке кожаного мешочка, лежавшего у правого бедра подростка (рис. 32—7-2 и рис. 34). Между берцовыми костями находился граненый кусок кровавика.

Судя по предметам при обоих костяках, а также по обряду захоронения, погребение на р. Кае следует отнести к концу неолита (конец китойского этапа)¹.

¹ Предметы, найденные в погребениях, переданы в Иркутский областной музей и занесены в инвентарную книгу под № 2567.

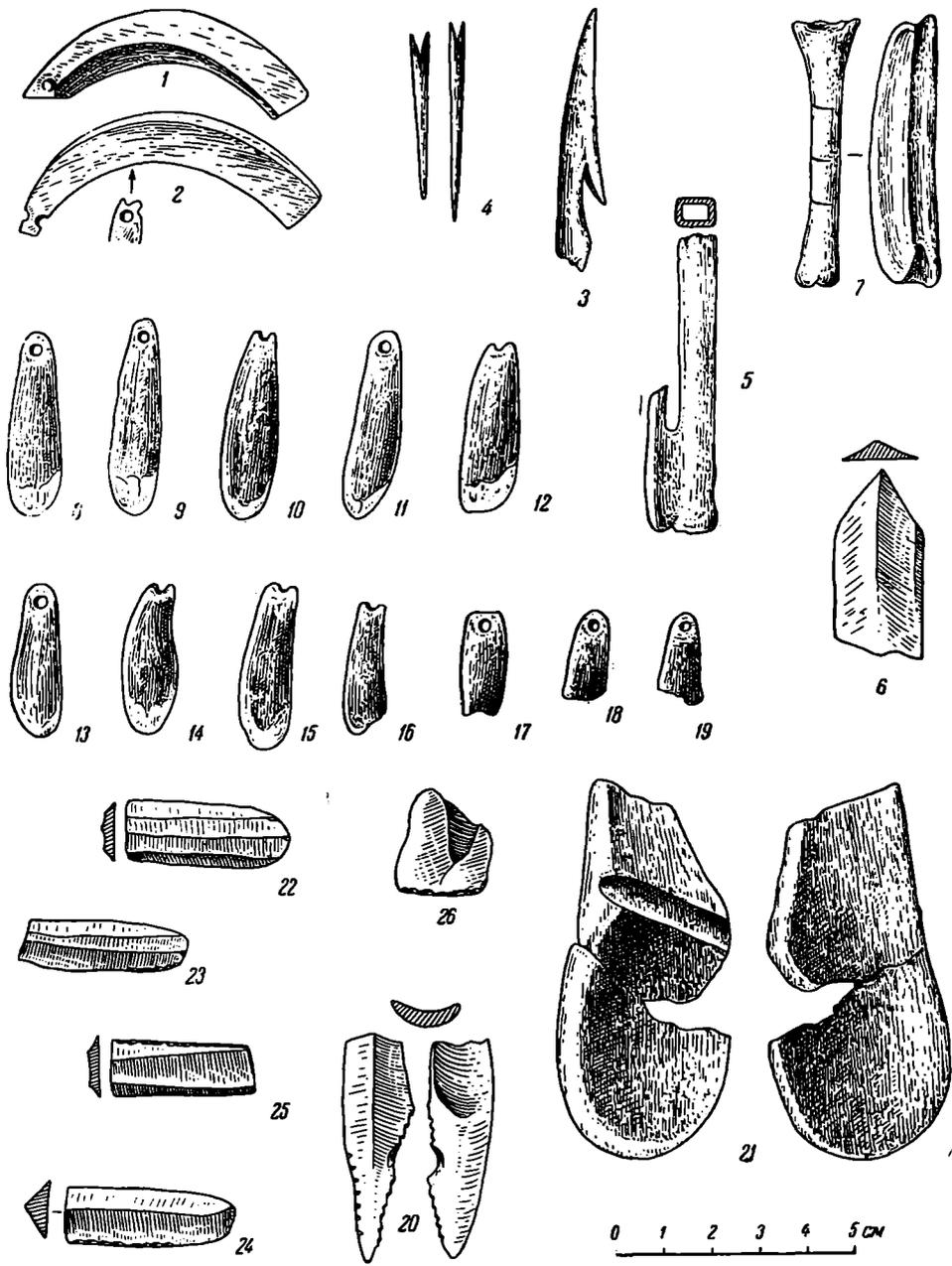

Рис. 32. Предметы, найденные при костяке подростка.

Установить антропологический тип погребенных, ввиду плохой сохранности черепов, затруднительно.

Вблизи раскопанного погребения, на вторых террасах р. Каи, около деревни Медведевой, и на правом берегу р. Каи около ее устья нахо-

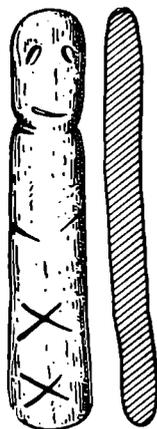

Рис. 33. Костяная антропоморфная фигурка из погребения подростка.

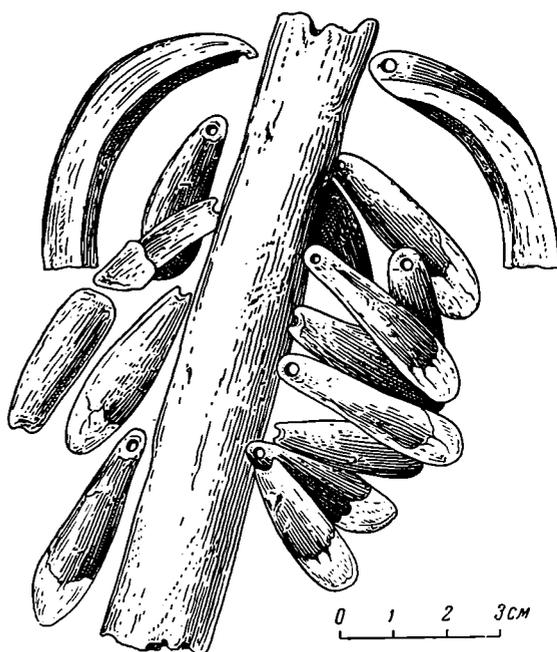

Рис. 34. Расположение подвесок из зубов животных около бедренной кости подростка.

дятся стоянки новокаменного периода, где найдены разнообразные кремневые орудия и фрагменты глиняной посуды со штриховым и линейным орнаментом. Несомненно, что комплекс этих археологических памятников представляет большой интерес для изучения древней истории Прибайкалья.

А. Н. ЛИПСКИЙ

АФАНАСЬЕВСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В НИЗОВЬЯХ РЕК ЕСИ И ТЕИ (ХАКАССИЯ)

В приустьевом пространстве рек Еси и Теи, левых притоков Абакана, на выходе последнего из гор, нами была раскопана в 1951 и 1952 гг. группа афанасьевских погребений: пять возле улуса Федорова и одно в 5 км к северо-востоку, у пересечения трактом р. Еси, близ улуса Полтакова.

Речки Тея и Есь в нижнем течении сливаются в одну общую долину и, вероятно, не однажды были притоками одна другой. Их предустьевое пространство насыщено археологическими памятниками всех эпох.

Афанасьевские погребения, раскопанные нами в 1951 г. на выходе р. Теи в долину Еси, были расположены на второй надпойменной террасе, прикрытой сносами обломочного материала с соседнего невысокого хребта Улуг-Таштык-хыран. На второй же надпойменной террасе приустьевого пространства р. Еси, в 5 км к северо-востоку от улуса Федорова, при раскопках тагарского кургана мы обнаружили в 1952 г. на площадке, чрезвычайно насыщенной карасукскими и андроновскими погребениями, еще одно захоронение, относящееся к афанасьевской эпохе.

По снятии насыпи тагарского кургана и зачистке контрольного слоя в северо-западном углу площадки, ограниченной оградковыми камнями, на глубине около 15 см ниже поверхности древней почвы обнаружена большая каменная плита подпрямоугольной формы, размером 0,6 × 1,05 м и толщиной 8—10 см. Лежала эта плита в направлении к северо-востоку (рис. 35—1). Под ней был слой песка около 5 см, ниже еще одна плита, приблизительно тех же размеров.

Под плитами оказалась овальная, вытянутая к северо-северо-востоку яма, засыпанная песчаным грунтом. Яма, длиной 0,98 м, шириной около 0,6 м и глубиной 1,3 м, книзу расширялась за счет выемки в северо-северо-восточном направлении, образуя как бы нишу с наклонным потолком. Длина ямы по дну достигала почти 1,5 м (рис. 35—2).

В нише, почти в центре пола, обнаружена святильня, а с западной и северной сторон вплотную к ее поддону находилась кучка поломанных, побывавших в огне длинных костей человека (подростка) и очень немного древесных углей и золы, оставшихся, видимо, после трупосожжения. В северо-восточном углу ниши стоял маленький банкообразный сосудик.

При разборке угля и полуобгоревших костей найдено 18 костяных колечек и одна биконическая бусинка нагрудного украшения. Колечки

чрезвычайно интересны. Они вырезаны из плотной кости (рис. 36); их диаметр 15—21 мм.

Размер, мм	Число колец	Размер, мм	Число колец
15 × 17	1	18 × 19	4
16 × 18	1	19 × 19	3
17 × 18	3	18 × 20	1
18 × 18	4	20 × 21	1

Наиболее типичен диаметр в пределах 17—19 мм (14 колец). Отверстия просверлены, реже — в форме правильного круга, чаще — округлой формы. На одной из сторон, ближе к внутреннему ребру, у большинства колец вырезаны друг против друга два желобка (рис. 36). Это — место накладки шнура или ремешка. Желобки для прикрепления и большая отполированность той стороны, на которой они находятся, свидетельствуют о том, что кольца носились не нанизанными

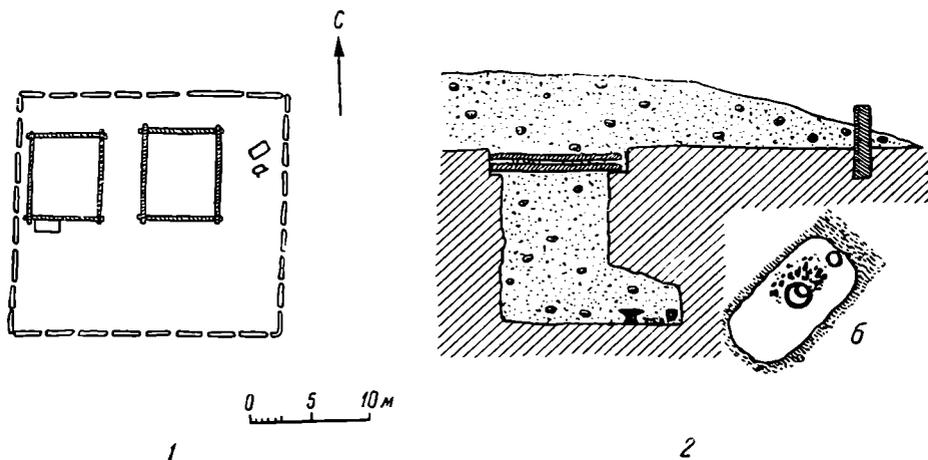

Рис. 35. План тагарского кургана (1) и разрез его северо-восточной части с афанасьевским погребением (2):

а — место афанасьевского погребения; б — план.

на шнурок или ремешок, а, очевидно, были пришиты к нагруднику или нагрудной части костюма. Некоторые кольца по линии желобков несколько изогнуты.

По внешней окружности колец сделаны поперечные нарезки, образующие зубчики разной ширины.

Следует отметить окраску колец — это различные переходы от обычного светлого тона кости с едва заметным коричневатым оттенком (только одно кольцо) до коричневого с прожилками.

Найденная здесь же костяная биконическая бусинка имеет длину 14 мм, наибольший диаметр 8 мм, наименьший — 4 мм, диаметр отверстия 3 мм.

Маленький баночного типа орнаментированный сосудик из этого погребения, со слегка выпуклым дном, сделан из темносерой глины, после обжига получившей пятнистую окраску. Внутри и снаружи он закопчен, видимо при трупосожжении, так как здесь отложилась жирная копоть. Размеры сосудика: диаметр по венчику 88—91 мм, диаметр дна 58—60 мм, высота сосудика 76—77 мм, выпуклость дна 3 мм.

Орнамент состоит из семи вертикальных полос, образованных тремя линиями овальных вдавлинов, и одной полосы, состоящей из двух линий. Полосы достигают дна, которое также орнаментировано четырьмя перекрещивающимися в центре линиями тех же вдавлинов (рис. 37—1).

Светильня изготовлена из грубой глины с песком со значительной примесью кварцевых зерен. Размеры ее: диаметр по венчику 164 мм, диаметр шейки поддона 93 мм, диаметр поддона 104 мм, общая высота 94 мм, высота сосуда 63 мм, длина камеры 80 мм, ширина камеры 37 мм, глубина камеры 26 мм.

Снаружи вся светильня и ее поддон, интенсивно окрашенные охрой, покрыты оттисками продолговатого и узкого штампа, образующими

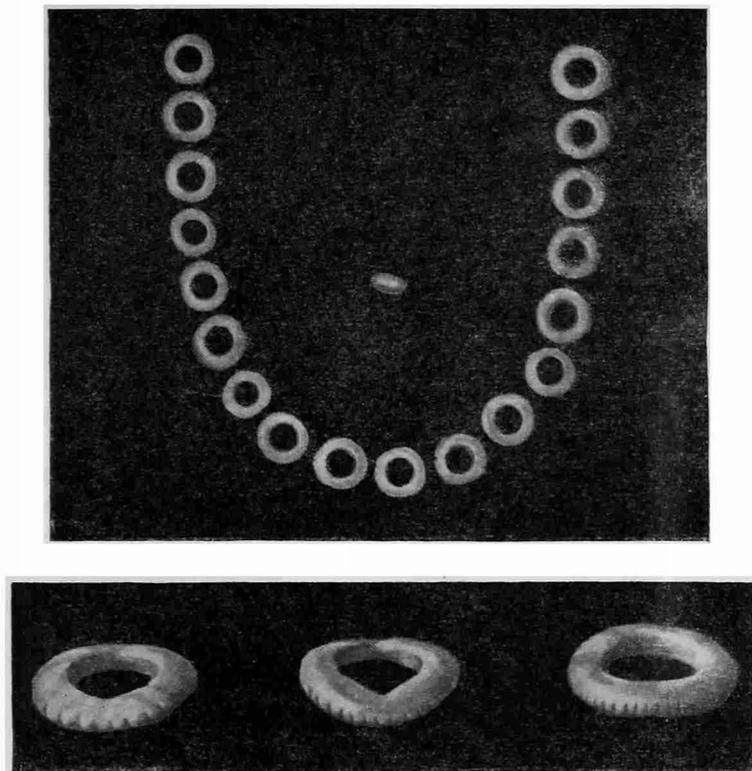

Рис. 36. Костяные колечки и бусинка.

На нижнем рисунке колечки даны почти в настоящую величину.

вертикальные ряды, суживающиеся к шейке; оттиски поставлены в шахматном порядке (рис. 37—2). Внутренняя поверхность также окрашена охрой.

По венчику светильни и камеры вырезан широкий желобок.

Имеющаяся внутри чаши камера — такая же, как у светильни со ст. Аскиз или у светилен, найденных М. И. Артамоновым на Маныче¹ и Т. М. Минаевой близ с. Сотниковского Ставропольского края².

Найденная нами светильня дает возможность установить некоторые новые факты, до сего времени оставшиеся неизвестными.

Камера светильни на большую часть ее глубины была наполнена охристой глиной. На дне самой светильни было по крайней мере три слоя этой глины с несколькими прослойками сажи между ними.

¹ М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г. СА, т. IV, 1937, стр. 93 и сл.

² Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске. КСИМК, в. XVI, 1947, стр. 136 (г. Ворошиловск — ныне Ставрополь Краевой). К сожалению, М. И. Артамонов и Т. М. Минаева не приводят размеров найденных ими светилен.

Среди глины темнокоричневого цвета во многих местах выступали красные сгустки, возможно кровавика. Создается впечатление, что в камере находился „рабочий“ запас охристой глины, а в сосуде, вероятно в жиру, эта глина неоднократно размешивалась, почему на дне и образовалось несколько слоев. После каждого размешивания глины сосуд

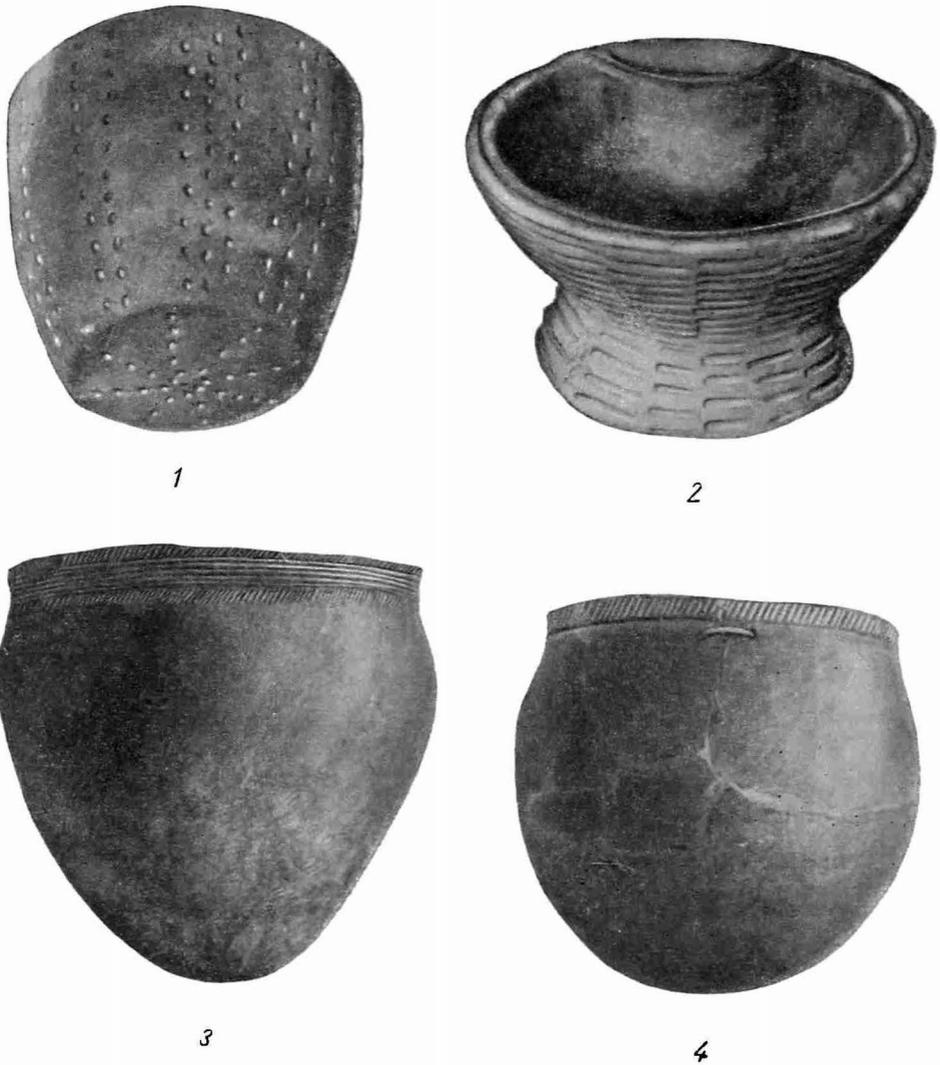

Рис. 37. Глиняные сосуды из афанасьевских погребений:

1 — баночный; 2 — светильня из погребения на р. Еся; 3—4 — горшки из погребений на р. Тек.

использовался как светильня, отчего по слою глины отлагался тонкий слой сажи. Не производилось ли в сосуде этого типа, который С. В. Киселев называет „курильницей“, Т. М. Минаева „жаровней“, а мы, условно, светильней, размешивание в жиру охристой глины, которой люди афанасьевской эпохи смазывали (натирали) лицо или тело? Подобное натирание, по представлениям афанасьевцев, должны были производить их сородичи и в загробном мире; вот почему эти сосуды с запасом охры и ставились в погребения. В нашем случае таким запасом была охристая глина в камере светильни. Этим, как мне кажется, объясняется находка у с. Грязнухи (р. Иловля, Правобережье

Нижнего Поволжья) в подбойной могиле под курганной насыпью, датированной Т. М. Минаевой II тысячелетием до н. э., такого же сосудика в изголовье костяка с несколькими крупными кусками охры¹.

Наличие охры в погребении со светильней, найденной Т. М. Минаевой, запас охристой глины в камере и несколько слоев ее на дне и частью на стенке чаши светильни в нашем случае не могут быть связаны только с вероятной татуировкой взрослых афанасьевцев, так как татуировка не возобновляется; это может быть оправдано обычаем натирания тела время от времени, для чего и был нужен в загробном мире запас охры. Но в погребении на р. Еси установка светильни с запасом охристой глины в могиле, очевидно, была связана с татуировкой. Известно, что татуировка производилась только по достижении зрелости. В раскопанной нами могиле лежал скелет девочки-подростка, которая, вероятно, еще не была татуирована, но срок татуировки был близок и умершей поставили в могилу светильню с запасом охристой глины.

Становится понятна и обязательная окраска охрой всех найденных светильен (курильниц, жаровен) афанасьевской эпохи. И уж никак нельзя окраску охрой этих сосудов отнести на счет случайности, как это делает Т. М. Минаева².

Тщательное изучение обнаруженной нами светильни убеждает в том, что она служила также и в качестве светильни в точном значении этого слова. Об этом свидетельствуют углы в стыках стенок сосуда и камеры, где при очистке сосуда нами снято значительное количество сажи, и даже сейчас, после тщательного удаления всех отложений, эти места несут более сильные следы закопченности стенки. Очевидно, именно в этих углах лежал фитиль; от его горения и образовались на стенках отложения копоти и сажи.

С целью определения охристого вещества в камере и чаше светильни был произведен качественный химический анализ³. Обнаружено наличие кальция, железа, алюминия и иона угольной кислоты. По отделениям светильни эти элементы распределялись следующим образом:

	Кальций	Железо	Алюминий	Ион угольной кислоты
Камера	Много	Ср. колич.	Ср. колич.	Ср. колич.
Сосуд	Ср. кол.	Много	" "	" "

Таким образом, и в камере и в чаше светильни находилась охристая глина, содержащая окись железа и уголекислые соли. Как известно, глина и суглинки, обогащенные железом и карбонатом кальция, образуются в поймах и дельтах рек. „Часто железо выпадает вместе с карбонатом кальция. В результате образуются различного рода железистые и железисто-известковые конкреции, сростки или даже горизонты, столь характерные для подгумусовых горизонтов почв дельты“⁴.

Учитывая, что погребение со светильней находилось в верхней части дельты Еси, подпруженной мощными галечно-песчаными отложениями

¹ Т. М. Минаева. Указ. соч., стр. 136.

² Там же, стр. 135.

³ Анализ по нашей просьбе был произведен в лаборатории Абаканского филиала института „Росгипроводхоз“.

⁴ В. А. Ковда. Процессы почвообразования в дельтах и поймах рек. Проблемы советского почвоведения, в. 14, 1946.

р. Абакана, благодаря чему происходило образование лагун с отложением в них железистых и железисто-известковых образований, станет понятно, что охристые глины весьма яркой окраски афанасьевцы брали где-то здесь же, в окрестностях раскопанного могильника.

Кроме того, большое содержание кальция и отсутствие иона CO_3 в камере светильни свидетельствуют о том, что в сосуде происходило горение, следовательно, мы имеем основание считать найденный сосуд именно светильней. Камера во время горения фитиля, который, как это видно по закопченности стенки, находился в углу при стыке стенок камеры и чаши, нагревалась, благодаря чему углекислая известь CaCO_3 , содержащаяся в охристой глине, переходила в негашеную известь CaO с выделением углекислого газа. Этим и можно объяснить преимущественное обогащение охристой глины в камере кальцием и обеднение ионом CO_3 , который при разрушении углекислого кальция в результате нагревания улетучивался в виде газа CO_2^1 .

Найденная на р. Еси светильня — вторая наша находка². С. В. Киселев, упоминая первую светильню (со станции Аскиз), отмечает, что она отличается от остальных афанасьевских „курильниц“ на Енисее перегородкой, совершенно аналогичной перегородкам у курильниц из катакомбных погребений между Волгой и Доном. Он видит в этом подтверждение существования в то время связи населения Южной Сибири и Причерноморья³.

Афанасьевских погребений на Енисее раскопано всего около 60. Сосудов же типа светильен (или курильниц) найдено всего семь и только два с камерами внутри. В Предкавказье их найдено около 15.

Т. М. Минаева пишет, что аналогичные обнаруженной нами светильни, найденные в Прикубанье, хотя и встречаются в правобережной части Нижнего Поволжья, специфичны для Северного Кавказа⁴. Нам кажется, что дальнейшие раскопки афанасьевских погребений могут дать новые партии светильен и изменить это мнение Т. М. Минаевой.

В 5 км к юго-западу от места, где мы раскопали афанасьевское погребение, против улуса Федорова, на второй террасе правого берега р. Теи, нами вскрыто пять погребений, относящихся к афанасьевской культуре.

Могильник состоял из пяти сложенных из средних и крупных булыжников подквадратных сооружений, примыкавших одно к другому, вытянутых в ряд с северо-запада на юго-восток (рис. 38) и продольной осью ориентированных к северо-северо-востоку. Размеры этих выкладок колебались между 3×3 и 4×5 м.

Наземные сооружения над погребениями представляли собой небольшие кучки булыжника среднего размера, заполнявшего подквадратную в плане, каменную же кладку, едва выступавшую на поверхности почвы. Ширина выложенных из более крупных камней стенок кладки 0,3—0,5 м, высота (глубина в почве) в пределах 0,4 м.

На глубине нижнего горизонта кладки, всегда почти в центре прямоугольника, вырыта ямка, в некоторых погребениях обставленная камен-

¹ Анализ и заключение сделано почвоведом Н. И. Карнауховым, за что и приношу ему благодарность.

² А. Н. Л и п с к и й. Афанасьевские погребения в Хакасии. КСИМК, в. XLVII, 1952, стр. 67—71.

³ С. В. К и с е л е в. Древняя история Южной Сибири, 1952, стр. 42. Здесь, кстати, следует отметить, что могильная яма описанного нами погребения в вертикальном разрезе в некоторой степени похожа на причерноморское „катакомбное“ погребение.

⁴ Т. М. М и н а е в а. Указ. соч., стр. 136.

ными плитами, образующими ящик. Средние размеры ямы или ящика 1×2 м, глубина—0,5 м. Погребенный покрывался сверху тонким слоем лиственничной коры, ящики или ямки закрывались более или менее массивными плитами и все пространство в пределах подпрямоугольной каменной кладки заполнялось булыжником, выступающим на поверхности в виде маленького уплощенного каменного холма.

В первой могиле обнаружен один костяк, лежащий на лиственничной корьевой подстилке. Уцелели лишь немногие кости, но по ним совершенно точно устанавливается труположение на спине, головой к юго-западу, с согнутыми в коленях ногами (рис. 39—1).

На месте, где лежали кости черепа, найдено медное колечко диаметром $36,5 \times 39,0$ мм, толщина проволоки около 2,5 мм.

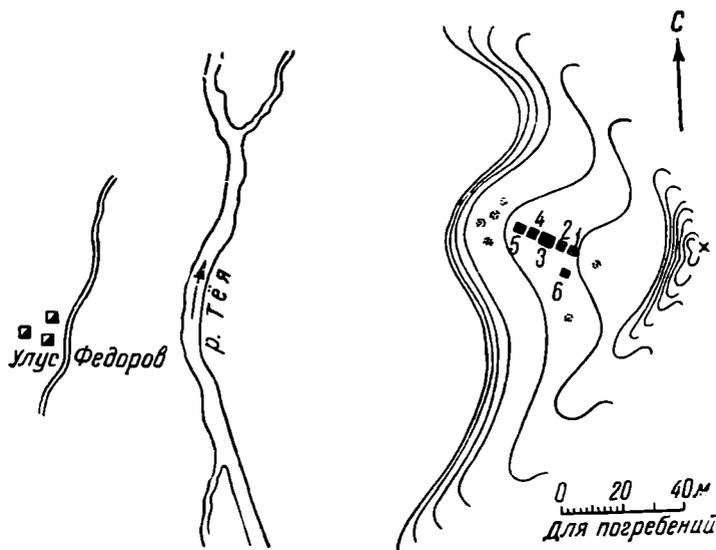

Рис. 38. Расположение афанасьевских погребений на правом берегу р. Теи:

1—6 — погребения; знак плюс — хребет Улуг-Таштык-хыран.

В западном углу, слева от черепа, обнаружены три обломка большого глиняного, видимо остродонного сосуда с едва намеченной шейкой. Диаметр сосуда по венчику около 20 см; высота приблизительно такая же.

Орнамент сосуда состоял из 12-миллиметровой полосы косых линий, нанесенных, очевидно, ножом, движением слева вверх направо. Верхний край линий после их нанесения был заглажен подправкой венчика. Ниже их прочерчены горизонтальные бороздки 5—6 мм ширины и до 2 мм глубины. Их на сосуде четыре. Под нижней бороздкой пять полос косых линий, образующих елочный орнамент. Общая ширина орнамента 12,5 см, т. е. больше половины всей высоты сосуда.

Третье погребение этой группы имело такое же устройство, как и первое, лишь подквадратная кладка была большего размера. Дно каменного ящика покрыто тонким слоем лиственничной коры, на которой в нескольких местах обнаружены остатки бересты. Погребенный (женщина) был положен на спине, головой к юго-западу, ноги согнуты в коленях. Труп покрыт пластом лиственничной коры; ее остатки, лежавшие непосредственно на костях, найдены на черепе (череп хорошей сохранности), на тазе и поверх ступней.

В западном углу гроба, около черепа, лежал раздавленный большой сосуд, окраска его коричнево-пятнистая на темносером фоне. Сосуд полностью реставрирован. Это средних размеров остродонный горшок с вертикальной шейкой (рис. 37—3). Его орнамент состоит из трех полос; первая шириной 8—10 мм, из косых, нанесенных справа вниз линий, прочерченных широким резцом. Под ней вторая—шириной 18 мм—из шести горизонтальных борозд 2 мм ширины, с такими же выпукло-

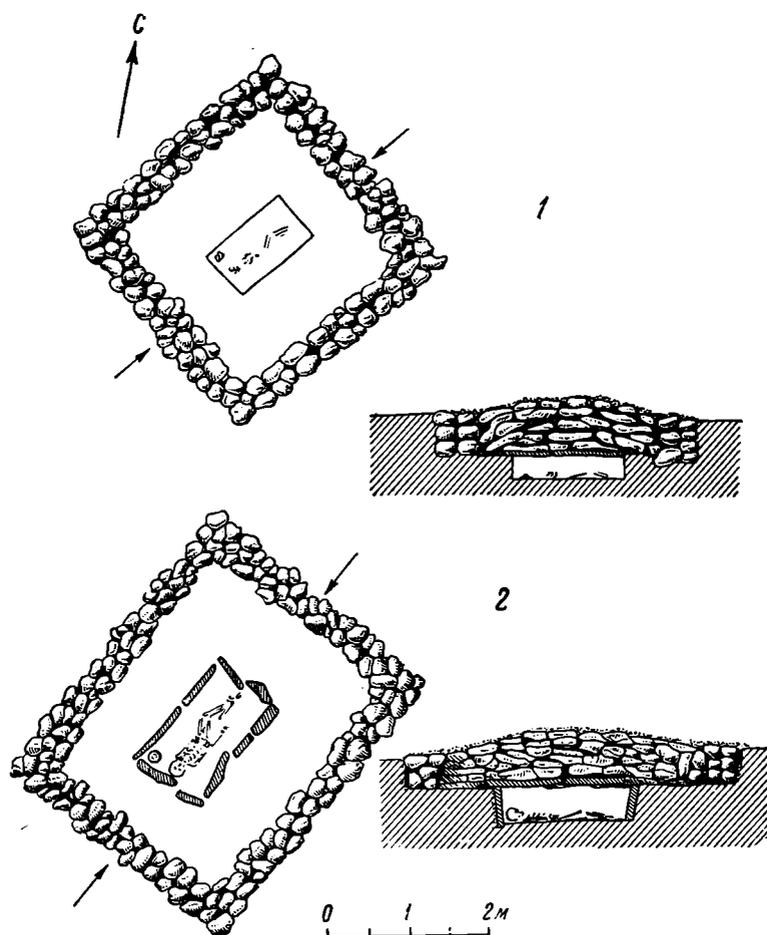

Рис. 39. Планы и разрезы могил:

1 — погребение № 1; 2 — погребение № 2.

стями между ними; ниже расположена третья, шириной 10 мм, состоящая из ряда косых линий того же направления и сделанных в той же манере и технике, что и первая полоса. Общая ширина орнамента сосуда около 40 мм.

Размеры сосуда: диаметр венчика и шейки 30 см, высота шейки 3,5 см, наибольший диаметр 31 см, высота 31 см.

Донная часть сосуда очень тонка, сильно прожжена. Последнее обстоятельство свидетельствует о длительном хозяйственном употреблении сосуда и о том, что острым дном он мог очень неглубоко опираться о землю и всегда был в горящих углях, т. е. что сосуда этого типа устанавливались на костре на подпиравших их камнях.

Пятое погребение по устройству подобно предыдущему. Стороны каменного квадратного сооружения равны $3,5 \times 4$ м при высоте 0,3 м.

В середине, на глубине 0,3 м от уровня почвы, находилась прямоугольная яма, обставленная каменными плитами, образовавшими небрежно сложенный ящик около 1 м ширины, 1,5 м длины и около 0,5 м глубины. Он был покрыт каменными плитами, позже сброшенными внутрь (рис. 39 — 2).

В юго-западном конце ящика-гроба, под сильно разложившимся покрытием из коры лиственницы, обнаружен череп человека, частью разрушенный в лобной и затылочной долях, но дающий возможность совершенно четко представить местный расовый тип афанасьевца. Слева, у головы погребенного, находился раздавленный сосуд. Кости ног лежали в северо-восточном конце гроба под небольшим углом к его продольной оси, что свидетельствует о том, что ноги были согнуты в коленях. Под костями на грунте прослежена темнокоричневая тонкая прослойка, видимо, остатки подстилки под трупом.

Многих костей скелета в погребении не найдено; пол погребенного устанавливается лишь предположительно как мужской.

Сосуд после реставрации оказался крупным круглодонным, несколько вытянутым кверху. Шейка четко выражена (рис. 37 — 4).

Орнамент состоит из полосы (шириной 13 мм) косых линий вдоль венчика, нанесенных слева вверх направо. Под этой полосой проходит широкий и глубокий горизонтальный желобок, отделенный от поля стенки сосуда невысоким валиком.

Сосуд еще при употреблении был починен. На расстоянии 21—22 мм от венчика по обе стороны образовавшейся трещины были просверлены на расстоянии около 25 мм отверстия размером в 5—6 мм. В них продеты медные провололочные скрепки толщиной в 2 мм. Размеры сосуда: диаметр по венчику 20,6 см, диаметр шейки 20,8 см, наибольший диаметр 23,5 см, высота шейки 2 см, высота сосуда 20 см.

Погребения второе и четвертое разграблены, но, судя по найденным в них частям костей, в каждой могиле было по одному захоронению.

Раскопанный нами небольшой могильник возле улуса Федорова представляет, очевидно, место погребения отдельной родовой группы. Об этом свидетельствует однотипность погребальных сооружений, тесно примыкающих друг к другу, и расположение могил в один ряд.

Погребения — одиночные, что позволяет отнести могильник к „древнейшей форме“¹.

Тип погребальных сооружений и планировка их вызывают еще одну мысль. Этнография Дальнего Востока и ряд наблюдений этнографического и археологического порядка в Хакассии дают основание согласиться с мнением С. В. Киселева, что погребения афанасьевцев „сооружались как жилище мертвых, отражавшее реальное жилище живых“². С этой точки зрения погребальные сооружения исследованного нами могильника — подквадратная каменная обкладка могильной ямы глубиной до 0,4 м — производят впечатление каменных стен полуземлянки. Гроб же из каменных плит, исключительно небрежно подобранных и установленных, или простая яма для захоронения покойника соорудились как бы в полу жилища.

На этом основании можно предполагать, что афанасьевцы низовьев Теи жили в полуземлянках и, вероятно, в более раннюю пору их эпохи хоронили какую-то часть членов своего общества в самом жилище, в выкопанной в его полу яме.

¹ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 52.

² Там же, стр. 46.

Нечто подобное нам известно из быта амурских нанаев (гольдов) по их рассказам о еще не столь отдаленном прошлом: умершего старейшего члена рода, положенного в массивный деревянный гроб, оставляли в том же жилище, в котором он жил. Гроб ставился на то же место, какое покойник занимал в жилище при жизни, или же на помосте среди жилища. Позже и одновременно с этим типом погребения стали строить специальные, несколько выше человеческого роста домики мертвых, богато орнаментированные снаружи, и в них устанавливались гробы с умершими.

У некоторой части удегейцев умершего старейшего члена рода клали в оморочку и оставляли в том жилище — шалаше, в котором покойник жил и умер. Позже над покойником, положенным в оморочке, или в лодке, или же в гробу, который очень близко воспроизводил форму лодки, сооружался специальный шалаш.

С. В. Киселев считает, что трупосожжение как форма погребения афанасьевской эпохи присуще только мужским захоронениям¹. Между тем раскопанное нами в низовьях р. Еси трупосожжение подростка (об этом свидетельствуют размеры не совсем сгоревших кусочков больших костей скелета), девочки (пол устанавливается косвенными признаками: наличием костяных колечек нагрудного украшения, особенно биконической бусинкой) свидетельствует, что этот ритуал был присущ не только мужским погребениям.

С. В. Киселев устанавливает, что „распространение афанасьевских находок... преимущественно на самом берегу р. Енисея... Другие же располагаются по притокам р. Енисея (правым. — А. Л.) — Сыде, Тубе, Лугавке и Ое, главным образом... ближе к тому же Енисею“², что „афанасьевские памятники занимали только (подчеркнуто нами. — А. Л.) долину Енисея и низовья его главных притоков“³, и находит „характерным необнаружение ни одного афанасьевского памятника... к западу от Енисея, в долинах рек и речек, на которых издавна сосредоточивалось кочевое скотоводческое население Минусинской котловины“⁴.

Описанные здесь афанасьевские погребения в низовьях речек Теи и Еси в среднем течении р. Абакана, как и ранее описанное нами погребение этой эпохи на станции Аскиз, показывают, что афанасьевские погребения не были обнаружены к западу от Енисея не потому, что там афанасьевцы не жили, а лишь вследствие плохой изученности этой части территории Минусинской котловины.

Больше того, обнаруженные нами в октябре 1952 г. каменные молоты в древней разработке медного месторождения в горно-таежной полосе, за улусом Бутарахты, сопровождались обломками толстостенного и, очевидно, большого „пифосообразного“ сосуда, весьма похожего по структуре глиняного теста на аналогичные типично афанасьевские горшки; пест из зеленоватой порфирированной породы, обнаруженный в окрестностях села Таштыпа, также типично афанасьевский. Эти находки дают основание считать, что население афанасьевской эпохи было расселено далеко за пределами не только берегов Енисея, но и берегов Абакана. Совершенно очевидно, что дальнейшие исследования к западу от Енисея дадут новые памятники афанасьевской эпохи.

¹ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 51.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 67.

⁴ Там же, стр. 45.

А. О. МНАЦАКАНЯН

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА В СЕЛЕНИИ ТОЛОРС (В ЗАНГЕЗУРЕ) АРМЯНСКОЙ ССР

В феврале 1952 г. в Исторический музей Академии наук Армянской ССР поступили сведения, что в сел. Толорс Сисианского района (Зангезур) при земляных работах разрушен курган, содержащий погребение с большим количеством предметов, среди которых оказались и золотые изделия. Для выяснения обстоятельств находки в сел. Толорс были произведены контрольные раскопки.

Курган был значительных размеров: под его насыпью находилась большая обложенная камнями могильная яма, длиной 5,4 м, шириной 4,6 м, глубиной от уровня почвы 2,6 м, ориентированная по линии северозапад—юго-восток. Камера была устроена с расширением в нижней части.

По сведениям, в могиле было пять человеческих скелетов; при контрольных раскопках найдены также кости барана, свиньи и двух особей крупного рогатого скота.

К нашему приезду предметы из кургана разошлись по рукам, и их пришлось собирать; фрагменты керамики и отдельных бронзовых изделий обнаружены и при контрольных раскопках.

Толорский курган представляет значительный интерес для археологии Закавказья, так как он впервые знакомит нас с характерным комплексом предметов бронзового века Зангезура. Комплекс оказался весьма близким к памятникам Восточного Закавказья, в частности Нагорного Карабаха.

Бронзовые изделия представлены образцами, хорошо известными по находкам в других местах Закавказья и датируемыми началом I тысячелетия до н. э. Обращают внимание два бронзовых кинжала с черенком для насадки деревянной рукоятки и бронзовыми прорезными навершиями (рис. 40—1-3)¹. Такие кинжалы были широко распространены в Восточном Закавказье².

Кроме кинжалов, обнаружены три бронзовых ножа с загнутыми концами, по внешнему виду похожие на бритвы и являющиеся также обычным предметом в могильниках Закавказья эпохи бронзы (рис. 40—4, 5)³. Найдено девять бронзовых наконечников стрел листовидной

¹ Иллюстрации к настоящей статье выполнены по рисункам художника Исторического музея АН АрмССР Аракела Патрика

² А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, т. 6, табл. III, рис. 6.

³ Там же, табл. VII, рис. 1 и 8. Альбом рисунков, помещенных в ОАК за 1882—1898 гг., 1906, стр. 240, рис. 1467 и 1468.

формы с длинными черешками (рис. 40—6-14)¹ и два орудия наподобие шил, широко известные в Закавказье.

Сходство предметов из Толорского кургана с найденными в Нагорном Карабахе дополняет бронзовое навершие в виде головки быка

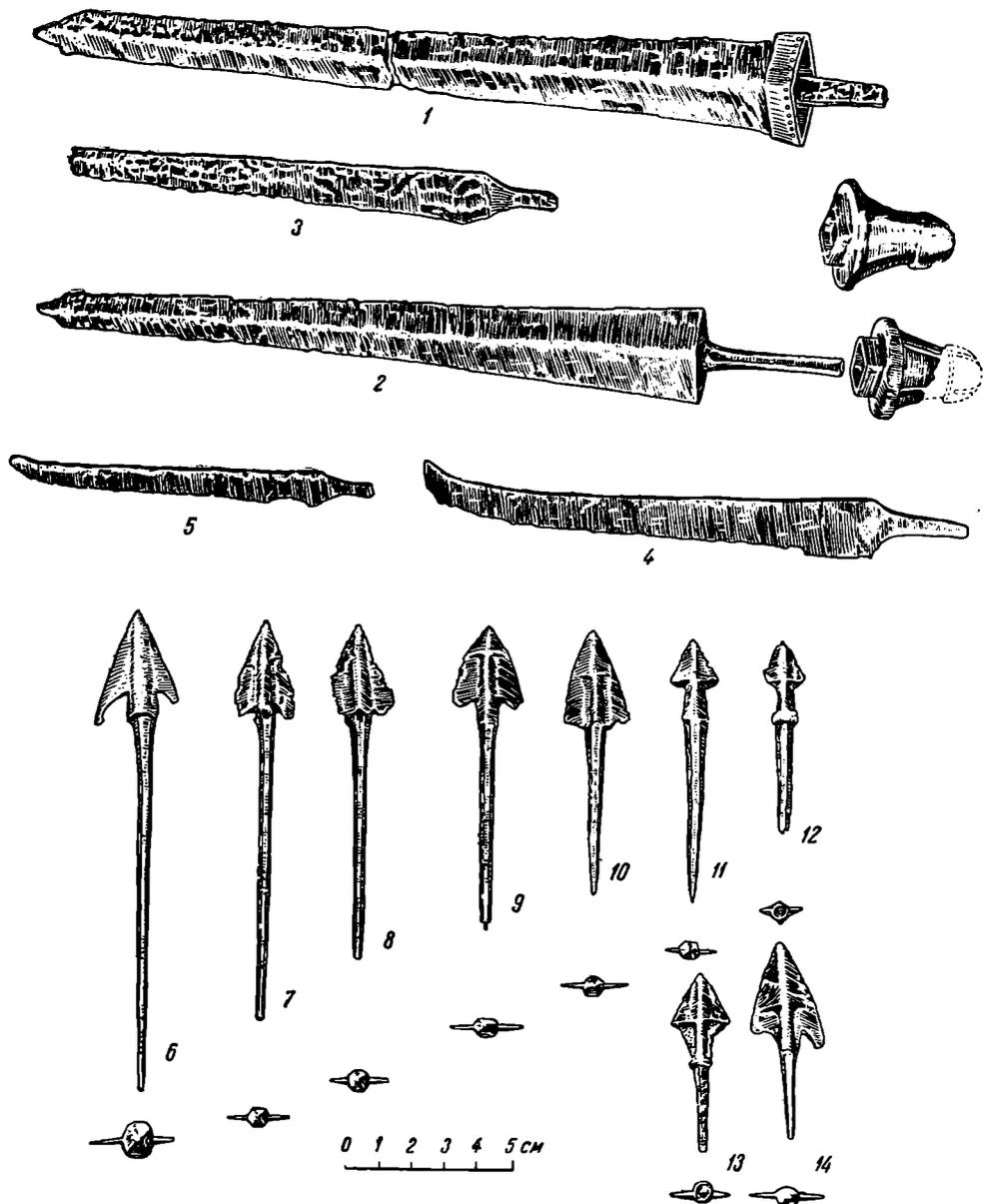

Рис. 40. Бронзовые княжалы, ножи и наконечники стрел из кургана у сел. Толорс.

(рис. 41—7), полностью совпадающее с навершием, найденным Э. Реслером в 1893 г. в Арчадзорском кургане (рис. 41—2)². К навершию, повидимому, относятся и серебряные обоймочки с отверстиями на боковой части. Встречены и другие предметы, близкие к арчадзорским,

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, табл. XXXIV и XXXVII, стр. 62—64.

² ОАК за 1894 г., стр. 17—18, рис. 12; МАК, т. 6, стр. 135—136.

в частности полушаровидный бронзовый набалдашник и вставленное в граненую каменную рукоятку бронзовое орудие, напоминающее долото, но с полукруглой выемкой на конце лезвия.

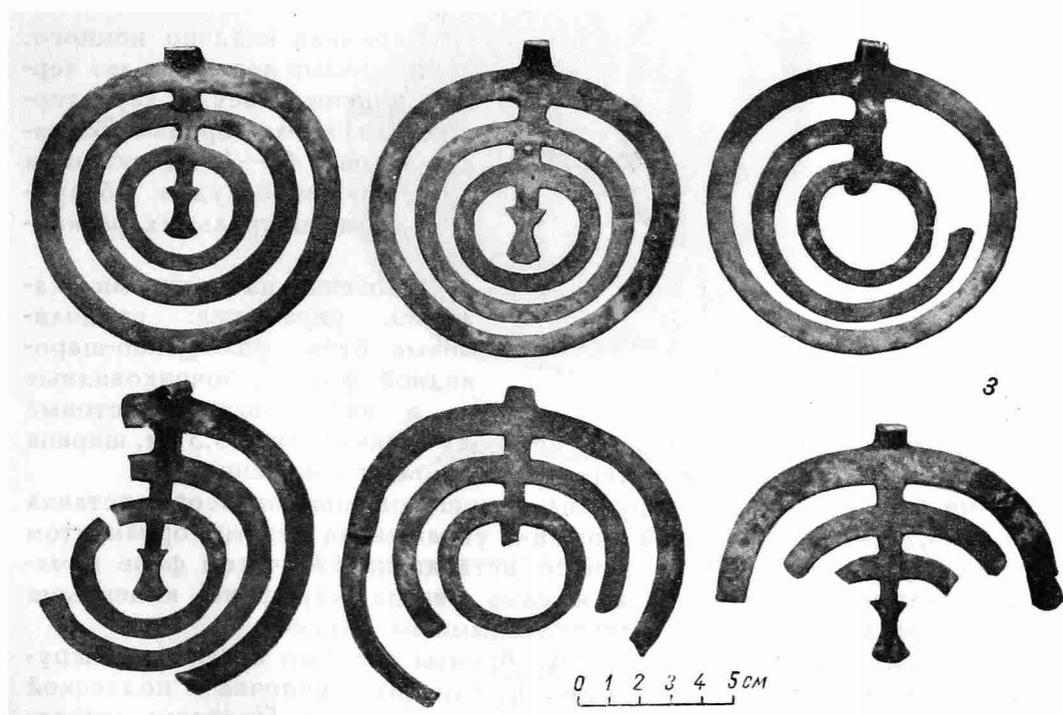
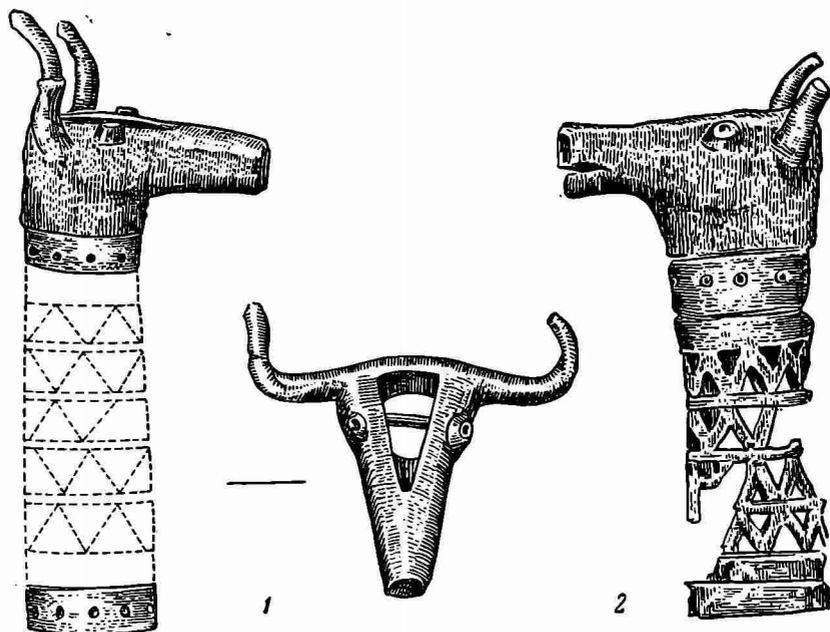

Рис. 41. Предметы из курганов:

1 — бронзовое навершие в виде головки быка из кургана у сел. Толорс; 2 — подобное же навершие из Арчадзорского кургана; 3 — бронзовые подвески из кургана у сел. Толорс.

Найден также бронзовый крюк, закреплявшийся в деревянной рукоятке; назначение его аналогично назначению бронзовых вил (символ власти) в богатых погребениях Нагорного Карабаха.

К числу бронзовых украшений относятся 12 дисковидных подвесок, состоящих из трех концентрически расположенных обручей, скрепленных вертикальной полоской, отходящей от петли и заканчивающейся в центре подвески фигуркой топора (рис. 41—3). Такие подвески дисковидной и ромбической формы найдены Е. Лалаяном в погребениях бронзового века в районе бассейна оз. Севан¹ и на восточном склоне горы Арагац.

Среди мелких бронзовых вещей Толорского кургана следует упомянуть щипцы, составленные из согнутой пластинки, шпильку в виде

диска со стерженьком и петель на обратной стороне диска и обломки бронзового орнаментированного предмета.

Особенно интересна и необычна для эпохи бронзы Закавказья бронзовая фигурка оленя, несомненно, культового назначения (высота 25 см, ширина рогов 16 см), выполненная очень реалистично. Широко расставленные рога оленя отлиты отдельно и вставляются в специально устроенное на голове отверстие (рис. 42). На шею оленя надеты три бронзовых орнаментированных кольца.

Рис. 42. Бронзовая фигурка оленя из кургана у сел. Толорс.

Керамики найдено немного. Находчиками переданы два черных лощеных сосуда, характерных для эпохи бронзы Закавказья (рис. 43—1, 2); обломки трех других сосудов обнаружены при контрольных раскопках.

Особенно интересными оказались украшения: сердоликовые бусы уплощенно-шаровидной формы, бочонковидные и в виде бисера пастовые

бусы. Обращает внимание плоская агатовая бусина (длина 3,5 см, ширина 2,8 см) со следами сильной потертости от долгого ношения.

Кроме бус, в могиле обнаружена полушаровидная ониксовая вставка (диаметр 5,7 см) от бронзовой пряжки, украшенная резным орнаментом и инкрустацией (рис. 44). В центре вставки на узорчатом фоне помещена пятилучевая звезда; фон и сама звезда украшены каменными вставками различного цвета, закрепленными на битуме.

Необычны для Закавказья эпохи бронзы золотые изделия, обнаруженные в значительном количестве. Среди них — цепочка с подвеской в форме двух пирамидок, соединенных основаниями. Подвеска изготовлена из золотой проволоки с нанизанными на нее золотыми бусами; в верхней и нижней ее частях помещены золотые бусы, украшенные вертикальными желобками (рис. 45—1).

¹ Е. Лалаян. Раскопки курганов в советской Армении. Ереван, 1931, стр. 105 (на арм. яз.).

Обнаружены шесть плоских бус (рис. 45—2-7), одна из которых украшена орнаментом в виде спиралей, расположенных по кругу

Рис. 43. Чернолощенные сосуды из кургана у сел. Толорс.

(рис. 45—2), а также подвеска грушевидной формы с петелькой в верхней части. Узор на подвеске пока еще не мог быть разобран (рис. 45—8).

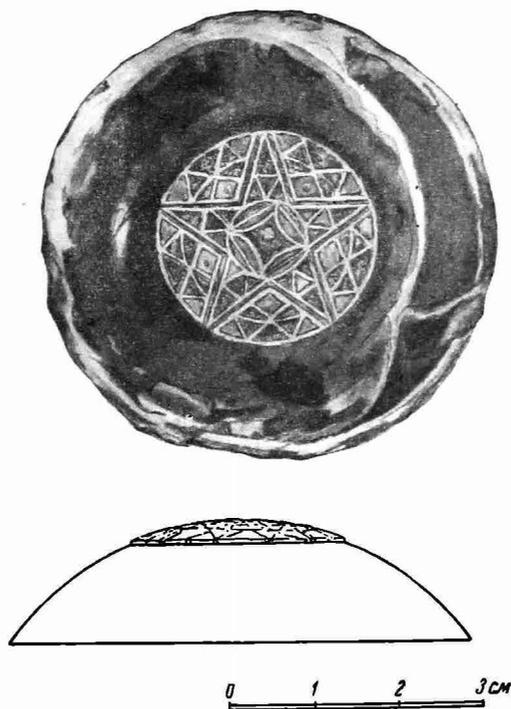

Рис. 44. Ониксовая вставка от пряжки из кургана у сел. Толорс.

Образцом высокого ювелирного искусства следует признать четыре золотые пронизки, составленные из трубочки с припаянными к ней двумя дисками, украшенными concentрическими кругами из тонкой проволоки. Сами трубочки украшены тончайшей зернью, образующей ромбики, по 6—10 штук на каждой пронизке (рис. 45—9-12).

К золотым предметам относятся еще три ажурные пластины треугольной формы, дошедшие до нас в обломках. Они украшены припаянной к основе тонкой золотой проволокой, уложенной спиралью, мелкими кружками и волнистой линией (рис. 45—13-15).

Пока трудно определить происхождение этих замечательных ювелирных изделий; они могут быть и местного происхождения, и привезенными из южных областей. Укажем только, что золотые изделия эпохи бронзы были встречены в могильниках именно Закавказья (Арчадзор, Ходжалы).

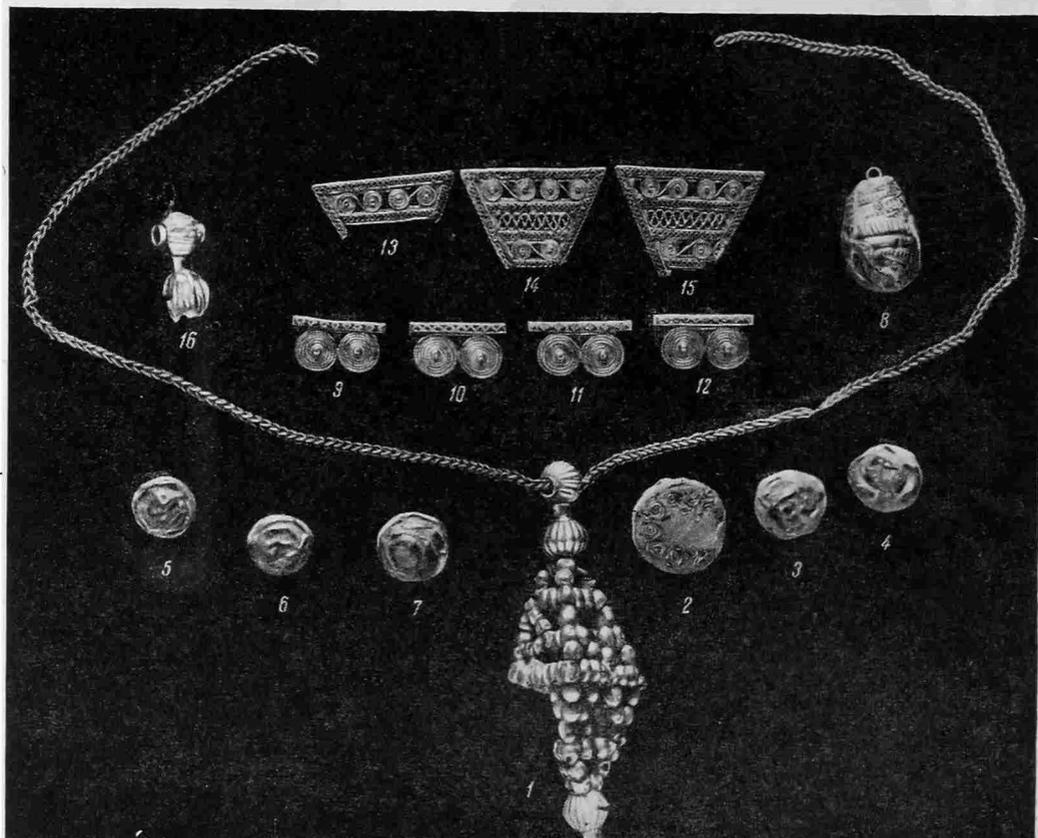

Рис. 45. Золотые украшения из кургана у сел. Толорс.

Комплекс древних предметов из Толорского кургана показывает с полной отчетливостью, что в эпоху бронзы, в начале I тысячелетия до н. э., население Зангезура имело тесные связи с Нагорным Карабахом, что выразилось в общности форм орудий, оружия и украшений, характерных для этих областей Закавказья.

Изучение предметов, найденных в сел. Толорс, приводит к заключению, что в кургане погребен один из вождей местного племени, который одновременно мог быть и жрецом. Его сопровождали и другие погребения, как и в Нагорном Карабахе.

Вещи были личной собственностью похороненного вождя.

В последние годы изучением поселений скифского времени в бассейне Сев. Донца занимались С. А. Семенов-Зусер, И. И. Ляпушкин, И. Ф. Левицкий и автор настоящей статьи, но, кроме кратких сведений, никаких сообщений об этих поселениях в печати не появлялось¹. Настоящая статья лишь частично восполняет этот пробел.

Селище и могильник у с. Островерховки Змиевского района Харьковской области обнаружены еще в 1950 г. Северодонецкой экспедицией ИИМК АН СССР под руководством Б. А. Рыбакова. В могильнике был раскопан один курган, но он оказался полностью разграбленным. Позже в том же 1950 г. часть селища в урочище Кувшиново осмотрена сотрудниками Харьковского исторического музея И. Ф. Левицким и Л. П. Ланде, собравшими здесь небольшой подъемный материал. В 1951—1952 гг. разведки и раскопки на территории селища и курганного могильника производились экспедициями Харьковского государственного университета.

Селище расположено на плоской возвышенности у истоков р. Чернявки (левый приток Мжи). К северо-западной части селища примыкает обширный курганный могильник. Вся территория древнего поселения, за исключением очень небольшого участка в лесу, в настоящее время интенсивно распахивается. Весной на черном фоне свежеспаханной земли довольно ясно выделяются более светлые участки зольников. Почва их насыщена различными бытовыми остатками — кусочками древесного угля, золой, раздробленными костями животных, обломками керамики и т. п. Нетронутые зольники, сохранившиеся в лесу, имеют высоту 0,4—0,5 м; распахиваемые иногда еще возвышаются над общим уровнем поля на 0,2—0,3 м, но в большинстве случаев почти совсем сравнялись с землей и заметны только по цвету и скоплениям культурных остатков.

Всего на селище у с. Островерховки нами до 1952 г. зафиксировано 37 зольников; они сосредоточены в четырех группах:

I группа (10 зольников) в урочище Лымарева Поляна (№ VIII—XI и XXVIII—XXXIII).

II группа (12 зольников) в урочище Кувшиново (№ I—VII и XX—XXIV).

III группа (12 зольников) в урочище Кушнаревское (№ XII—XIX и XXXIV—XXXVII).

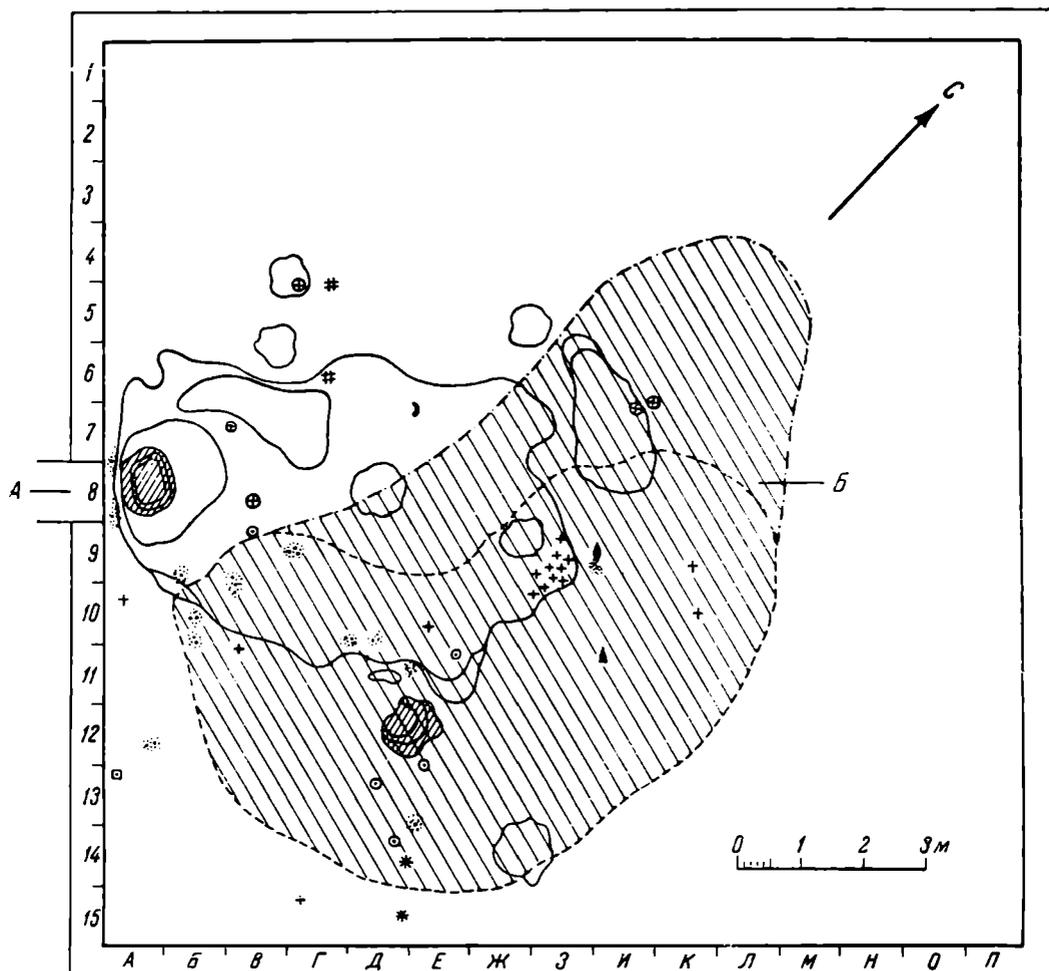
IV группа (3 зольника) в урочище Миське (№ XXV—XXVII).

Первые три группы расположены сравнительно близко друг от друга (500—600 м). Четвертая отделяется от третьей группы могильником и удалена от нее более чем на километр. Сейчас еще нельзя с полной уверенностью сказать, что зафиксированы уже все зольники (особенно в III и IV группах), но некоторую закономерность в их распределении уже можно видеть. Например, в урочищах Кувшиново и Лымарева Поляна они располагаются приблизительно по кругу, внутри которого — свободное пространство.

Нами произведены раскопки одного из них в урочище Кушнаревское. Избранный для исследования зольник № XII находится на опушке леса и, по словам местных жителей, начал распахиваться сравнительно

¹ С. А. Семенов-Зусер. Вогвище скифської культури. Соц. Харківщина, № 185 от 13/IX 1950 г.; И. И. Ляпушкин. Поселения зольничной культуры „скифов-пахарей“ в бассейне Сейма. КСИИМК, в. XXVII, 1949, стр. 67 и сл.; Е го же. Поселения зольничной культуры (скифов-пахарей) в северной стороне Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XII, 1950, стр. 41 и сл.; В. Резниченко. Информация о раскопках в Саржином яру. Правда Украины, № 200 от 24/VIII 1948; Б. А. Шрамко. Кафедра древней истории и археологии Харьк. гос. ун-та им. А. М. Горького. ВДИ, № 4, 1951, стр. 236.

недавно. Насыпь его к моменту раскопок была дугообразной формы, наибольшая высота 0,2 м. Длина зольника 12,5 м, ширина — 6,5 м. Раскоп

Профиль по линии А-Б

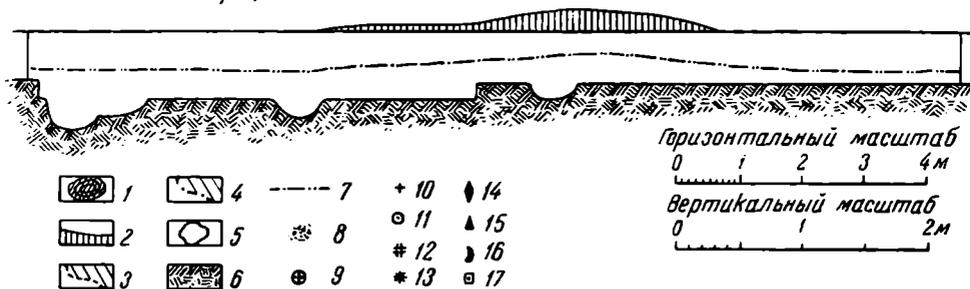

Рис. 46. План раскопок зольника № XII у с. Островерховки с обозначением основных находок:

1 — очажная яма; 2 — зольник; 3 — высокая часть зольника; 4 — низкая часть; 5 — ямы и углубление землянки; 6 — суглинок; 7 — нижняя граница распахки; 8 — скопления глиняной обивки; 9 — обломок зернотерки; 10 — метателный камень; 11 — глиняное пряслице; 12 — глиняное грузило; 13 — железный шлак; 14 — железный топор; 15 — бронзовый наконечник стрелы; 16 — обломок железного серпа; 17 — железная пластинка.

был взят площадью в 230 м² с таким расчетом, чтобы он охватил не только насыпь, но и значительную часть окружающего ее пространства (рис. 46).

Насыпь зольника и культурный слой, залегающий ниже ее, почти не различались по цвету и составу находок, если не считать, что в самом зольнике больше примеси золы. Особый интерес представляют остатки наземного жилища, обнаруженные и под зольником (в его западной части) и вне его. Основание жилища было углублено в землю не более чем на 0,65 м и имело форму неправильного овала, вытянутого в направлении с юго-запада на северо-восток. Большой диаметр его 8 м, малый — 5 м. В западной части углубления обнаружены остатки очажной ямы, размером 1,10 × 0,85 м, с предочажной ямой. К северу от нее находилось еще одно углубление неправильной формы, назначение которого определить трудно. Почти в центре жилища и в восточной части его обнаружены еще две ямы округлой формы, одна диаметром 0,90 м, другая — 0,65 м. Центральная яма могла предназначаться для установки в ней столба, подпиравшего крышу жилища. Назначение другой ямы непонятно. Вход, повидимому, был с юго-восточной стороны, где край углубленного основания жилища покатый. Вне жилища обнаружены в разных местах еще четыре округлые ямы и одна вытянуто-овальной формы. У восточной стенки жилища (но также вне его) вскрыта еще одна очажная яма диаметром 0,90 м. И наружная и внутренняя очажные ямы имели небольшую глубину (не больше 15 см) и были сравнительно слабо обожжены. Только в некоторых частях их, особенно на дне, встречались участки, прокаленные докрасна на 3—5 см. Количество золы и древесных угольков небольшое. Повидимому, очаги часто очищались и выбросы из них составили значительную часть насыпи зольника около жилища¹.

Восстановить полностью конструкцию жилища по сохранившимся остаткам невозможно. Повидимому, это было довольно легкое наземное сооружение из деревянного каркаса, переплетенного прутьями и обмазанного глиной. Остатки совершенно сгнившего дерева в виде кусков расколотых пополам бревен диаметром 7—10 см найдены в заполнении жилища и на его полу. Лежали они в беспорядке и прослеживались с большим трудом. Кусочки глиняной обмазки с отпечатками прутьев встречаются в разных местах раскопа. Наряду с необожженными, совсем сырыми кусками обмазки попадают и куски со следами слабого обжига. Они встречаются, главным образом, недалеко от мест расположения очагов. Однако конструктивной частью очагов они являться не могут, так как в самих очагах кусков такой обмазки нет, найденных обломков очень немного и их обжиг слишком слабый. Если учесть, что оба очага расположены неподалеку от границ углубленной части жилища, а следовательно, и от стен, то можно предположить, что стены особенно тщательно обмазывались глиной вблизи очагов, чтобы защитить деревянный каркас от жара очажного пламени. В этих местах глина и могла оказаться слабообожженной.

Насыпь зольника, культурный слой вне его и в заполнении основания жилища насыщены одновременными культурными остатками. Первоначальное расположение их в верхнем горизонте, т. е. на глубине 0,30—0,35 м от поверхности, нарушено распашкой. Почва здесь представляет собой обычный чернозем, только в насыпи зольника он более светлого цвета от примеси золы. Ниже глубины распашки культурный слой того же цвета и состава, но отличается меньшей рыхлостью. Подстилается культурный слой вне жилищного углубления бурым суглинком, переходящим в глину, а в углублениях и ямах — бурой глиной. Жилище и зольник существовали хотя и одновременно, но раздельно.

¹ Ср. А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. ИАК, в. 65, стр. 141.

Только после гибели жилища напластования зольника в его западной части сползли в углубление жилья.

Подъемный материал, собранный на поверхности распаханных зольников, и вещи, найденные при раскопках зольника № XII в урочище Кушнаревское, довольно однородны. Везде попадает много обломков

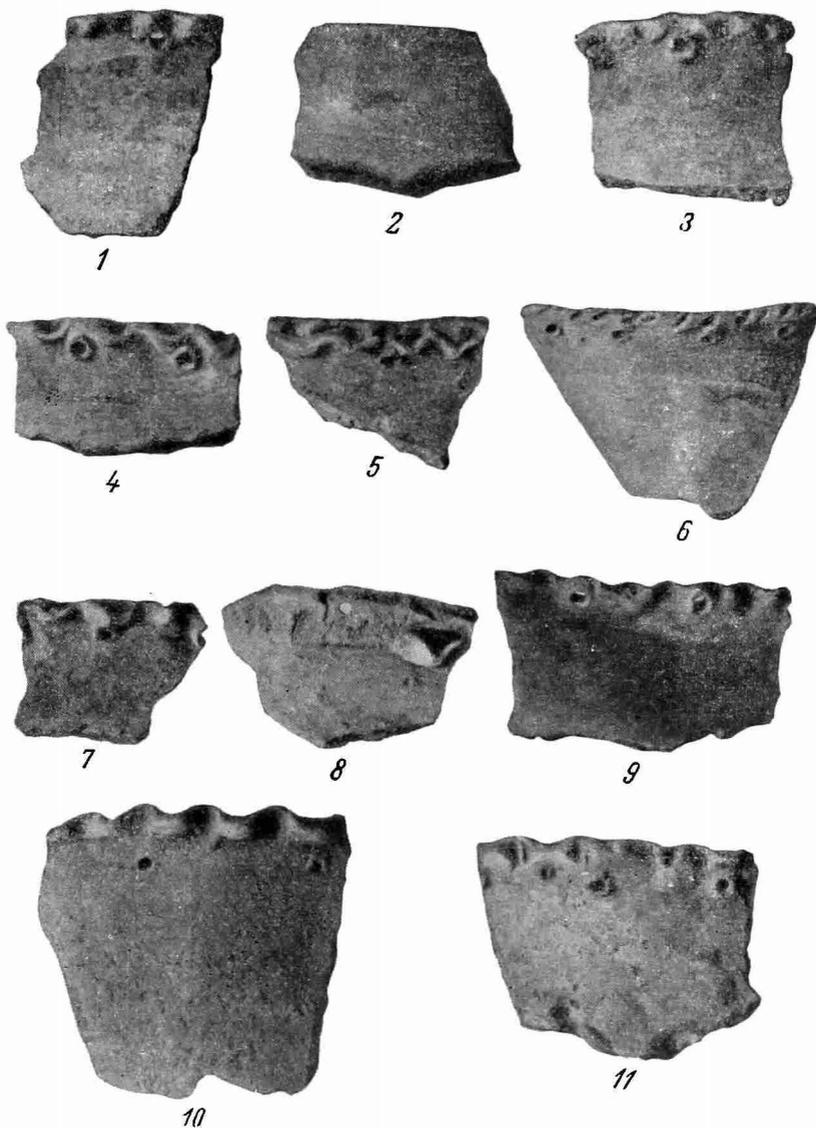

Рис. 47. Керамика селища у с. Островерховки.

местной лепной керамики (рис. 47). Чаще всего это остатки небольших плоскодонных горшков со слабо отогнутым венчиком, обычно украшенным по обрезу пальцевыми защипами, а ниже—сквозными круглыми проколами. Иногда венчик гладкий или украшен только одними сквозными проколами. Довольно часто встречаются венчики, украшенные по краю косыми насечками, нанесенными круглой палочкой, а ниже—сквозными проколами. Кроме горшков, встречаются глиняные миски и сковородки, глиняные цедилки и обломки небольших сосудов для питья, похожих на кружку без ручки.

Другие изделия из глины представлены различными пряслицами, обломками дисковидных небольших грузил и кусками конусообразных слабо обожженных грузил большого размера. Поверхность последних

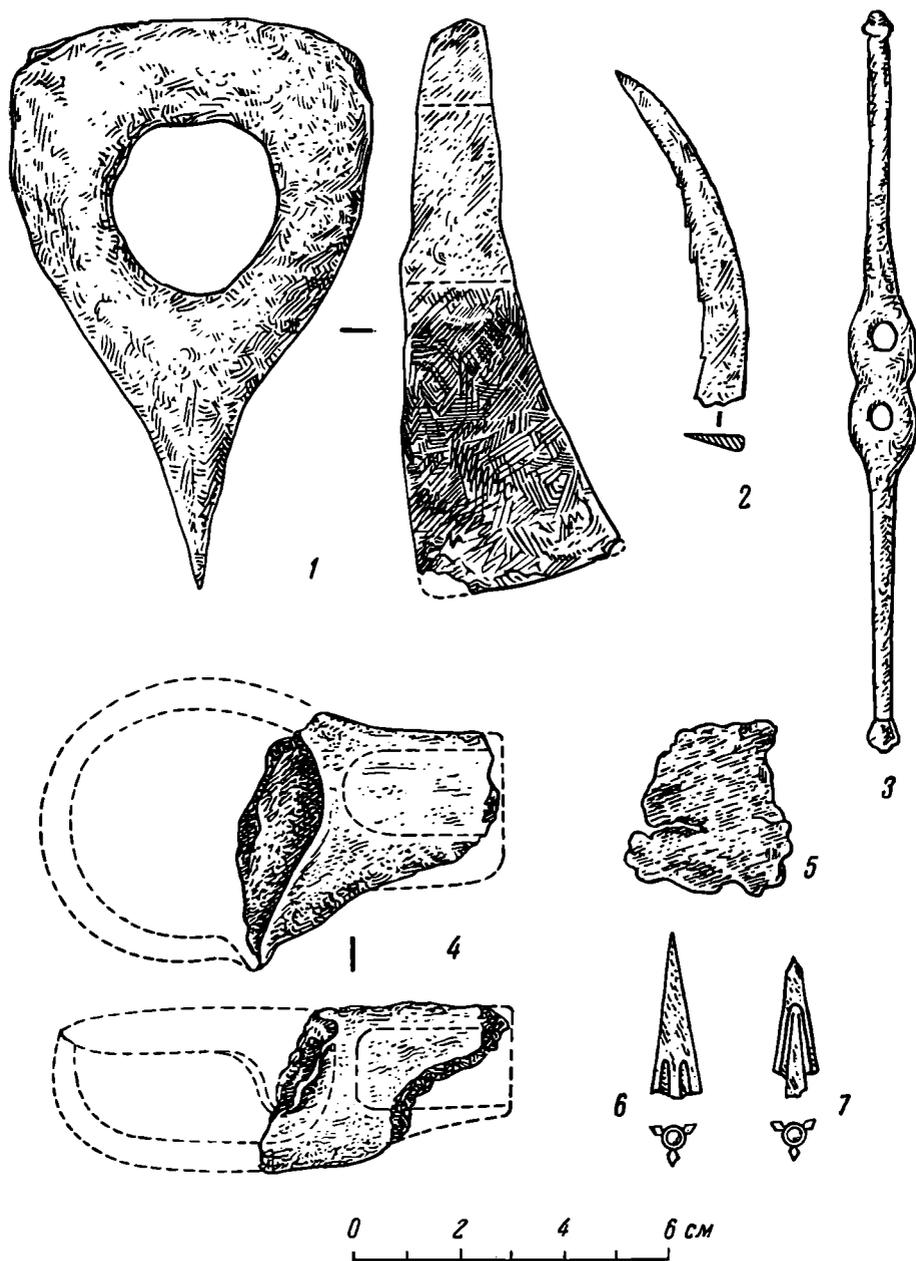

Рис. 48. Вещи скифского времени:

1 — железный топор; 2 — обломок железного серпа; 3 — железный псалий; 4 — обломок глиняной льячки; 5 — сляток бронзы; 6 — бронзовый наконечник стрелы; 7 — бронзовый наконечник стрелы (1—6 селенье у с. Островерховки, 7 — у с. Шаровки).

иногда орнаментирована крупными ямочными вдавлениями. Особо следует отметить две находки: обломок глиняной льячки в виде небольшой ложки с носиком (рис. 48—4) и фрагмент сильно обожженной, ошлакованной стенки какого-то сосуда, возможно плавильного тигля.

В нескольких зольниках встречены вотивные статуэтки животных из обожженной глины и их обломки (рис. 49). Особенно интересна сравнительно хорошо сохранившаяся статуэтка из зольника № II. Можно различить морду животного, уши, пышный хвост; из ног полностью сохранилась лишь одна (рис. 49—1). В зольнике № X найдена аналогичная статуэтка меньших размеров, у которой сохранились только часть головы, хвост и обломки ног. В шее фигурки еще до обжига проделано круглое отверстие, очевидно для подвешивания (рис. 49—2). К группе вотивных изделий надо, повидимому, отнести и миниатюрные (2—2,5 см высоты) сосудики в виде горшочков или мисок.

Изделия из камня представлены обломками кварцитовых зернотерок и точильных брусков из песчаника. Довольно часто попадаются метательные шары самого различного диаметра (3—7 см) и их обломки. Сделаны они из кварцита или песчаника. В некоторых зольниках попадают небольшие кремневые отщепы. В зольнике № IX найден слиток бронзы неправильной формы (рис. 48—5).

Изделия из металла встречены только при раскопках зольника № XII. В самом жилище, на глубине 0,4 м, обнаружен обломок железного серпа (рис. 48—2). Обломок сравнительно небольшой (длина 7,2 см), но на лезвии хорошо видны довольно грубые косые насечки, ясно свидетельствующие

о назначении орудия. Аналогичные серпы и их обломки найдены Б. Н. Граковым на Каменском городище¹. В насыпи зольника найден бронзовый сильно окислившийся трехгранный втульчатый наконечник стрелы (рис. 48—6) и железный проушной топор (рис. 48—1); обух плоский, массивный, а лезвие небольшое, слегка расширяющееся вниз, сильно сточенное.

Кроме этих изделий из металла, в двух местах обнаружены куски железного шлака, которые вместе с упомянутой раньше льячкой, слитком бронзы и обломком тигля свидетельствуют о местном металлургическом производстве. Из металлических изделий следует отметить

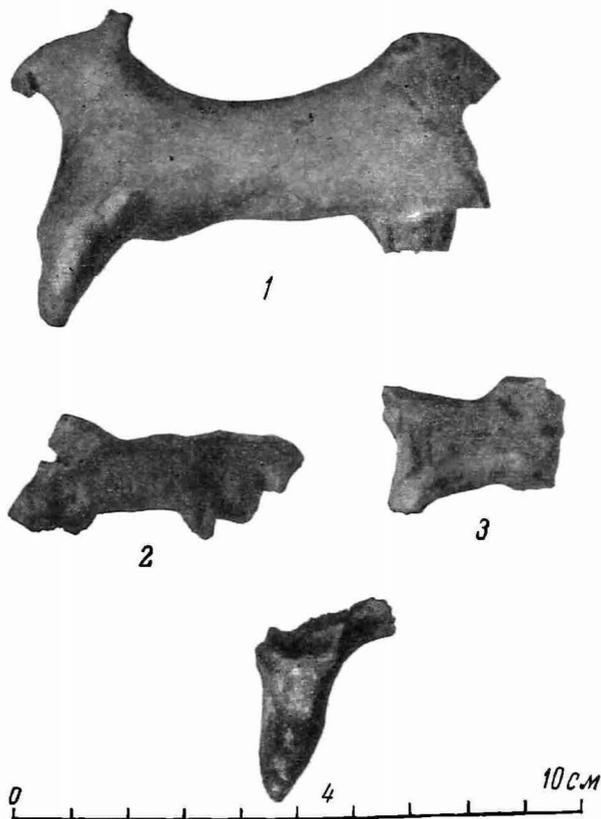

Рис. 49. Глиняные статуэтки и их обломки из зольников селища у с. Островерховки.

¹ Б. Н. Граков. О работе Степной скифской экспедиции. КСИИМК, в. XXXVII, 1951, стр. 134; П. Д. Либеров. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. Мат. по ист. земледелия СССР, сб. I, М., 1952, стр. 81—82, рис. 1.

прямой железный псалий (рис. 48—3), обнаруженный в 1950 г. И. Ф. Левицким и Л. П. Ланде при сборе подъемного материала в урочище Кувшиново.

Среди костного материала преобладают остатки домашних животных, немного встречено костей диких¹.

Весь материал, а также находки обломков греческих амфор эллинистического времени² позволяют датировать большинство зольников и жилище Островерховского селища IV—II вв. до н. э. Но, повидимому, не все группы зольников возникли одновременно. Судя по имеющемуся материалу, надо считать, что первая группа зольников в урочище Лымарева Поляна наиболее ранняя. Здесь найдена местная архаическая посуда: фрагменты горшков с венчиком, украшенным наклепанным горизонтальным валиком с зашипами и проколами (рис. 47—5, 7, 8) и фрагмент хиосской амфоры конца VI—V вв. до н. э. Возможно, здесь находилось первоначальное селище, возникшее не позже V в. до н. э.

Чрезвычайно интересен вопрос о причинах возникновения зольников, которые известны в лесостепной полосе Восточной Европы начиная с предскифского времени. Еще В. А. Городцов³ и А. А. Спицын⁴ отмечали связь зольников с жилыми комплексами, но все же характер этих сооружений был тогда еще недостаточно ясен. Высказывались предположения, что это своеобразные курганы с остатками трупосожжений⁵. Однако, несмотря на то, что в зольниках иногда действительно находят человеческие кости⁶, большинство исследователей в настоящее время считает, что зольничные отложения связаны с поселениями или даже с отдельными жилищами⁷. Несомненно, у местного населения был широко распространен обычай выбрасывать бытовые остатки и золу из очагов в какое-то одно место неподалеку от жилища. Но этим объясняются не все особенности зольников. Находки костей жертвенных животных (свиньи, собаки, лошади и т. п.), вотивных статуэток и сосудиков свидетельствуют, что зольники связаны также с каким-то культом. Вполне возможно, что это был культ богини домашнего очага Гестии-Табити, которую в Скифии почитали больше всех других богов и которой приносили в жертву различных животных⁸.

В 1951 г. нам удалось обнаружить остатки жилища иного типа на селище у с. Шмаровки Харьковского р-на и области. Селище расположено на левом берегу р. Уды, в седловине между двумя высокими

¹ Определение костей произвел проф. Харьк. ун-та И. Б. Волчанецкий. Количество они распределяются так: крупный рогатый скот 44,40%, лошадь 22,20%, свинья 11,10%, овца 5,50%, остальное — кости диких животных (благородный олень и косуля).

² Определение всех амфорных обломков произвела И. Б. Зеест.

³ В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г. Тр. XIV АС, т. III, 1911, стр. 93, 149 и др.

⁴ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 141.

⁵ В. Е. Данилевич. Указ. соч. Аналогично оценивались и памятники Белогрудовского типа. См. Коротке звітчення ВУАК за археологічні дослідження за 1925 рік. Київ, 1926, стр. 76 и сл.; то же за 1926 рік. Київ, 1927.

⁶ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 149; И. А. Зарецкий. Заметка о древностях Харьков. губ. Богодуховского уезда слободы Лихачевки. Харьковский сб., в. 2, X, 1888, стр. 239; И. И. Ляпушкин. Поселение скифского времени близ дер. Пожарная Балка Полтавской обл. КСИИМК, в. XXXVII, 1951, стр. 128.

⁷ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 130; М. Рудинский. Мачухська експедиція Інст. археології (1926 р.). Археол. пам'ятки УРСР, т. II, 1949, стр. 78—79; О. І. Тереножкін. Поселення Білогрудівського типу біля Умані. Археологія, 1951, т. V, стр. 174—176; и др.

⁸ Геродот, IV, 59, 127; Ориген, VI, 39; см. ВДИ, № 2, 1947, стр. 268 и 283; № 2, 1948, стр. 299.

песчаными дюнами. Здесь, благодаря движению песков, обнажились остатки глинобитного пола жилища скифского времени и залегавший значительно ниже него культурный слой бронзового века. Остатки жилища скифского времени были исследованы экспедицией полностью, а лежащий ниже слой бронзового века только частично, главным образом с целью уточнения стратиграфии (рис. 50).

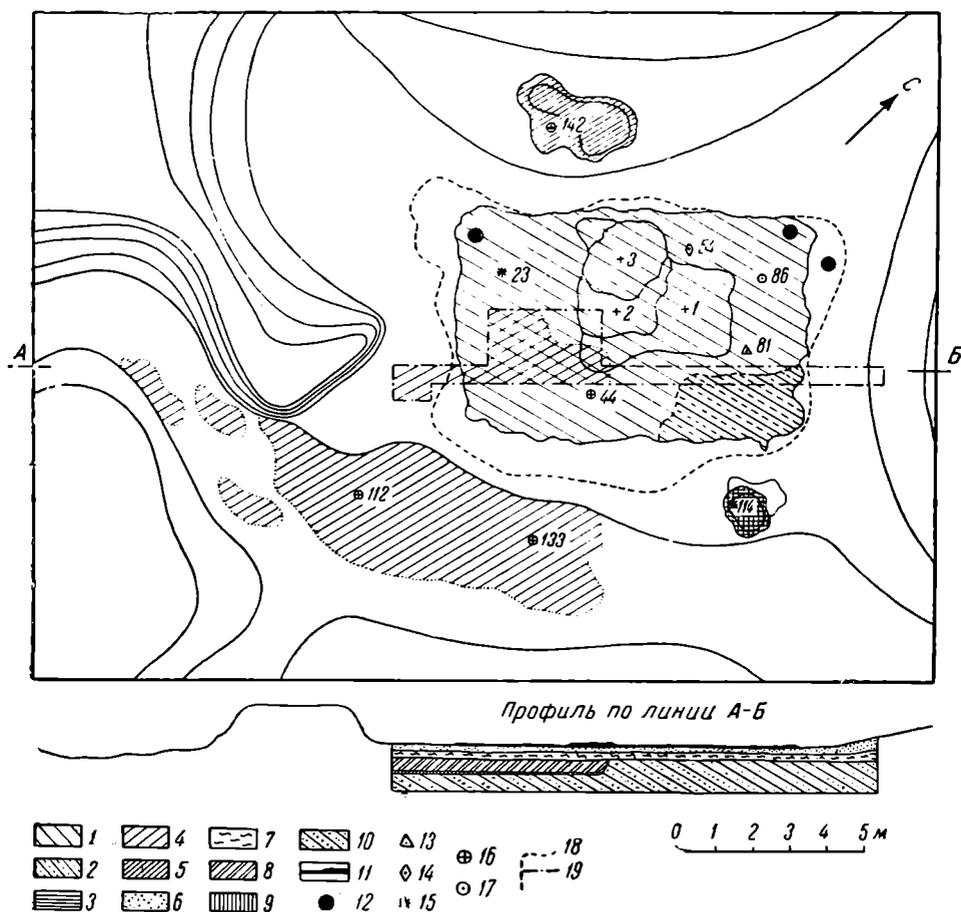

Рис. 50. План раскопок остатков жилища на селище у с. Шмаровки с обозначением основных находок:

1 — глинная обмазка пола жилища; 2 — глинная обмазка с примесью золы; 3 — очажная яма; 4 — нижний культурный слой, относящийся к бронзовому веку; 5 — поздняя яма с выбросами из нижнего слоя; 6 — желтый наносный песок; 7 — серый песок без находок; 8 — верхний культурный слой, относящийся к бронзовому веку; 9 — глинистая прослойка; 10 — темножелтый песок без находок; 11 — пол жилища скифского времени; 12 — ямы от столбов; 13 — бронзовый наколечник стрелы; 14 — железный предмет; 15 — отщеп кварцита; 16 — отщеп кремня; 17 — яичная скорлупа; 18 — границы распространения находок верхнего культурного слоя; 19 — граница разведочного раскопа нижнего культурного слоя.

Обнаруженное здесь жилище было наземным, но остатки пола и очаг сохранились под покровом песка сравнительно хорошо. Площадка пола имела форму прямоугольника со сторонами в 9,5 и 6,0 м. Ориентировано жилище своей длинной осью с северо-востока на юго-запад. Пол представляет собой слой глинной обмазки (толщиной в среднем 2—3 см), которая к моменту раскопок почти везде сильно растрескалась и покособилась. Только в центре жилища, где находилось небольшое возвышение в виде буквы Г, обмазка сохранилась лучше. Толщина глинного слоя в месте возвышения достигает 5—6 см. В восточном углу пол жилища более светлого цвета от значительной примеси золы в глине. При

расчистке жилища в северном и западном углах его обнаружены темные пятна круглых ямок, возможно от столбов, но остатков дерева в ямках не найдено.

Жилище было, повидимому, летним, так как очаг находился не в самом жилище, а вне его, на расстоянии 1 м к юго-востоку от восточного угла. Очаг представлял собой неглубокую ямку (диаметр

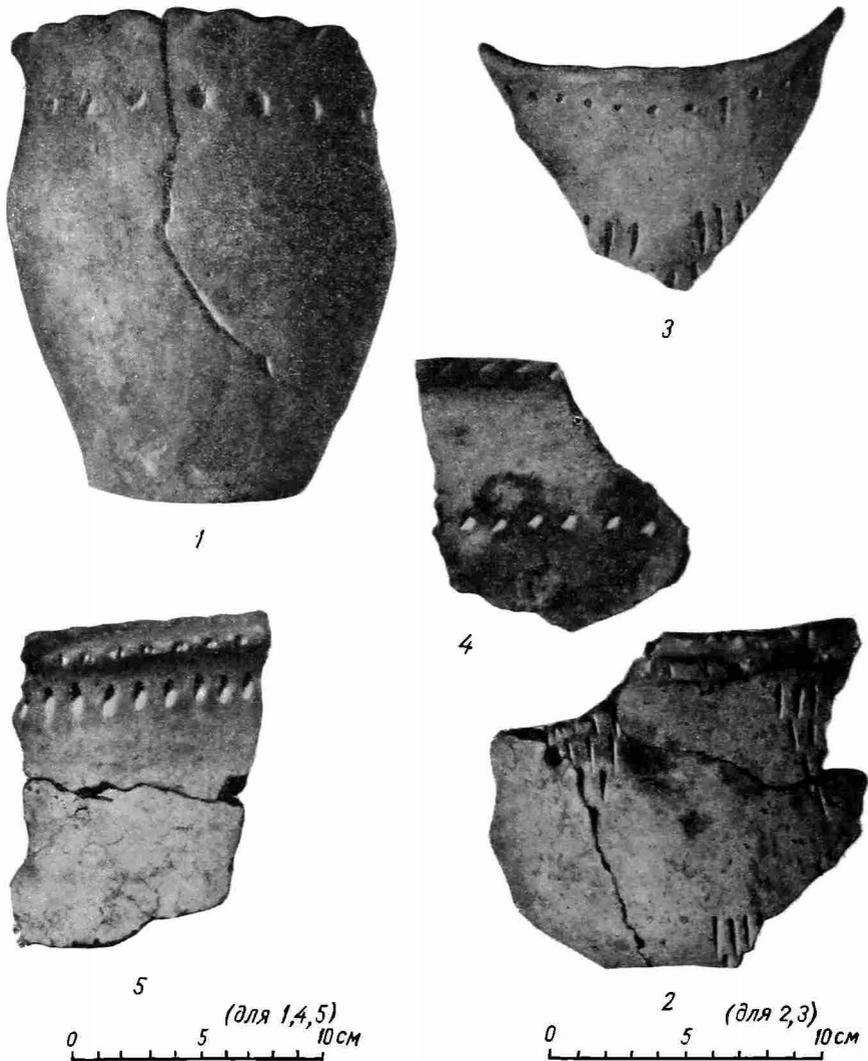

Рис. 51. Керамика из нижнего культурного слоя (эпоха поздней бронзы) на селище у с. Шмаровки.

около 1,5 м, глубина 38 см), заполненную золой, углями, обломками керамики, обожженными костями животных, кусочками обожженной глиняной обмазки (мало) и кусками кварцита.

Находки в очаге и на полу жилища однородны. Керамика представлена, главным образом, черепками от горшков со слабо профилированным венчиком, гладким или украшенным по обрезу пальцево-ногтевыми защипами и, ниже, сквозными проколами. Донышки плоские, с рантиком или без него. Реже встречаются обломки глиняных мисок с закругленным краем бортика и фрагменты глиняных сосудов (цедилок) с отверстиями в стенках. Изделий из камня не встречено, но есть

отщепы кварцита (возможно от зернотерок) и кремня. Кроме костей животных, найдена яичная скорлупа.

Металлические изделия представлены лишь обломком железной пластинки с отверстием, назначение которой непонятно, и бронзовым втульчатым трехгранным наконечником стрелы (рис. 48—7). Такие наконечники с короткой узкой втулкой и изящными пропорциями характерны для комплексов эллинистического времени (IV—III вв. до н. э.). Повидимому, этой датой и определяется существовавшее здесь жилище; остальные находки этому не противоречат.

Как уже отмечалось, слой, относящийся к скифскому поселению, здесь расположен прямо над остатками поселения бронзового века, но стратиграфически они хорошо отделяются друг от друга стерильной прослойкой толщиной в 30 см. Разведочные раскопки нижнего культурного слоя (вскрыто 13 м²) показали, что он достигает толщины 0,4 м. Точно указать границы нижнего культурного слоя пока невозможно, но во всяком случае ясно, что он проходит под площадкой верхнего жилища, а на расстоянии 1,25—1,75 м к югу от нее из-за движения песков часть его обнажилась.

Собранный на поверхности (в местах естественного обнажения) и в разведочном раскопе материал однороден. Кроме нескольких отщепов кремня и кварцита и раздробленных костей животных, найдена только керамика. Орнаментация ее очень разнообразна, но весьма характерна (рис. 51—2-5). Широко распространено украшение налепным валиком, расположенным почти у края венчика и сочетающимся с украшением стенок пальцевыми и палочными вдавлениями. Один обломок стенки орнаментирован горизонтальной и вертикальной налепной полосой с косыми насечками. Иногда валик у края венчика и самый обрез венчика украшены пальцевыми вдавлениями, а ниже идет ряд треугольников, составленных из узких и глубоких вдавлений концом тонкой палочки, и т. д. Особо нужно отметить несколько фрагментов серолощенных сосудов. На одном из таких фрагментов сохранился орнамент в виде врезных линий, инкрустированных белой пастой. Один сосуд сохранился почти полностью (рис. 51—1). Это высокий (20,5 см) плоскодонный горшок со сравнительно узким дном, слабо выраженными плечами и слабо отогнутым венчиком. Край венчика украшен пальцево-ногтевыми вдавлениями; ряд таких же вдавлений идет ниже по плечикам.

Керамический комплекс нижнего культурного слоя, особенно форма сосудов и их орнаментация, свидетельствует о том, что собранный нами материал относится к самому концу бронзового века, точнее даже к предскифскому времени, т. е. к первым столетиям I тысячелетия до н. э.

И. Н. ЦИЦИШВИЛИ

ГРОБНИЦА У СТАНЦИИ МЦХЕТА

На территории столицы древней Грузии — Мцхеты, широко известной по многочисленным и значительным археологическим находкам, в июне 1951 г. был обнаружен еще один замечательный памятник — прекрасно сохранившаяся гробница¹.

Памятник расположен у подножия крутого скалистого склона горы, возвышающейся на правом берегу Куры, на расстоянии около 200 м к востоку от Мцхеты.

Гробница установлена в котловане, вырытом в склоне горы. Котлован — прямоугольный, длина его 8,6 и 9,1 м, ширина — 4,5 и 4,85 м. Привлекает внимание соотношение сторон, приближающееся к 1:2. Такие пропорции характерны для большинства сооружений Мцхеты первых веков до н. э. Котлован огражден стенами, возведенными бутовой кладкой на глиняном растворе и имеющими с внутренней стороны глиняную же обмазку. Высота южной стены (со стороны высокого склона) 2,15 м, северной — 1,7 м, западной и восточной — 2 м. В северной стене широкий (1,6 м) проем. Оттуда, повидимому в котлован, шли ступени, вырезанные в грунте или, возможно, выложенные камнем. Вход этот позднее, надо полагать после совершения погребального обряда, был заложен плитняком и булыжником без раствора. Само погребальное сооружение, ориентированное с запада на восток, установлено в западной части котлована (рис. 52). Оно занимает меньше половины его площади, так что перед гробницей оставлена довольно просторная (5,23 × 4,5 м), повидимому, заранее предусмотренная для погребального церемониала площадка с покрытым утрамбованной глиной полом, огражденная высокими стенами.

Гробница представляет собой погребальную камеру прямоугольной формы со входом в восточной стене (рис. 53 — 1). Длина камеры 2,33 и 2,37 м, ширина — 1,75 и 1,8 м. Высота стен до пяты свода 0,93 м, до шельги — 1,9 м. Стены сложены насухо из крупных, отесанных с внутренней стороны плит песчаника². Толщина стен сравнительно небольшая (торцовая достигает 0,48 м); они выложены в один, в некоторых местах в два камня, так что внутренняя сетка швов отвечает наружной. Плиты тщательно пригнаны друг к другу и хорошо перевязаны, однако

¹ Памятник раскопан экспедицией Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР под руководством Г. А. Ломтатидзе.

² Не разрушая стен, невозможно выяснить, связаны ли камни металлическими скрепами, как в других сооружениях Мцхеты данного периода, и в первую очередь в Багинетской гробнице. См. И. Н. Ц и ц и ш в и л и. Гробница античного времени в Багинети. Сообщ. АН. ГрузССР, № 3, 1950, стр. 190.

строгости в системе кладки не чувствуется. На продольные, несколько суживающиеся кверху стены опирается перекрывающий камеру полуциркулярный свод. Он состоит из одиннадцати рядов связанных в переплет, хорошо отесанных узких клинчатых камней. Длина камней 1—1,35 м; толщина свода около 0,5 м.

Все стены камеры, внутренние пристенки входа и свод покрыты слоем превосходной известковой штукатурки толщиной в 1,5—3 см, которая от примеси толченого черепка (придающего обмазке влагостойчивость) имеет розоватый оттенок.

Пол камеры выложен прямоугольными плитами разных размеров, толщиной до 20 см. Чтобы плиты плотнее прилегали к земле, по материку подсыпан слой щебня и песка.

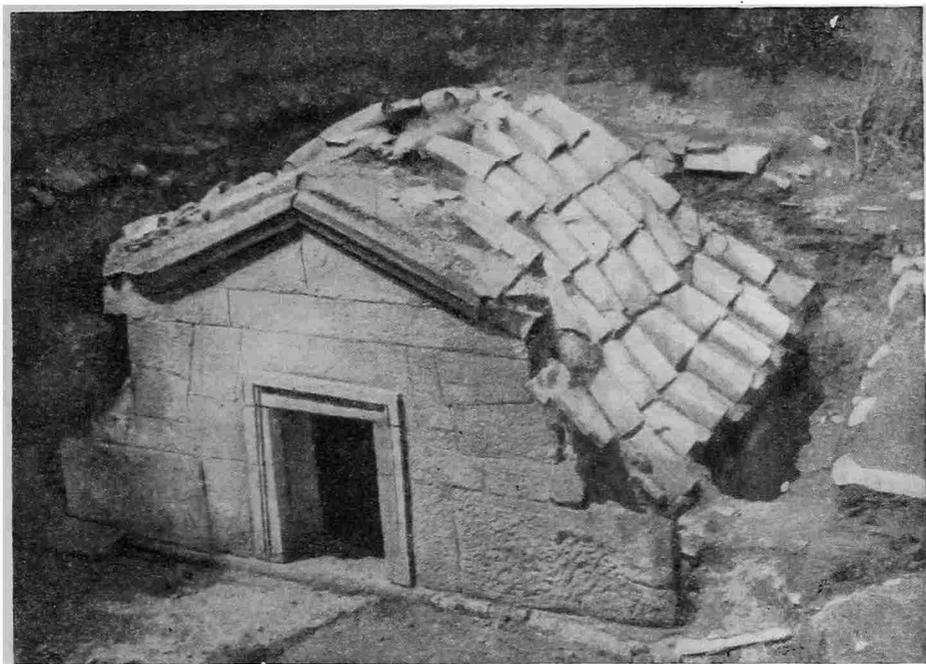

Рис. 52. Общий вид гробницы у станции Мцхета.

Снаружи стены гробницы (кроме восточной), почти прилегающие к ограде котлована, не имеют гладкой поверхности. Грубо обработанные блоки не выровнены и выступают в зависимости от их размера.

Открытый восточный фасад гробницы отличается простотой и монументальностью форм (рис. 53—5). Высота его 2,46 м, ширина в нижней части 3,95 м. Края фасада неровные, боковые стены кверху постепенно уступчато суживаются до 2,53 м¹.

Фасад гробницы сложен из симметрично расположенных крупных и довольно хорошо отесанных блоков песчаника. Стена, покоящаяся на невысоком цоколе в одну ступеньку, заканчивается щипцом, увенчанным карнизом простого, но изящного профиля. В центре находится дверной проем с четко профилированным обрамлением и образованным цоколем невысоким порогом. Дверной проем перекрыт архитравно — крупной,

¹ Прием уступчатой кладки, как и стены, плавно переходящие в свод, наводит на мысль об отголоске эллинистических традиций, засвидетельствованных в подкурганных и вырезанных в скале склепах. Хотя стены с таким очертанием, лучше воспринимающие распор свода, безусловно могли иметь и конструктивное значение.

скошенной с обеих сторон плитой. Вход был плотно заложен большой (1,03 × 0,68 × 0,20 м) прямоугольной плитой песчаника¹.

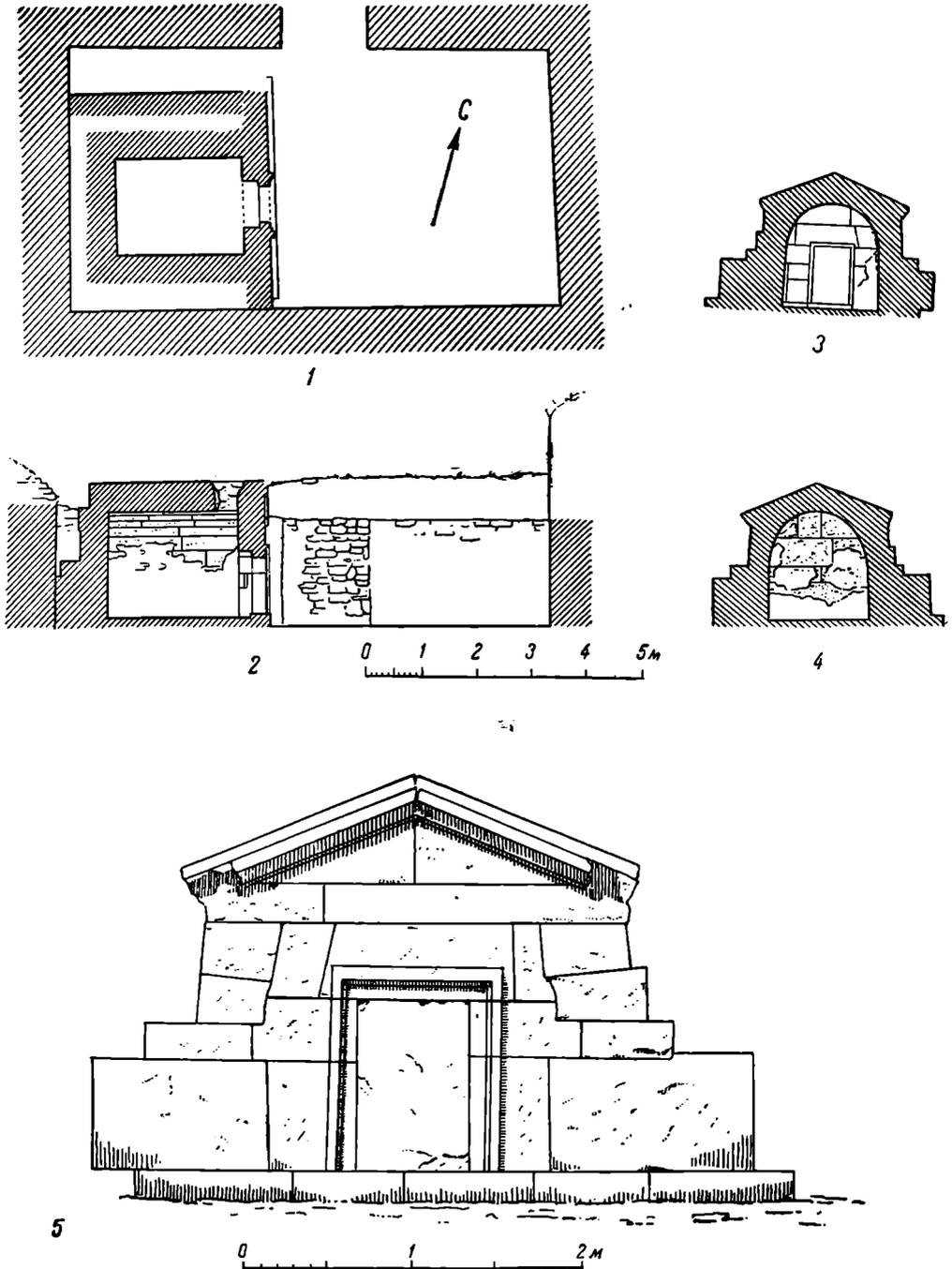

Рис. 53. Гробница у станции Мухета.

1 — план; 2 — продольный разрез; 3 — поперечный разрез с востока; 4 — поперечный разрез с запада; 5 — фасад гробницы.

Несмотря на тщательность пригонки плит, в кладке кое-где заметны неровности (сбитые углы или широкие швы), заделанные известковым

¹ Известковистого, отличающегося от использованного в кладке стен.

раствором. Следы аналогичной подмазки имеются и на краях прикрывавшей вход плиты. С обеих сторон от входа в кладке видны симметрично расположенные дугообразные швы, соответствующие очертаниям свода. Привлекает внимание также и способ крепления карнизов щипца. Нижние угловые части карнизов и крупные плиты, лежащие под тимпаном, вырезаны в одном камне и поддерживают с боков центральную часть.

У плит песчаника, использованных в кладке, шероховатая поверхность и характерные узкие, гладко обтесанные кромки. На камнях отчетливо видны следы обработки по крайней мере пятью разными инструментами, повидимому типа топора, тесовика, скампеля, шпунта и, наконец, зубчатой бучарды. На двух плитах, одна из которых обрамляет дверной проем, а другая использована в цоколе, видны слегка сглаженные гнезда от металлических скоб или пиронов. Это дает основание предполагать вторичное использование хотя бы части строительного камня.

Двускатная крыша гробницы покрыта крупной черепицей, весьма распространенной в памятниках древней Мцхеты¹.

Черепицы двух видов — широкие, плоские, с загнутыми кверху краями, устилавшие всю поверхность крыши, и более узкие, желобчатые, перекрывающие зазоры, образующиеся между плоскими черепицами. Кровля со всех сторон сильно выступает (30—75 см) за края сооружения. Над гробницей черепица уложена непосредственно по каменным скатам свода на тонком слое известкового раствора. Далее, в выступающих частях она была, повидимому, уложена по деревянным рейкам, верхние концы которых лежали на краях сооружения, а нижние упирались в дополнительные стенки из рваного камня, возведенные параллельно обеим продольным стенам гробницы².

Как и ранее обнаруженные в Мцхете образцы, черепица — красновато-коричневого цвета, хорошо обожжена и покрыта красной краской. На поверхности большей части черепиц — знаки мастера. Примечательно, что на плоской черепице все знаки одного и того же типа, а на желобчатой — двенадцать разновидностей (рис. 54).

Кровля, состоящая из столь крупной черепицы, кажется несколько немасштабной по отношению к сооружению и, нависая, как бы придавливает гробницу. Повидимому, строитель, который, судя по архитектуре сооружения, не лишен был художественного чутья, не имел выбора, так как в мастерских древней Мцхеты (судя по многочисленным находкам) изготовлялись черепицы лишь определенных стандартов³.

По всем признакам гробница была построена в сравнительно короткий срок. Об этом свидетельствуют сильные отклонения в размерах котлована и самой погребальной камеры, недостаточно тщательно отесанные плиты на фасаде, тонкие стены с просветами, заделанными

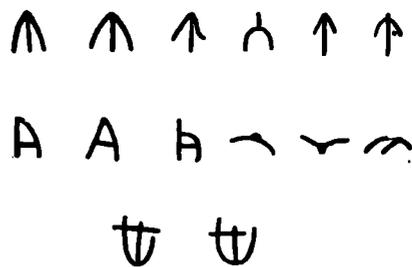

Рис. 54. Знаки на черепицах кровли гробницы у станции Мцхета.

¹ И. Н. Цицишвили. К изучению мцхетской античной черепицы. Сообщ. АН ГрузССР, № 8, 1948.

² Именно после того как истлели рейки (следы которых были обнаружены под черепицей), кровля в этих местах осела и опустилась на уступы стен, образовав своеобразный изгиб.

³ И. Н. Цицишвили. К изучению мцхетской античной черепицы. Сообщ. АН ГрузССР, № 8, 1948, стр. 513.

раствором, и, наконец, повторное использование старых материалов (плиты со следами гнезд для скоб или пиронов). Фасад сооружения также, повидимому, не завершен. По краям сохранились вертикальные следы, указывающие на стремление мастера выровнять края фасада. Все это дает основание усмотреть определенную поспешность при строительстве гробницы.

Первоначально некоторые сомнения вызывал вопрос, была ли гробница засыпана землей или и после совершения погребения оставалась открытой, доступной для обозрения. В пользу первого предположения свидетельствовали такие моменты, как вырытый котлован, ненужный для наземного сооружения; закладка входа в котлован; недостаточно тщательная обработка плит на фасаде здания; костяк лошади, обнаруженный на уровне пола в северо-восточном углу котлована. К тому же засыпка землей, обычная для мцхетских погребений, „более обеспечивала неприкосновенность покойников и сохранность принесенных при погребении даров и более соответствовала самой идее погребения усопшего в земле“¹.

Однако черепичная кровля свидетельствует о наземном сооружении. В земле, на уровне пяты свода, найдены черепицы, сброшенные или упавшие с крыши, что говорит о том, что кровля была открытой. На некоторых черепицах заметны трещины и явные следы ударов камней, вероятно, падавших со склона горы на обнаженную кровлю. Над фасадом гробницы, как отмечалось выше, нависают три ряда (0,75 м) черепицы. Во время вскрытия кровли они лежали прямо на земле, на уровне карниза гробницы. Однако первоначальная укладка черепицы на засыпку мало вероятна и заставляет подразумевать определенные опоры в виде деревянного портика. Кстати, имеющийся над карнизом уступ, возможно, служил упором для балок перекрытия портика. Наконец, разрез земли, заполнившей котлован перед гробницей, указывает на то, что мы имеем дело не с искусственной засыпкой, а с естественным наносом со склона холма.

Учитывая сказанное, приходим к выводу, что гробница была засыпана землей лишь с трех сторон (с севера, запада и юга) до уровня нижнего края черепичной кровли. С этих сторон были обнаружены в большом количестве отходы строительного камня, выбрасывавшиеся при теске плит. Земля покрывала уступчатые продольные стороны сооружения и скрывала неровные края фасада, оставленные необработанными именно в расчете на засыпку.

Таким образом, если не считать аналогичной сильно разрушенной гробницы в Багинети, на территории Грузии мы впервые встречаем открытое погребальное сооружение в виде мавзолея. Но, как известно, склепы с открытым фасадом или частично впущенные в материк довольно часто встречаются среди памятников эллинистического времени. Таковы, например, некоторые боспорские склепы, склепы фракийских курганов и высеченные в скалах гробницы Малой Азии², наконец, таков открытый в 1946 г. мавзолей в Неаполе Скифском³.

Четырехугольные в плане, перекрытые полуциркульными сводами склепы могут быть более или менее определенно датированы. Еще в раннеэллинистическое время полуцилиндрические своды, заимство-

¹ Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. ИАК, в. 13, стр. 19.

² М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. 1914, стр. 47, 110.

³ П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского. КСИИМК, в. XXI, 1947, стр. 16—21; Н. Н. Погребова. Мавзолей Неаполя Скифского. Там же, стр. 22—32.

ванные на Востоке, постепенно вытесняют технически более примитивные уступчатые своды¹. Так, сводчатые покрытия применяются в гробницах Этрурии эллинистического времени (например, гробница Вайано и др.²). К тому же времени относятся перекрытые полуциркульными сводами подкурганные склепы Северного Причерноморья. Но особенно широкое распространение получают несколько более упрощенные перекрытые сводом монументальные каменные склепы в римское время.

С эллинистическими памятниками Северного Причерноморья мцхетская гробница, несмотря на существенные различия (развитой дромос и т. д.), имеет ряд общих черт. В Анапском, Васюринском и Тарасовских склепах мы наблюдаем аналогичную конструкцию свода, открытые, уступчатые или оформленные дорическим фронтоном фасады и др.³ Примечательны и некоторые схожие черты фракийских гробниц, например уступчатый фасад гробницы Кирк-Килиссе или обрамление входа гробницы Курт-Кале⁴.

Еще больше общего открытая нами гробница имеет с ольвийскими погребальными сооружениями II—III вв. н. э. Так, склепы „Еврисивия и Ареты“ и „Зевсова кургана“ имеют схожие по форме и идентичные по конструкции своды, прямоугольные камеры и облицовку внутренних стен⁵. Некоторые параллели в отношении композиции и строительных приемов известны и по „Склепу Деметры“ в Керчи первой половины I в. н. э., сооруженному, в отличие от подкурганных склепов, в естественном возвышении почвы⁶. Наконец, необходимо отметить склеп, раскопанный В. Д. Блаватским в 1948 г. в окрестностях Керчи и датированный I в. н. э.⁷ Здесь мы видим те же, что и в мцхетской гробнице, монументальные простые формы, совершенно аналогичный полуциркульный свод, идентичную кладку стен, симметрично решенный фасад и ряд других черт, не оставляющих сомнения, что оба памятника сооружены примерно в одно время.

Естественно, что ближайшие аналогии новооткрытая гробница имеет на территории самой Грузии. Так, например, план, решение фасада, профилированный карниз, кладка стен, черепичная кровля и полная идентичность знаков мастеров на черепицах багинетской гробницы, относимой нами предположительно ко II в. н. э.⁸, указывают на одновременность возведения обоих памятников.

Таким образом, архитектура мцхетской гробницы и аналогии с другими погребальными сооружениями позволяют отнести время ее постройки к рубежу I и II вв. н. э. Как мы убедимся ниже, остатки найденного в гробнице погребального инвентаря соответствуют такой датировке.

¹ М. Ростовцев. Указ. соч., стр. 110; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. 1949, стр. 294.

² С. А. Кауфман. Памятники этрусской архитектуры. Всеобщая история архитектуры, т. II, кн. 2, 1948, стр. 26.

³ М. Ростовцев. Указ. соч., стр. 83, 110, табл. 12, 29, 30, 35, 36; В. Д. Блаватский. Античная архитектура Северного Причерноморья. Всеобщая история архитектуры, т. II, кн. 2, 1948, стр. 381.

⁴ С. А. Кауфман. Об уступчатых склепах Боспора. Сообщ. Ин-та истории и теории архитектуры, в. 6, 1947, рис. 20, 22.

⁵ Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. ИАК, в. 13, стр. 17 и сл.; его же. Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии. ИАК, в. 3, табл. IV—VI; В. Д. Блаватский. Античная архитектура Северного Причерноморья. Всеобщая история архитектуры, т. II, кн. 2, 1948, стр. 382 и сл.

⁶ В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 382.

⁷ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикалея (1948 г.). КСИИМК, в. XXXIII, 1950, стр. 23.

⁸ И. Н. Цицишвили. Гробница античного времени в Багинети. Сообщ. АН ГрузССР, № 3, 1950, стр. 193.

Гробница, как отмечалось выше, прекрасно сохранилась. Но, как выяснилось еще до начала раскопок, она подверглась разграблению. Грабительский ход (45×60 см) был пробит в восточной части свода. Через пробоину, хотя и прикрытую грабителями крупной плитой, в камеру насыпалось довольно много земли¹. Следовательно, нельзя было рассчитывать на значительные находки, но, сверх ожидания, в гробнице сохранилось много предметов из разнообразного и безусловно некогда богатого инвентаря². Человеческие кости были сильно повреждены и перемешаны. Полуистлевшие остатки костяка, обращенного головой на запад, указывают на ориентировку погребения. Судя по отдельным фрагментам костей, здесь находилось и другое — детское погребение. Около северной стены и в юго-западном углу камеры были обнаружены хорошо сохранившиеся доски с углублениями для шипов. К некоторым из досок бронзовыми гвоздями с плоской шляпкой прикреплены бронзовые же затворы, угольники, фигурные накладки и железные полосы. Все это указывает на наличие богатого погребального ложа, подобного ранее зафиксированным в богатых погребениях Бори, Армазисхеви и Багинети³.

В передней части камеры обнаружено много разнообразной посуды: две тарелки и блюдо синевато-фиолетового стекла, десяток разной формы и размеров стеклянных бальзамариев (рис. 55—2), керамические светильники и покрытые красной краской миски, маленькое серебряное блюдечко, обломки серебряных чаш, осколки толстостенного с рельефным орнаментом хрустального кубка и две морские раковины, повидимому туалетного назначения (рис. 55—3). Здесь же у входа лежали кости крупного животного, вероятно остатки жертвоприношения. По всей камере были разбросаны предметы украшения, среди которых круглая массивная золотая застежка, усыпанная драгоценными камнями и орнаментированная зернью. Найдены сотни мелких золотых бус, изящных подвесок и пуговиц, нашивавшихся на одежду или погребальное покрывало. Привлекает внимание большое количество драгоценных и полудрагоценных камней, а также разноцветных стеклянных вставок, одна из которых представляет собою гемму с изображением дельфина; много разнообразных пастовых, сердоликовых, гагатовых и стеклянных бус. Безусловно исключительного внимания заслуживает найденная у южной стены камеры небольшая полая бронзовая статуэтка, которая насаживалась и прикреплялась штифтом к какому-то предмету. Это поясное изображение нагого юноши с волнистыми волосами и козлиными ушами (рис. 55—1). Приоткрытый рот и положение рук создают впечатление, что юноша поет в сопровождении игры на двойном авлосе⁴. По своим художественным качествам, тонкой моделировке отдельных деталей — волос, лица и особенно рук — статуэтка заслуживает специального исследования, так как является совершенно уникальной в археологии Грузии.

¹ Вероятно, тогда-то и были сброшены с кровли черепицы, найденные в земле на уровне нижнего края крыши.

² Инвентарь гробницы изучается Г. А. Ломтатидзе и будет им опубликован особо.

³ Е. П р и д и к. Новые кавказские клады. МАР, № 34, 1914; Г. Л о м т а т и д з е. Археологические раскопки в древней столице Грузии. 1945, стр. 42 и сл.

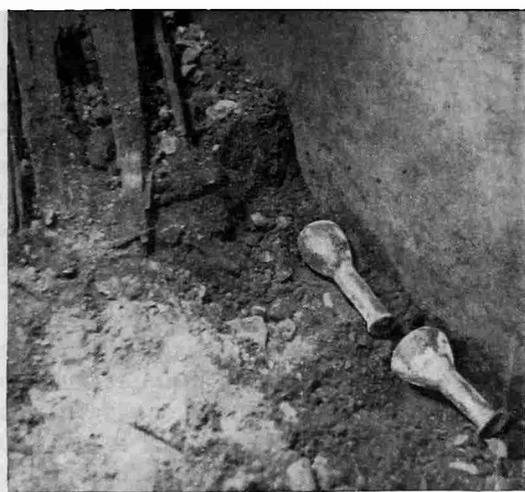
⁴ В Государственном музее Грузии хранится найденная в Сванетии золотая подвеска, изображающая оригинальное здание, перед которым сидят два человека. Один из них играет на двойном авлосе. Особенно интересно то, что авлос — инструмент, происходящий из Передней Азии и связанный с культом Диониса. Кстати, и козлиные уши юноши заставляют предполагать в нем сатира из свиты Диониса.

Перечисленные предметы украшения, создающие картину пышности и великолепия, а также найденные в камере сосуды до мелочей совпадают с инвентарем мцхетских богатых погребений I—III вв. н. э.¹

Еще более определенные указания для уточнения возраста памятника дают рассыпанные в камере в небывалом для мцхетских погребений количестве монеты. Среди них 54 серебряных, девять золотых и

1

2

3

Рис. 55. Гробница у станции Мцхета:

1 — бронзовая статуэтка; 2 — бальзамарии у стены камеры; 3 — миска и морская раковина с монетами.

один золотой кружок, который можно считать заготовкой для монеты. Последнее тем более вероятно, что пять золотых монет из девяти — местной чеканки, известные под названием „колхских статов“². Остальные четыре — ауреусы Тиберия, Нерона, Вителлия и Веспасиана. Большая часть серебряных монет — парфянские драхмы: 47 из них Орода I, по одной монете Артабана II, Синетрука, Фраата III и Фраата IV и три

¹ Г. Ломтатидзе. Археологические раскопки в древней столице Грузии. 1945, стр. 42 и сл.

² Д. Г. Капанадзе. О древнейших золотых монетах Грузии. ВДИ, № 3, 1949, стр. 156 и сл.

денария Августа¹. Из всего этого разнообразия монет позднейшим и, следовательно, уточняющим дату погребения является ауреус Веспасиана, судя по которому погребение нельзя датировать временем ранее 70-х годов I в. н. э.

Таким образом, архитектура гробницы, общий облик инвентаря, наличие ряда черт, более архаичных по сравнению с погребениями армазисхевских эриставов и багинетским саркофагом, а также монетные находки — все это позволяет считать временем сооружения гробницы последнюю четверть I в. н. э.

Новооткрытая гробница, несомненно, входит в круг античных памятников. Ее простые, монументальные и в то же время выразительные формы восходят к образцам эллинистического зодчества, господствовавшего во всех переднеазиатских странах. Однако ряд самобытных черт памятника дает основание квалифицировать его как самобытное произведение местной школы. Решение фасада здесь совершенно оригинально и не имеет аналогии в античной архитектуре. Главный фасад заканчивается щипцом, а не фронтоном. Сводчатое покрытие² камеры сочетается с двускатной кровлей. Все это характерно для архитектуры Грузии феодальной эпохи. То же самое можно сказать о форме карниза и посадке основания щипца ниже шельги свода³. В кладке стен нет регулярности и строгой системы, обычной для классической архитектуры. Мастер здесь хотя и соблюдает симметрию в рисунке кладки, но, по обычаю грузинского зодчества, смело нарушает горизонтальность рядов. В гробнице отсутствует ряд черт, присущих римским и боспорским памятникам. Например, нет здесь отделяющего стены от свода „венчающего карниза, столь характерного для склепов римского времени“⁴.

Все отмеченные архитектурно-конструктивные приемы, считавшиеся до последнего времени характерными лишь для эпохи феодализма, определенно указывают на творческую роль местных мастеров уже в эллинистическую эпоху. Мцхетская гробница свидетельствует о местной культурной традиции, глубоких народных корнях грузинского искусства. В связи с этим уместно вспомнить приобретающие жизненность слова Страбона о зданиях, построенных согласно правилам архитектурного искусства, и черепичных кровлях в Иберии⁵. Естественно, что в этих словах не может быть и речи о „правилах“ римской архитектуры, влияние которой ко времени Страбона не могло еще сказаться в Иберии⁶.

Открытая нами гробница дает типичную картину погребения влиятельного и выдающегося по своему положению жителя Мцхеты, представителя правящей знати Иберии. Это подтверждает и монументальное дорожное надгробное сооружение, и необычайно роскошный инвентарь, в который входили великолепное погребальное ложе, разнообразная посуда, драгоценное, покрытое золотыми пуговицами и подвесками

¹ Монеты определены Д. Г. Капанадзе.

² Свод открытой нами гробницы пока что древнейший среди обнаруженных в Грузии.

³ Такое решение привлекает внимание и в синхроничном, высеченном в скалах помещении в Уплисцихе (близ г. Гори), где основание фронтона лежит на грани свода и плоскости стены. См. Ш. А. Амиранашвили. История грузинского искусства, т. I. 1950, стр. 88.

⁴ М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. 1914, стр. 274.

⁵ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, № 4, 1947, стр. 217.

⁶ И. А. Джавахишвили. Термины искусств и главные сведения о памятниках искусств и материальной культуры в древнегрузинской литературе. Христианский Восток, т. III, 1914, стр. 24.

покрывало, искусные ювелирные предметы украшения, монеты, статуэтки и т. д. Погребение дает исключительно характерный материал для оценки экономического благосостояния Иберии I в. н. э. и царивших там художественных вкусов.

Судя по составу инвентаря (предметы туалета, отсутствие оружия), погребение — женское, аналогичное погребениям жен и дочерей питахшей в Армазисхеви и дочери царя в Багинети¹. Этим, видимо, объясняется и наличие в погребении детского костяка. Гробница позволяет с достаточной точностью установить и обряд погребения. Сооружение на видном и возвышенном месте гробницы, которая, надо полагать,

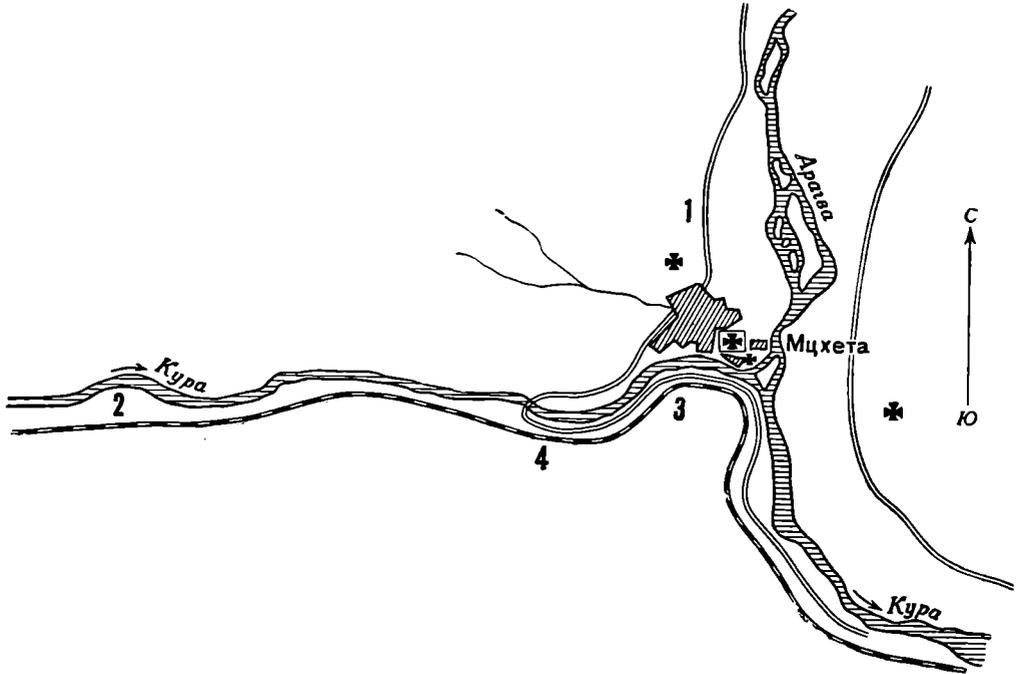

Рис. 56. Схематический план расположения археологических памятников близ Мцхеты:

1 — Самтаврский могильник; 2 — могильник питахшей Армазисхеви; 3 — Багинетский могильник; 4 — Новооткрытый могильник.

имитирует формы храмовой архитектуры; специальная ограда вокруг нее и обширный двор для соблюдения ритуала; заклание и захоронение коня в ограде, указывающее на то, что этот распространенный у знати в эллинистическое время обычай² бытует и позже³; погребальное ложе, богатство и состав инвентаря и, наконец, кости жертвенного животного — все это дает ценный и отчасти новый материал для суждения о воззрениях древних иберов на загробную жизнь и изучения погребального ритуала, отличавшегося от засвидетельствованного в последующих веках.

¹ По предположению А. М. Апакидзе. См. его „Мцхета в свете археологических открытий“. Доклад в Музее Грузии, 1950.

² В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. 1949, стр. 372; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 34—41, табл. 12 и стр. 47; Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад. 1934.

³ Не лишен интереса и отмеченный Г. Ломтатидзе пережиточно сохранившийся в горной Грузии обычай загонять коня при похоронах. См. Г. А. Ломтатидзе и И. Н. Цицишвили. Новооткрытый склеп во Мцхета. Сообщ. АН ГрузССР, № 10, 1951, стр. 647.

На участке, где раскопана гробница, по всем данным имеется некрополь. По сведениям Г. А. Ломтатидзе¹, на этом участке погребальные сооружения с небогатым инвентарем I—III вв. н. э. обнаруживались и раньше: в 1937 г. — кирпичные и каменные ящики, а в 1943 г. — черепичные ящики недалеко от новооткрытой гробницы. Следовательно, в могильнике наряду с богатыми погребениями имелись и рядовые погребения, аналогично с армазисхевским некрополем питиахшей. Сравнивая мцхетскую гробницу с синхронными погребениями знатных лиц в Армазисхеви и Багинети, мы должны констатировать здесь более монументальное и торжественное сооружение. Остатки аналогичного сооружения, квалифицированного нами как царский мавзолей², находятся на территории мцхетского кремля — резиденции царей Иберии. Мавзолей отличается более совершенными формами и тщательностью отделки. После открытия новой гробницы мы имеем в правобережной Мцхете уже три обособленных пункта с богатыми погребениями I—III вв. н. э. (рис. 56). Исходя из этих соображений, новый могильник, вероятно, нельзя считать царским. Надо полагать, что здесь имеется некрополь правящей знати, в которой можно было бы видеть питиахшей более высокого ранга (великих питиахшей) или двороуправителей, известных нам по Армазской билингве³.

Значение мцхетского памятника трудно переоценить, так как он не только восполняет очень существенный пробел в истории грузинского зодчества: архитектура гробницы, погребальный инвентарь и монеты прекрасно иллюстрируют культуру и быт в I в. н. э., обогащают наши знания о культурных и торговых связях Иберии с эллинистическим миром, Римом и Парфией на фоне интенсивной и самобытной жизни страны.

¹ Г. А. Ломтатидзе и И. Н. Цицишвили. Новооткрытый склеп во Мцхета. Сообщ. АН ГрузССР, № 10, 1951, стр. 641.

² И. Н. Цицишвили. Гробница античного времени в Багинети. Сообщ. АН ГрузССР, № 3, 1950, стр. 193.

³ Г. В. Церетели. Армазская билингва. Тбилиси, 1941, стр. 47 и сл.

Р. М. ВАЙДОВ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ГОРОДИЩЕ СУДАГЫЛАН

(Мингечаур)

В апреле 1952 г. исполнилось шесть лет, как Музей истории АН Азербайджанской ССР начал проводить планомерные археологические работы на территории строительства мощной Мингечаурской гидроэлектростанции¹. Работы еще не закончены. В 1948 г. на основании материалов, добытых в первый период раскопок, о Мингечауре говорили как о месте, на котором отложилось восемь культурных слоев, охватывающих период от эпохи поздней бронзы до раннего средневековья. После дополнительных исследований число слоев увеличилось до 14, а хронологические рамки их отодвинулись к энеолиту, с одной стороны, и позднему средневековью — с другой.

Ценность Мингечаура заключается прежде всего в том, что здесь, на небольшой территории, открыто много разновременных памятников, по которым хорошо прослеживается единая линия развития материальной культуры с древнейших времен до наших дней.

Несмотря на то, что территория Мингечаура насыщена многочисленными памятниками материальной культуры, в письменных источниках, кроме турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби, о существовании такого важного в стратегическом и экономическом отношении населенного пункта никто не упоминает. Эвлия Челеби в своих воспоминаниях пишет о селе Мингечаур как о большом населенном пункте с мечетями, банями и шелкоткацкими мастерскими².

В Мингечауре в основном две группы памятников: могильные поля с разновременными и разнотипными захоронениями и места поселений, хранящие остатки культовых, бытовых и производственных сооружений.

За истекший период раскопок обнаружено четыре разновременных населенных пункта: два на правом берегу Куры, из них один датируется временем с конца II до конца I тысячелетия до н. э., другой, о котором и упоминает Эвлия Челеби — позднего средневековья; два других населенных пункта, на левом берегу, существовали почти одновременно. Из них один, известный у местных жителей под названием Судагылан, находился при выходе р. Куры из ущелья Боз-даг, другой — на небольшом холме при входе Куры в ущелье Боз-даг.

Городище Судагылан расположено на всхолмленной местности прибрежной полосы. Начинаясь у подошвы горного массива, оно тянулось

¹ В работе экспедиция принимают участие научные сотрудники музея Г. И. Ионе, К. М. Асланов, В. П. Фоменко, Р. М. Вайдов и др. под руководством кандидата исторических наук С. М. Казиева.

² Э в л и я Ч е л е б и. Путешествия, т. II, Стамбул, 1314 (хиджры), стр. 287.

с востока на запад (250—300 м) и с севера на юг (500 м), занимая площадь приблизительно в 14 гектаров.

С северной стороны Судагылан примыкает к небольшому крутому оврагу, по всей вероятности образованному в средние века размывами дождевых потоков; с восточной стороны городище ограничивается одним

из отрогов хребта Боздага, называемого Карадагом, с южной стороны граничит с равниной, а с западной омывается Курой (рис. 57).

Не останавливаясь подробно на преимуществах географического положения и стратегических условиях местности, все же следует отметить главное: в 5 км от Судагылана к северу, вверх по течению Куры, начинается Самухский лес, богатый плодовыми деревьями и деревьями твердых пород: карагач (*Ulmus Suberosa* Moench.), саккызагач (*Pistacia mutica* F. et M.), арчан (*Juniperus oblonga* MB) и др., представляющими прекрасный строительный материал. С юга и запада вблизи Мингечаура находятся небольшие озера (ахмазы), в которых круглый год возможен лов различных речных и озерных рыб. Здесь же начинаются прекрасные горные и степные пастбищные луга.

Даже из этого краткого перечисления некоторых природных богатств Мингечаура становится очевидным, что местность была благоприятна для заселения и обитания человека.

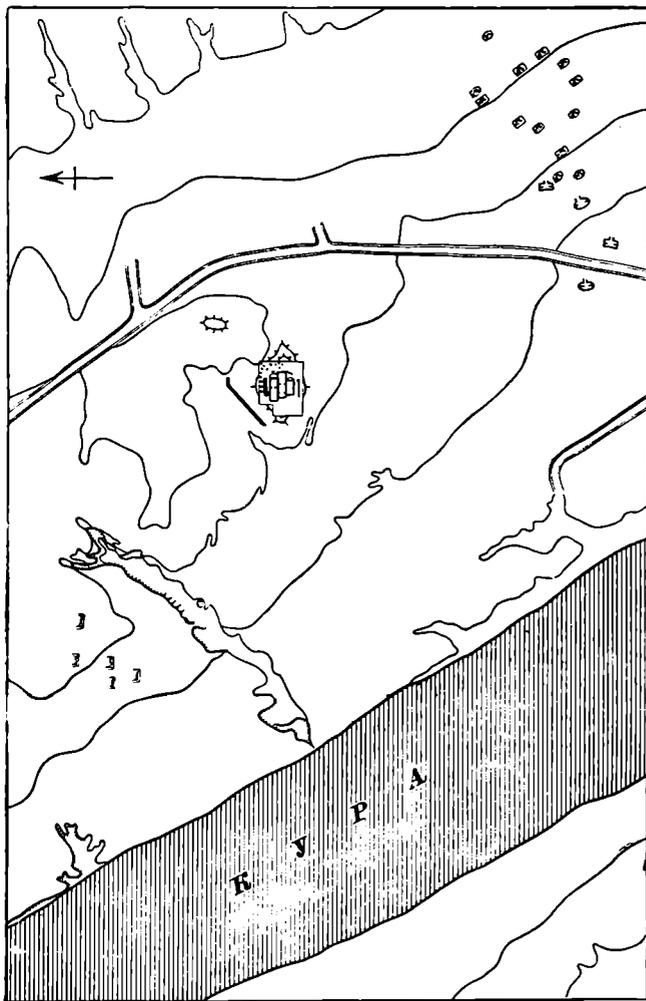

Рис. 57. Схематическая карта городища Судагылан:

На северо-западной окраине городища обозначено могильное поле со срубными погребениями, а на юго-восточной — керамические обжигательные печи и могильное поле с кувшинными и грунтовыми захоронениями. В центре показаны храмовые постройки и части стены цитадели.

Раскопочные работы на Судагылане еще не завершены, однако ими уже почти полностью охвачена и разведана вся территория городища. Рекогносцировочные работы дали материал, достаточный для характеристики стратиграфии пластов и установления планировки.

На территории Судагыланского городища в настоящее время выявлено четыре культурных слоя, краткую характеристику которых мы даем в последовательности их исторического отложения, т. е. снизу вверх, от наиболее древних напластований к поздним.

Почти в центре городища была цитадель, представляющая комплекс

построек, примыкавших к храмовым сооружениям. Укрепления цитадели составляли массивные сырцовые стены шириной более 3,5 м. Часть одной из стен вскрыта на длину 72 м.

Первый культурный слой обнаруживается местами почти на дневной поверхности; на некоторых участках он опускается на глубину до 3 м от современного уровня, а на большей части территории залегает на глубине 1,5—2 м.

В этом слое нет никаких остатков наземных сооружений, но хорошо и отчетливо прослеживаются глинобитные площадки, по всем данным

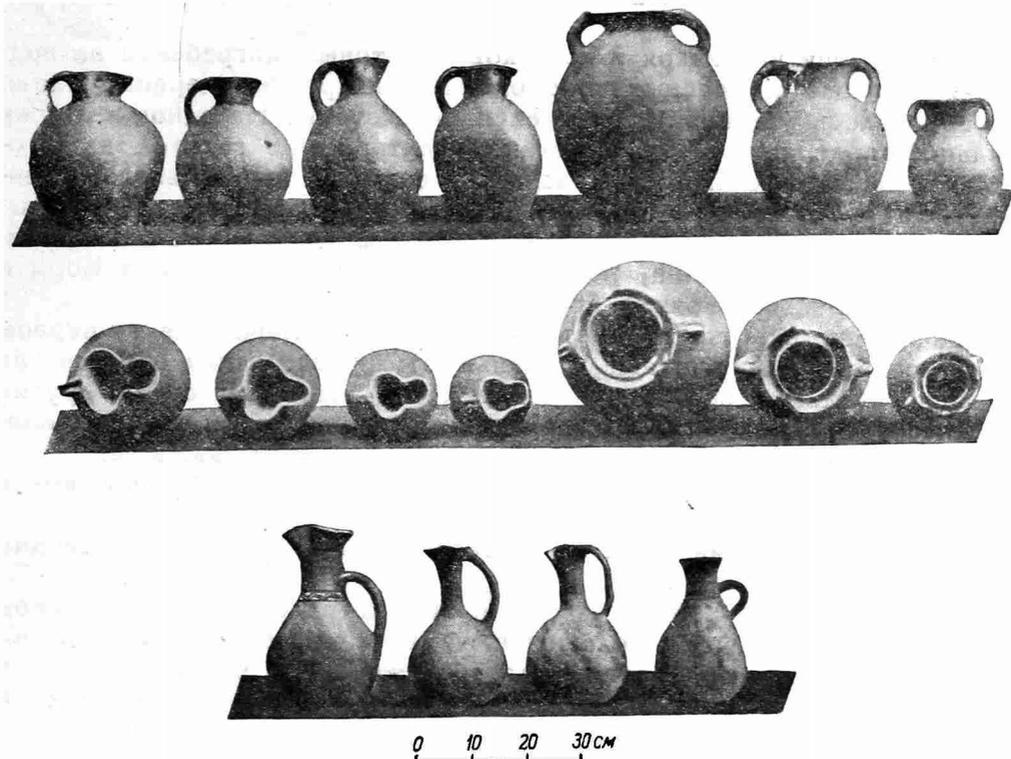

Рис. 58. Керамические изделия первого слоя.

представляющие полы жилищ легкого типа, возможно полуземлянок, подобных дожившим до XX в., которые сооружаются в грунтовых котлованах; срезы котлованов закрепляются глинобитом. На площадках встречены углубления и следы очагов.

Вокруг жилищ почти всегда расположено много грунтовых ям, без сомнения являвшихся в свое время хранилищами запасов зерна и других продуктов. На днищах ям иногда встречаются истлевшие остатки зерновых культур (пшеницы, проса, ячменя), а в некоторых ямах — кухонные остатки (кости домашних и диких животных, рыб), а также фрагменты гончарных изделий.

Среди керамических изделий преобладает бытовая посуда: хозяйственные кувшины (кюпы) небольшого и среднего размера, чаши, миски, кувшины и т. д. Сосуды изготовлены из хорошей керамической массы и имеют полноценный обжиг красного цвета. Часть сосудов снабжена ручками, круглыми в сечении. Венчики имеют форму трилистника. Попадаются также кувшины с двумя ручками и желобообразным венчиком, приспособленным под крышку. Такие сосуды встречаются и в следующих слоях (рис. 58).

Идентичные глиняные изделия чаще всего обнаруживаются на левом берегу в поздних кувшинных погребениях, в инвентаре погребений в срубках и катакомбных захоронениях с костяками, уложенными на подстилках.

На основании монет в составе погребального инвентаря (монеты аршакидской чеканки, а также римские императорские серебряные драхмы II—III вв. н. э.) группа названных погребений датируется I—III вв. н. э.¹

Могильные поля, содержащие эти погребения, расположены с северо-западной и с юго-восточной стороны городища, примерно на расстоянии 250 м.

В размещении инвентаря и костяков грунтовых погребений на подстилках, а также и срубных захоронений, синхронных первому слою, пока не удалось установить определенной системы. На одном и том же могильном поле некоторые костяки ориентированы головой на юго-восток, а некоторые на северо-запад. В составе погребального инвентаря, кроме керамики и монет, встречаются изделия из стекла — бокалы, флакончики, „слезницы“, сосуды в виде мелких кувшинчиков с ручками, предметы украшений, печати, перстни, бусы различных форм и размеров, серьги, серебряные браслеты и т. д. (рис. 59).

Перечисленные выше предметы очень часто встречаются и в первом слое на территории городища и вблизи от жилища. Таким образом, на основании анализа керамики и монет и по аналогиям среди других находок бесспорно устанавливаются единство культуры и единая хронология городища и могильного поля, датируемого I—III вв. н. э.

Второй культурный слой характеризуется находками, относящимися к IV—VII вв. включительно.

Этот период истории азербайджанского народа заполнен большими политическими событиями.

По письменным данным известно, что с падением аршакидской династии господствующее положение на востоке перешло к династии Сасанидов. Территория северного Азербайджана, как и вся территория Закавказья и Переднего Востока, превратилась в арену ожесточенной борьбы двух сильнейших претендентов на политическое господство на Востоке — Византии и сасанидского Ирана. Борьба шла не только из-за политического, но и экономического господства; она развернулась в форме различных религиозных течений. Византия, стремясь расширить свои владения, распространяла христианство, сасаниды — зороастризм.

На территории Азербайджана не раз происходили столкновения между военными силами сасанидов и Византией. Этот же период совпадает и со стремлением различных кочевых племен севера проникнуть на территорию Азербайджана и к богатым городам сасанидского Ирана.

Крупные военные столкновения болезненно отразились на хозяйственной деятельности и культуре Албании (Азербайджан). Эти события нашли отражение и в материальной культуре, в частности в археологических памятниках Мингечаура. Примером может служить второй слой городища Судагылан.

Этот слой характеризуется остатками бытовых построек. На раскопанных участках пока не удалось выявить полного жилого комплекса, здесь вскрыты небольшие части фундаментов стен, носящие следы огня и разрушения. Устанавливается, что жилища представляли собой прямоугольные постройки небольших размеров, возведенные из сырцового

¹ Е. А. Пахомов. Монеты Мингечаура. Материальная культура Азербайджана, в. II, стр. 141—166.

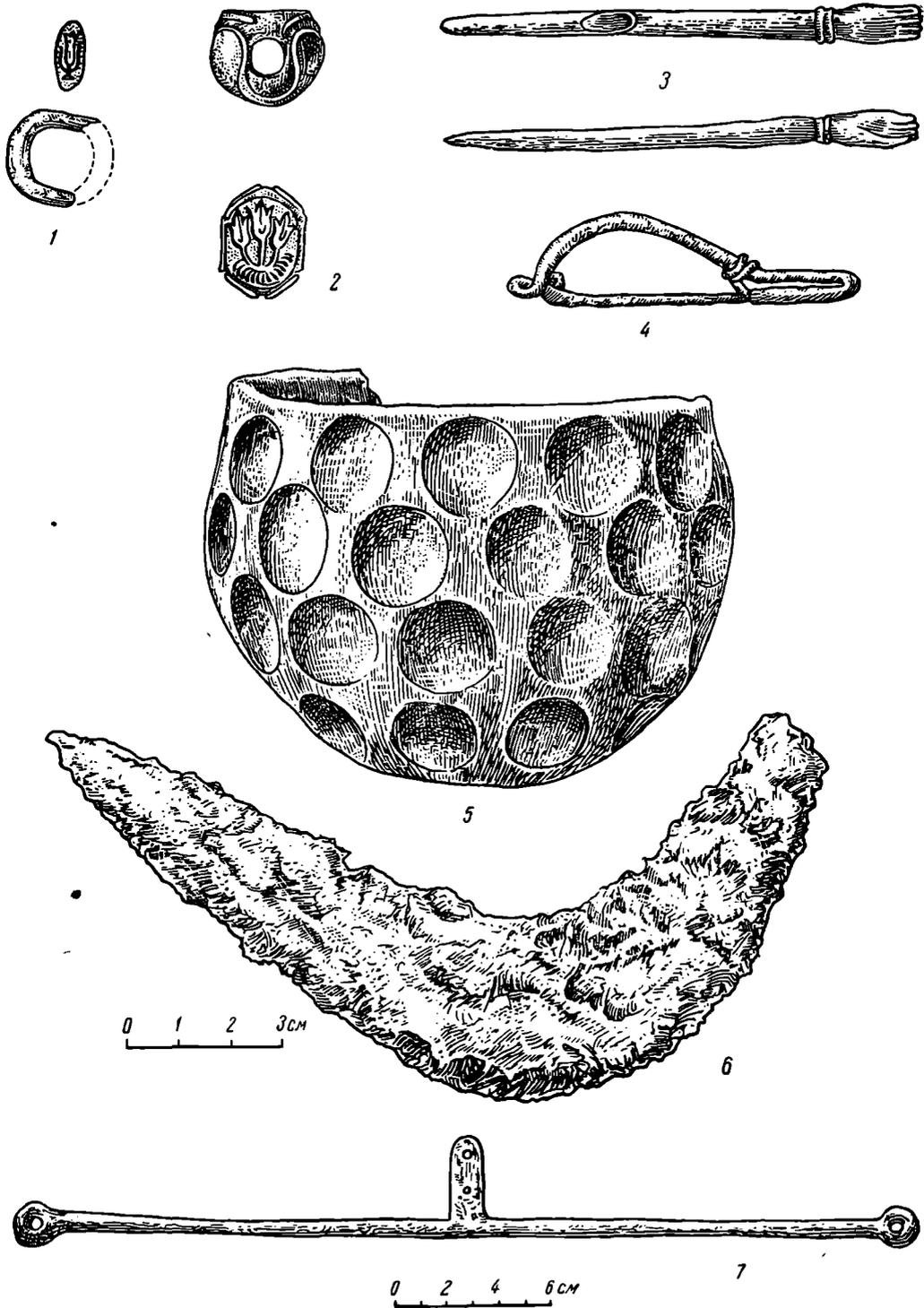

Рис. 59. Вещи, обнаруженные в погребениях и в нижних слоях городища:

1 — каменный перстень-печатка; 2 — печатка; 3 — костяные проколки; 4 — железная фибула; 5 — стеклянная чашка; 6 — железный серповидный нож; 7 — коромысло весов.

кирпича или глинобита. Внутри жилых сооружений, состоящих из двух-трех комнат, выявляются очажные ямы, тендиры; найдены различные хозяйственные предметы.

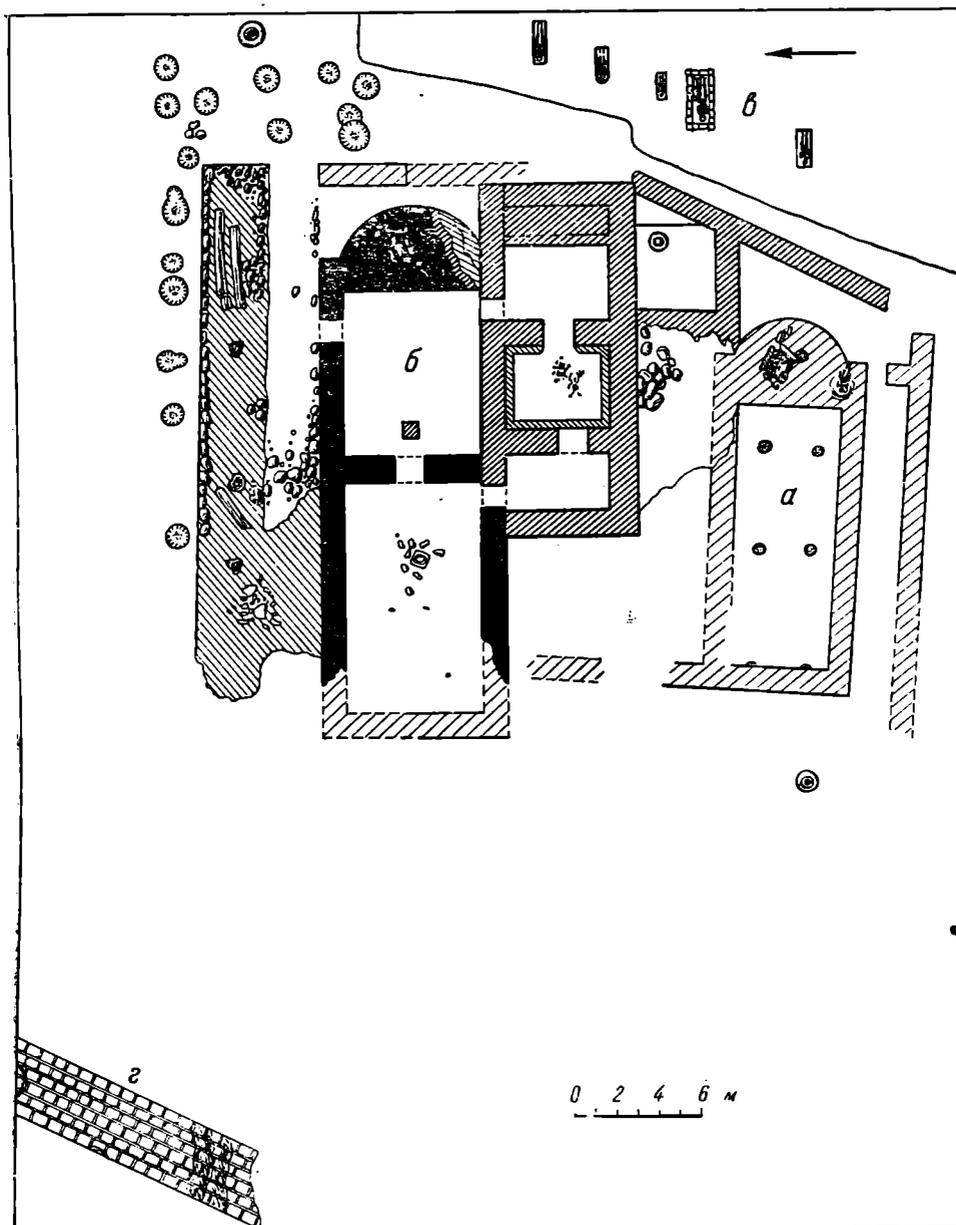

Рис. 60. Городище Судагылан. Ситуационный план раскопа № 12:
а — остатки храма VI в. (второй слой); *б* — остатки храма VIII—IX вв. (третий слой);
а — христианские грунтовые погребения; *z* — часть стены цитадели.

Наиболее интересным памятником из второго слоя следует считать обнаруженные в 1951 г. остатки культового сооружения, по всем данным, одноабсидного трехнефного храма христианского типа (рис. 60—*а*). Судя по сохранившимся частям фундамента, можно сказать, что в плане сооружение состояло из одного вытянутого зала площадью около 50 м²,

окруженного с южной и северной сторон узким коридором, завершающимся с восточной стороны абсидой почти правильного циркульного очертания, радиусом около 2,5 м. Абсида представляла собой алтарную часть; она возвышалась над полом зала примерно на 0,8 м.

Нам не удалось установить форму и тип верхнего перекрытия храма, но можно предполагать, что перекрытие покоилось на трех парных деревянных колоннах, от которых внутри центрального зала сохранились следы основания и забутовка.

Еще в начальный период раскопочных работ на месте абсиды храма, в верхних слоях над ним, было найдено несколько хорошо обработанных при помощи тески целых и фрагментированных каменных плит из белого известняка размером до 0,5 м². Плиты лежали грудой, представляя как бы разрушенную кладку.

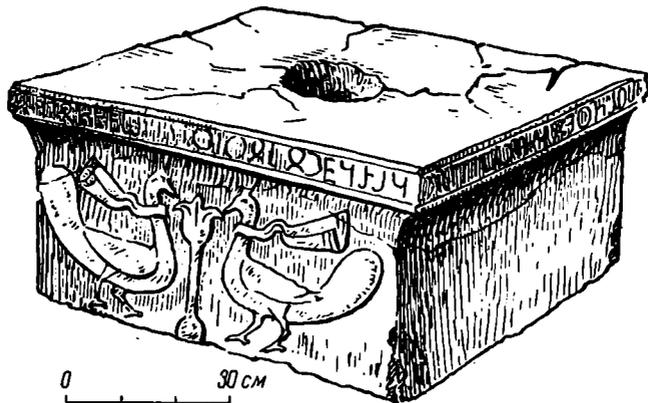

Рис. 61. Каменная плита с албанской надписью.

Одна из этих плит с надписью и изображением является исключительно ценным памятником (рис. 61). По форме она представляет четырехгранную призму с карнизом, опоясывающим верхний срез плиты; по карнизу прочерчена надпись. Через верхнюю и нижнюю плоскости идет сквозное отверстие, пробитое почти в середине плиты.

На одной из боковых сторон камня изображены два павлина, обращенные друг к другу. Их шеи обвиты развевающимися лентами, обычным символом власти Сасанидов. Между павлинами помещено стилизованное древо жизни.

О назначении этого памятника, найденного вне комплекса находок верхнего, третьего, слоя трудно было сказать что-нибудь определенное. В настоящее время, когда точно установлено и определено местонахождение плиты, совпадающее почти с центром абсиды храма, напрашивается вывод, что группа камней на участке абсиды и плита с надписью представляли собой каменный престол, обычно устраиваемый в центре алтаря. Престол, судя по размерам найденного здесь камня, возвышался примерно до 2 м. Верхняя часть его завершалась тесаной плитой с надписью, а в отверстие вероятнее всего устанавливался деревянный крест.

Датировку храмового сооружения можно установить на основании албанской надписи, имеющейся на карнизе описываемого камня (как известно, албанская письменность принята в начале V в. н. э.), а также по наличию в слое монет конца V—начала VII в. Вероятнее всего, храм относится к VI в.

На территории Судагылана, вблизи храма, был обнаружен ряд фрагментов с албанскими надписями, нанесенными на различных глиняных изделиях, в том числе на фрагментах сосудов и глиняных подсвечниках. При сличении надписей на фрагментах и на камне отмечается разница в начертании знаков. Это различие объясняется только стилем. Надписи на фрагментах, повидимому, представляют собой нечто подобное скорописи, а на камне — уставу¹.

Албанские надписи пока еще не прочитаны.

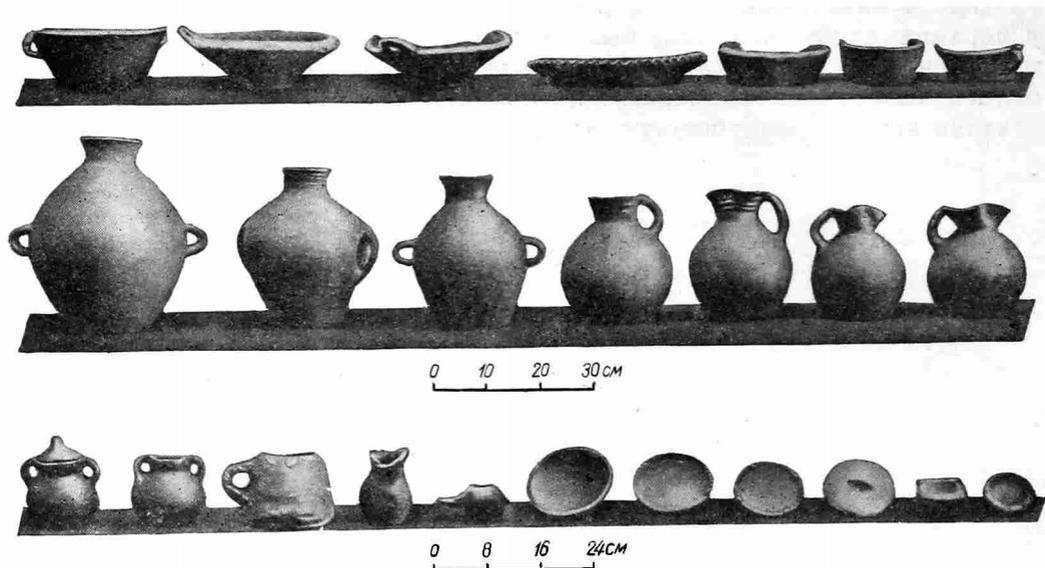

Рис. 62. Керамические изделия из второго и третьего слоев.

Керамические изделия из второго слоя по форме и типу очень однообразны. Вся гончарная посуда грубой ручной лепки и, хотя она сделана из хорошей керамической массы, нет ни одного сосуда законченной изящной формы. У большей части сосудов перекошенные, асимметричные корпуса (рис. 62). Поверхности стенок не отглажены, черепки толстые и грубые. Узоры на некоторых из них очень примитивны. Это простое сочетание прямых и волнообразных линий.

Отличительная черта гончарных изделий — наличие большого числа самых различных значков и меток (рис. 63). Только около одной печи № 6 в отвалах производственного брака встречено более 60 совершенно отличных друг от друга меток и значков на ручках и венчиках горловин почти одного и того же типа сосудов².

На основании этого очень характерного факта можно высказать предположение, что наличие на керамических изделиях самых различных и примитивных значков служит доказательством того, что посуда изготовлялась не квалифицированными мастерами, а самими жителями, не знавшими гончарного мастерства, вынужденными обстоятельствами заниматься им.

¹ Т. И. Голубкина. Еще одна албанская надпись из Мингечаура. Доклады АН АзербССР, № 6, 1949; Р. М. Вайдов. Фрагмент глиняного подсвечника с албанской надписью. Там же, № 2, 1951.

² Г. И. Ионе. Керамические печи из древнего Мингечаура. Диссертация.

Нет необходимости говорить о том, что все лучшие мастера в период господства Сасанидов насильно вывозились из провинций в центр сасанидских владений.

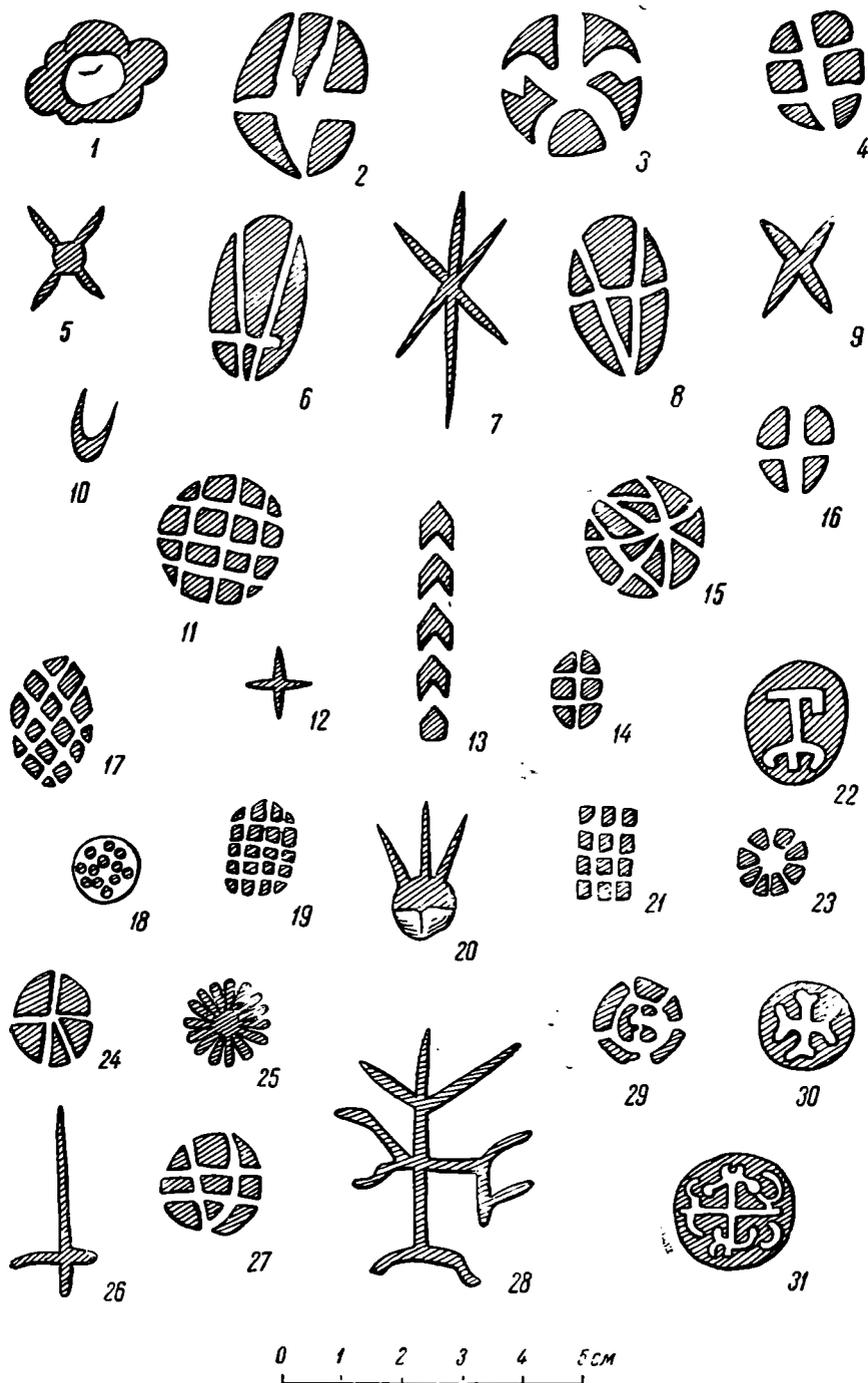

Рис. 63. Знаки и метки на керамических изделиях.

Датировка описываемого слоя подтверждается, как указывалось выше, сасанидскими монетами, которые были найдены недалеко от храма. В числе их находятся монеты Кавада I (487—497, 499—531),

Хосроя I (531—579), Хормузда IV (579—590), Хосроя II (590—628) и др.¹

Такова общая характеристика второго слоя Судагыланского городища.

Третий культурный слой перекрывает по всей площади два предшествующих по времени слоя. Он характеризуется остатками многих сооружений, в том числе жилых помещений. Стены построек, шириной 1—1,5 м, возводились из сырцовых блоков различных размеров (40 × 40 × 10 см; 30 × 30 × 9 см; 45 × 45 × 12 см). Стены некоторых построек возводились на твердой основе — гравийной подстилке, слое черепицы или на кладке из бутового камня.

Наиболее интересными и привлекающими особое внимание являются опять-таки остатки культового сооружения — храма христианского типа позднего времени, возведенного из сырцового кирпича (рис. 60—б). Храм состоял из четырех помещений и притвора с западной стороны алтарного помещения. При расчистке внутри их найдено много металлических крестов из железа и бронзы различных форм и размеров. На некоторых из них в центре пересечения крестовины имеются вставки из стекла и цветных камней. Здесь же было обнаружено бронзовое кадило и фрагмент барельефного изображения всадника. Кроме того, были найдены обломки различных архитектурных деталей и декоративных украшений: наличники окон и дверей, резной штук, фрагменты с фресками цветной стеной росписи, много обломков изделий из стекла, глиняные подсвечники и т. д.²

Ценными находками можно считать и различные строительные материалы, в том числе черепицу разных форм и размеров, которой были перекрыты верхние своды храма (рис. 64—1-4).

Датировка храма устанавливается на основании монетного клада, обнаруженного в глиняном кувшинчике на одной стене сооружения. Клад состоит из монет арабской чеканки VIII—IX вв.³ Повидимому, он попал в помещение в момент полного разрушения храма, по всем данным погибшего от огня. Следы пожара хорошо просматриваются на прокаленной штукатурке стен и на обожженных глиняных полах. Встречены остатки обгоревших и обвалившихся деревянных перекрытий окон и дверных проемов и балок верхнего крепления.

Комплекс храмового сооружения дополняется небольшим могильным полем, примыкающим к нему с восточной и юго-восточной сторон.

Погребения, открытые у храма, представляют собой грунтовые захоронения по христианскому обряду без инвентаря. Руки у некоторых погребенных сложены крестом на груди, у других приподняты к плечам.

Нужно заметить, что подобные погребения были обнаружены и в верхних слоях, лежащих над храмом, относящихся к VI—VII вв.

Керамика третьего слоя по форме тождественна керамике второго. Она отличается только лучшим качеством изготовления. В числе гончарных изделий встречены узкодонные кюпы яйцевидной формы; некоторые из них помечены крестами, прочерченными по сырой глине или наклепанными.

Другой распространенный тип посуды — кувшины средних размеров с двумя вертикальными ручками, прикрепленными к бокам сосудов.

¹ Е. А. Пахомов. Монеты Мингечаура. Матер. культура Азербайджана, в. II, стр. 141—166.

² Р. М. Ваидов, В. П. Фоменко. Средневековый храм в Мингечауре. Матер. культура Азербайджана, в. II, стр. 80—102.

³ Е. А. Пахомов. Монеты Мингечаура. Матер. культура Азербайджана, в. II, стр. 141—166.

Под ручками на стенке кувшина делались небольшие вмятины, приспособленные для защиты ручек от излома и более устойчивого обхвата их.

Не менее распространены кувшины средних размеров с двумя ручками, идущими от венчиков и упирающимися в бока сосуда в местах наибольшего его диаметра. Сосуды этого типа обыкновенно бывают широкодонными и обязательно с развернутым желобообразным венчиком. Очень много встречается небольших узкогорлых графинообразных кувшинов с одной ручкой, круглой в сечении, и, наконец, найдены кувшины

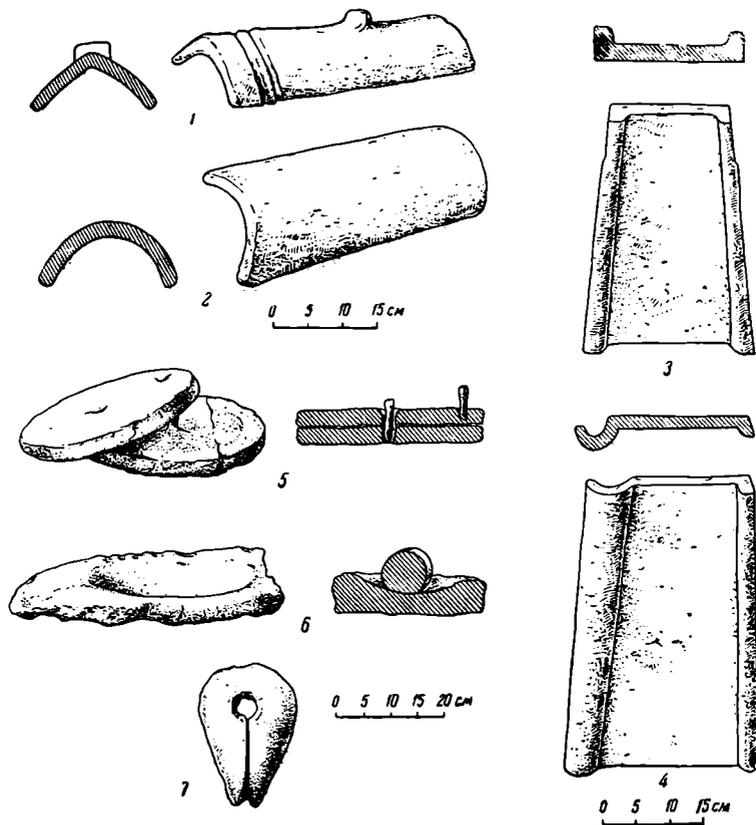

Рис. 64. Глиняные и каменные изделия Судагылана:

1—4 — образцы черепицы; 5 — жернова; 6 — зернотека; 7 — каменное грузило.

малых и средних размеров с широким туловом, ручкой круглого сечения и вертикальной оси и горловиной в форме трилистника (рис. 62).

Комплекс инвентаря третьего слоя можно датировать концом VII—IX вв., т. е. временем проникновения на восток и, в частности, на территорию Азербайджана арабов, причинивших большой вред азербайджанской культуре.

Во всех трех культурных слоях встречаются жернова и каменные зернотерки двух видов. Одни из них представляют собой вытянутый овальный камень с более или менее глубокой выемкой на рабочей поверхности, другие имеют форму круглого или удлиненного диска без выемки (рис. 64—5-6). Зернотерки обоих типов изготовлены из различных твердых пород камня. Жернова сделаны из плоских плит плотного известняка; в центре — сквозные отверстия для оси. Нижний диск крепится на оси наглухо, а верхний вращается на ней. В верхнем диске есть еще одно отверстие, куда вставляется деревянная ручка, при помощи которой диск вращается.

Такой тип жерновов и до последних десятилетий бытовал в отдаленных районах Азербайджана.

Среди находок много каменных грузил для рыболовных снастей (рис. 64—7) и глиняных прясел.

Четвертый, самый верхний слой разрушен больше, чем остальные. Он разрушался дождевыми потоками, выветриванием и под влиянием других природных явлений. Строительных остатков в нем почти нет. В большом количестве найдены фрагменты штампованной и глазурированной керамики, датируемой X—XII вв. н. э. Они встречались на дневной поверхности и в толще культурного напластования.

Типы различных керамических изделий очень близки к разновидностям керамики из Старой Ганджи¹, Баку², Орен-Калы и других средневековых слоев в городах Азербайджана.

В верхнем слое обнаружены монеты чеканки различных средневековых городов Азербайджана XII—XIII вв.³ Это позволяет говорить о том, что Мингечаур в этот период входил в орбиту связей средневековых городов Азербайджана и находился в общении даже с отдаленными пунктами, какими можно считать Баку и Орен-Калу:

Нет сомнения, что эти связи имели большое экономическое и культурное значение для населения средневекового Мингечаура.

Касаясь вопроса производства керамических изделий (глазурированной и штампованной керамики), следует сказать, что они изготовлялись и в самом Мингечауре. Об этом свидетельствует открытие на северо-западной окраине Судагылана нескольких круглых гончарных горнов небольшого размера, в которых, судя по материалам раскопок, производился обжиг штампованной и глазурированной керамики⁴.

На основании анализа керамики и изредка встречающихся монет четвертый культурный слой датируется нами периодом X—XIII вв. включительно.

В настоящее время очень трудно говорить о значении и мощи городища Судагылан, но по всем данным оно занимало немалое место среди средневековых городов Азербайджана. Об этом можно судить хотя бы по тому, что Мингечаур до конца XIX и начала XX в. стоял у одной из главных переправ и скрещивающихся на его территории дорог, связывающих юг с севером и восток с западом Закавказья.

После XII—XIII вв. на Судагыланском городище каких-либо памятников, свидетельствующих о последующих этапах развития жизни на нем и его культуры, нет. Это объясняется опять-таки историческими фактами. В XIII в. в Азербайджан проникли монгольские орды, разрушившие многие населенные пункты страны. Можно предполагать, что и Судагыланское городище погибло в это время. Однако жизнь в Мингечауре не замерла, она была только перенесена в другой район — на правый берег Куры. На этом берегу, примерно на 2—2,5 км южнее Судагыланского городища, находился большой населенный пункт.

Суммируя приведенные факты, до некоторой степени характеризующие городище в Судагылане, следует сделать некоторые выводы.

¹ И. М. Джафарзаде. Историко-археологический очерк старой Ганджи. Баку, 1949.

² В. Н. Левиатов. О типах глазурированной керамики Азербайджана в VIII—XV вв.

³ Е. А. Пахомов. Указ. соч., стр. 141—166.

⁴ Г. И. Ионе. Указ. соч., стр. 31—79.

1. Судагыланское городище возникло на левом берегу Куры на рубеже нашей эры и просуществовало до XIII в. н. э.

2. Основным занятием населения было земледелие, а скотоводство — подсобным.

3. Разделение труда в Азербайджане того времени вполне отвечало уровню развития феодальных поселений городского типа.

4. Исторические события в Азербайджане за весь многовековой период существования Судагылана отражались и на этом населенном пункте. Они выражались иногда во временном замедлении темпа жизни, что прослеживается на памятниках материальной культуры. Но ни разрушения, причиняемые военными ордами, ни гнет ранних феодальных властителей не прекратили жизни этого населенного пункта.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

БУДДИЙСКАЯ КУМИРНЯ В МЕРВЕ

(Из работ архитектурного отряда ЮТАКЭ)

Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией 1950 г. под общим руководством М. Е. Массона проводились работы по изучению всех городищ старого Мерва. Установлен ряд совершенно новых данных к истории этого едва ли не древнейшего на территории СССР города и выявлены интереснейшие археологические объекты. В числе их — оригинальное здание, расположенное в 60 м к югу от стены так называемого южного обвода Султан-калы. Руины здания представляли собой до производства раскопок бесформенный холм у старой дороги, ведущей к обширной пробоине в городской стене, появившейся, повидимому, во время разгрома Мерва монгольскими войсками в 1221—1222 гг.

Раскопки установили¹, что здание было воздвигнуто на развалинах стоявшего здесь некогда строения XI—XII вв., остатки которого выровнены на высоту до 1,5 м в виде платформы. Сверху была надложена сплошная сырцовая площадка высотой 0,65 м и на ней выведены мощные стены толщиной 1,6 м. Стены по контурам правильной кладки из сырцового кирпича (размеры его 32 × 32 × 5 см), внутри забутованной обломками сырцовых кирпичей, залитых глиняным раствором. Стены сохранились над уровнем пола на высоту не более 0,8 м; местами они совершенно сходят на-нет.

Стратиграфическая картина завала крайне нечетка. Пространство внутри и особенно вне стен забито кусками кирпича, битой черепицы, разломанных облицовочных плит, штукатурки со следами живописи; встречаются отдельные фрагменты керамики XIII—XIV вв. Налицо красноречивая картина преднамеренного и беспощадного разрушения постройки. В силу этого контуры плана восстановлены с большим трудом. Здание в плане было почти квадратным (со стороной около 11 м) и состояло из двух помещений — прямоугольного (длиной 4,9 м) и коридорообразного (1,4 м). Ориентация — почти по странам света, вход обращен на север. Полутораметровая платформа позволяет предположить наличие крутой лестницы, остатком которой, видимо, является пандусообразный скат холма с северной и западной сторон.

Вскрытые при раскопках фрагменты архитектурного убранства постройки представляют чрезвычайный интерес. Самую многочисленную группу среди них составляют особые сероглиняные терракоты различных форм и типов.

¹ В археологических работах принимали участие Х. Алпысбаев, М. Мердиев, К. Шахурин.

Глиняный черепок их темносерого цвета. И цвет этот и чрезвычайная плотность материала достигнуты обжигом глиняного теста почти до спекания, в этом отношении они напоминают находимые на мервских городищах (и изготовлявшиеся в Мерве) так называемые „сферокоу́сы“ — симобкузача-ртутные сосуды. Однако все эти терракоты не имеют ни одной среднеазиатской черты и явно тяготеют к дальневосточной художественной и технической традиции. Это подтверждается находкой фрагмента черепицы с четырьмя китайскими иероглифами (рис. 65—3).

Наиболее обильные находки (сотни фрагментов) дают черепицы. Техника изготовления ручная, без гончарного круга, путем формовки сырого глиняного теста на особых болванках — связанных на концах длинных „рукавах“, сшитых из мешковины и туго набитых песком. Этим приемом достигалась цилиндрическая форма черепицы. Плетение ткани, нити, которыми она сшивалась, и даже складки материи на концевых участках очень четко отпечатались на внутренней стороне черепиц. Еще в сыром виде глиняный цилиндр разрезался по образующим: при малых диаметрах на две части, при большом — на четыре. Черепицы, обращенные на крыше выпуклой стороной вверх, — „половинные“, имеют диаметр 18 см при сантиметровой толщине стенок; черепицы, положенные выпуклостью вниз, — „четвертные“; сечение их то же, но длина их хорды 22 см. Длина черепиц до 40 см. С одного конца делался особый манжет, на который накладывалась следующая черепица.

По краю крыши черепицы снабжались особыми скульптурными украшениями. Выпуклые заканчивались кругом, маскировавшим собой торец балки (рис. 65—1). На круге, охваченном по контуру извилистой линией, оттиснуты устрашающие антропоморфные морды. У них выпуклые, без зрачков глазные яблоки, асимметрично искривленные надбровные дуги, расплющенный нос с широкими ноздрями, растянутый в гримасе рот. Над верхней губой пучками расходящиеся к щекам усы, на подбородке остроконечная борода, над лбом небольшие уши, напоминающие по форме уши летучей мыши. Установлено, что мастер располагал несколькими штампами для оттиска морд, различными по размерам и по чертам лица, но вполне сохраняющими общую композицию изображения. Вогнутые черепицы завершались особыми свисающими треугольниками; так как на вдавленной поверхности черепиц собирались дождевые воды, они служили „капельниками“, с концов которых вода стекала на землю. Треугольники оформлены отвлеченным орнаментом: извилистыми линиями, следующими контуру треугольника, и посередине трехлепестковой фигурой на стерженьке (рис. 65—2).

Среди плоских терракот большой комплекс составляют плиты, на которых налепом выполнены горельефные изображения. Сюжетом служили устрашающие существа с выпуклыми огромными глазами, клочьями волос, чешуйчатыми телами. Из множества фрагментов скульптору А. Н. Иванову удалось подобрать два одинаковых изображения: обращенные в разные стороны профильные морды драконов (судя по сохранившимся фрагментам, их было не менее четырех). У них раскрытая пасть с хоботообразной верхней губой, жаловидным языком и зубастой нижней челюстью, выпуклый глаз под изогнутым надбровьем, клочковатые пряди на хребте (рис. 66а). Были и другие горельефные с огромными миндалевидными глазами чудища, общий облик которых по фрагментам не восстанавливается. Наконец, особую группу составляла круглая скульптура. Здесь также драконьи морды с открытыми пастьми и чешуйчатые тела, полукруглые в сечении, видимо покрывавшие коньки и ребра крыши. Интересны скульптурные изображения уток со сложен-

ными крыльями. Они полые внутри, вместо ног — длинный трубчатый стержень, видимо надевавшийся на заделанный вертикальный штырь.

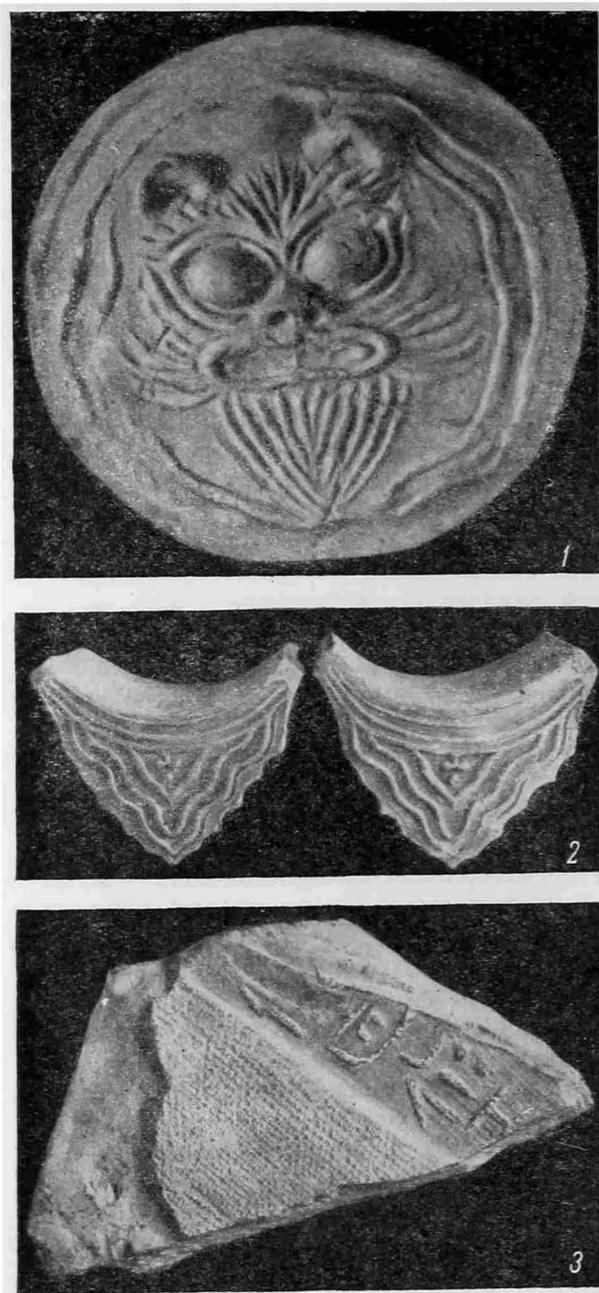

Рис. 65. Фрагменты черепицы и образцы завершений торцовых части черепиц:

1 — торцовая часть выпуклой черепицы; 2 — треугольные завершения желобчатых черепиц; 3 — фрагмент черепицы с оттиском китайских верогайфов и ткани на внутренней стороне.

² А. Н. Бернштам и др. Тр. Семиреч. археол. эксп. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, стр. 139.

³ A. von Le Coq. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Berlin, 1925, Э. 94—95.

Весь материал находит прямые аналоги в искусстве Дальнего Востока. Тип желобчатых черепиц, укладываемых внакладку, друг на друга, оформленных по краю круглыми и треугольными завершениями, обычен в архитектуре Китая и Монголии, где с некоторыми видоизменениями бытовал с эпохи Хань и до последних столетий. Такие крыши по традиции издревле сооружались китайцами и на зданиях, воздвигнутых вне своей родины. Примеры тому дает и абаканский дом Ли-Лина¹, и постройки кара-китайского периода в Семиречье². Можно предполагать, что конструкция крыши мервского здания была стропильной, с крутыми скатами (видимо, четырьмя), а может быть, как это принято в китайском строительстве, двухъярусной. Массивность черепичной кровли обусловила и выведение более чем полутораметровых стен при небольших сравнительно пролетах помещений.

Тема устрашающей львоподобной антропоморфной морды играла большую роль в художественном оформлении архитектурных объектов и предметов прикладного искусства всего Дальнего Востока — от Японии до Явы и Восточного Туркестана (Хотан—Кизыл и др.)³. Что касается драконов, то они переданы в типичной китайской композиции, сложив-

¹ Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова. Раскопки китайского дома близ Абакана. КСИИМК, в. XII, 1946, стр. 7 и сл.

шейся уже к эпохе династии Тан (VIII—X вв.); из Китая она проникает в сопредельные страны — Японию, Корею и др. Мотив драконов широко использовался в оформлении крыш храмовых зданий. Относительно поздний пример украшения скульптурными и горельефными изображениями этих чудовищ дает храм Пу-ло-сы в Жехе (XVIII в.). На ребрах всех четырех скатов крыш поставлены целые фигуры или скульптурные морды драконов с раскрытыми пастьми; на плоскости стенки, разделяющей оба яруса крыши, в каждом углу аналогичные по типу морды, выполненные в барельефе¹. Можно по аналогии предположить подобное же размещение их и в мервской постройке. Впрочем,

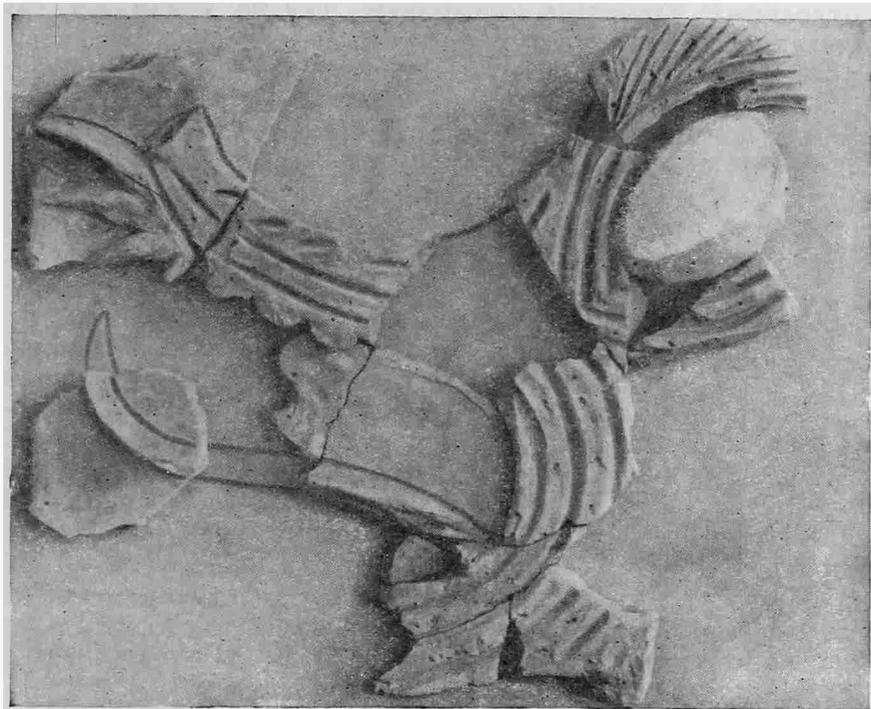

Рис. 66а. Фрагменты горельефной морды дракона.

скульптура переплетающихся телами драконов, обращенных мордами в разные стороны, иногда устанавливалась также в виде навершия на коньке верхней крыши, как можно видеть, например, на одной из японских построек — храме Кофукудзи X в.²

Тема дракона, видимо, входила и в живописный декор мервской постройки. Живопись осуществлялась по очень тонкому белому подслою, нанесенному на двухсантиметровый слой глиняной штукатурки. Остатки ее сохранились лишь в виде незначительных фрагментов. Техником служил прием „аль-секко“. Цвета очень интенсивны, палитра богата: яркосиний и небесно-голубой, яркокрасный и темномалиновый, зеленый, желтый, оранжевый, черный, белый. Рисунок наносился тонкой кистью, беглыми линиями, уверенной рукой. Среди отдельных фрагментов интересна фигурка скачущего зайца. Сохранились куски с крупной красной чешуей, оконтуренной белыми линиями, несомненно, от туловища дракона.

¹ Б. П. Денике. Китай. М., 1935, рис. 87.

² E. F. Fenelosa. Ursprung und Entwicklung der chinesischen und japanischen Kunst. Lpz., 1913, taf. XXXVII, 5. 117.

Распространенность и глубокая традиционность всех этих изобразительных сюжетов на черепицах и в живописи Дальнего Востока затрудняют определение по ним датировки мервского здания. Уточнение даты вытекает из другой группы декоративных элементов.

В числе обнаруженных при раскопках фрагментов много кусков изразцовых облицовок, очевидно от панелей. Они выполнены на кирпичных плитах размерами $17,5 \times 17,5$ см при толщине 4—5,5 см. Материал — обычная для Мерва желтоватая глина. Узор, нанесенный до обжига, вырезан узкой, но довольно глубокой (до 5 мм) разделительной линией, для того чтобы при обжиге не было взаимопроникновения красок отдельных элементов орнамента. Тем не менее местами они слегка натекают друг на друга. Орнамент геометрический. По фрагментам удалось реконструировать систему его построения („гирих“), основанную на пересечении восьмигранников (рис. 666). Основная геометрическая сетка орнамента выполнена в белом цвете, фигурные полигоны, образованные ею, — чередованием голубого и блеклого фиолетового тонов.

Появление и применение подобных майолик в зодчестве Средней Азии восходят ко второй половине XIII—первой половине XIV в. (ср. фрагменты с Афрасиаба, ранние мавзолеи Шах-и-Зинды и др.). В этих пределах, таким образом, устанавливается датировка исследуемого здания. Анализ исторической ситуации позволяет еще более ее уточнить.

Вопреки утвердившемуся мнению, будто после разгрома Мерва войсками Тули город лежал в развалинах почти двести лет¹, вплоть до правления Шахруха, работами ЮТАКЭ установлено, что Мерв начал оправляться от тяжких последствий монгольского погрома уже во второй половине XIII в., причем жизнь в эту пору концентрировалась отчасти в Шахрияр-арке, отчасти в Султан-кале и вне ее. Сооружение раскопанного здания, по мнению М. Е. Массона, связано с сообщаемым Джувеини фактом, что монгольский наместник Аргун в 648 г. (1250/1 г. н. э.) приказал разбить в Разикабаде сад и возвести дворец, что и было исполнено местной знатью. По данным экспедиции, Разикабаду соответствует площадь на южном участке между Гяур-калой и Султан-калой, где встречается немало фрагментов керамики XIII—XIV вв.

Очевидно, около 1250/1 г. в саду Аргуна был поставлен и тот небольшой павильон, руины которого, описанные выше, сохранились до наших дней; на прилежащей к нему территории нет каких-либо построек, явно указывающих, что здесь было пространство сада, но с этим вполне согласуется выясненная по архитектурным и археологическим данным датировка здания. Это был не просто дворцовый павильон, который могли бы соорудить местные мервские зодчие и мастера. Для возведения здания по определенному плану, для оформления венчающих частей крыш в традиционном дальневосточном стиле, возможно, был выписан из Китая или Монголии специальный мастер (или несколько мастеров), что диктовалось особым назначением постройки. Судя по архитектуре, это был поставленный (в согласии с традицией) в саду храм — буддийская кумирня. В нем Аргун и представители монгольской знати отправляли соответствующие религиозные обряды. Храм просуществовал недолго. Монгольские ханы из династии хулагидов и окружающие их придворные исповедывали буддизм вплоть до правления Газан-хана. В начале своего правления Газан-хан почитался ревностным буддистом и сам отстроил в Хабушане великолепные кумирни. Однако в 1295 г., несомненно из политических соображений, он принял ислам, после чего отдал приказ об уничтожении идолов,

¹ В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва. МАР, в. 16, 1894, стр. 69.

полном разрушении буддийских храмов, о высылке из страны и о казни всех не желавших принять мусульманство. Об этом подробно повествует Рашид-ад-дин¹. Последний сообщает даже о разрушении Газан-ханом воздвигнутой его отцом Аргун-ханом кумирни, где были изображения хана-строителя; на протесты цариц и эмиров, предлагавших хотя бы в знак сыновней памяти сохранить храм или превратить его во дворец, Газан-хан ответил решительным отказом².

Несомненно, что или в том же 1295 г., или немного позже был разрушен и мервский храм буддистов. Уничтожение осуществлялось с демонстративной жестокостью: разносились деревянные и черепичные

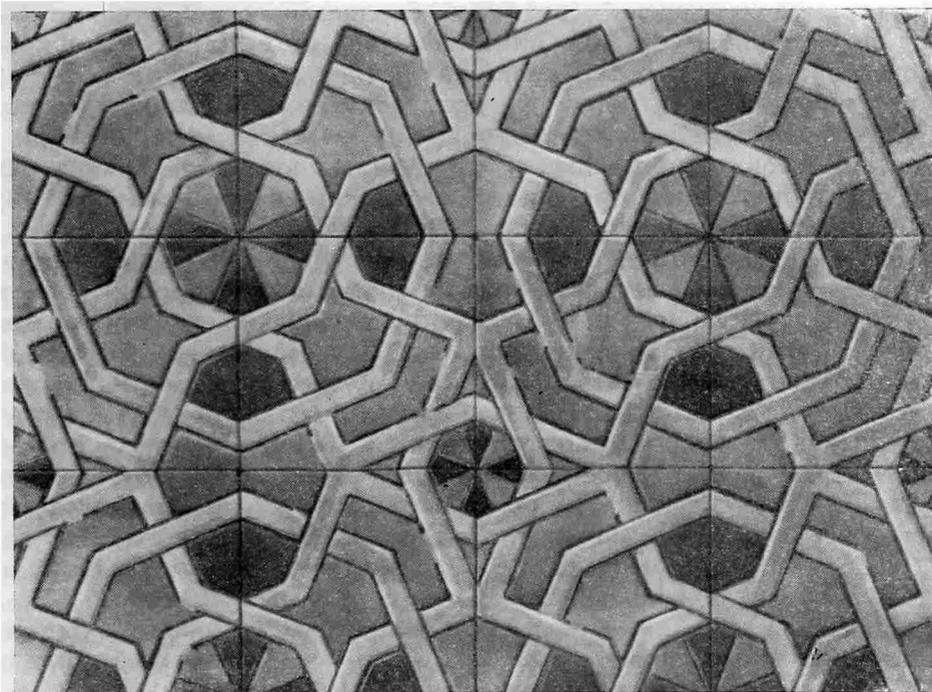

Рис. 666. Панель из майоликовых плит (реконструкция Г. А. Пугаченковой).

крыши, крушились стены, сдирались облицовочные плиты, вдребезги разбивалась скульптура, уничтожалась живопись. На месте постройки с тех пор не возводилось никаких сооружений; бесформенным холмом, состоящим из груды развалин, сохранился он до XIX в., когда на северном участке его какие-то пастухи соорудили два очажка.

Буддийская кумирня Мерва — постройка выдающегося историко-культурного интереса. Общий архитектурный облик ее приближался к типу малых изящных храмовых павильонов, подобных, например, буддийскому святилищу на холме Ван-чу-чан, в садах у летнего дворца императоров в Пекине. Эти святилища характеризуются наличием высокой прямоугольной платформы, одно- или двухкомнатной планировкой, двухъярусной черепичной кровлей со скульптурными украшениями³. По своей архитектуре мервская кумирня представляет образец эклектического сочетания монголо-китайских и местных хорасанских архитек-

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. III. Пер. А. К. Арндса. М.—Л., 1946, стр. 162—164, 206, 217—218.

² Там же, стр. 218.

³ S. W. Bushell. L'art chinoise. Paris, 1910, fig. 37, p. 67.

турных элементов в результате сотрудничества дальневосточных и мервских мастеров. Первые внесли необычный прием выкладки стен с забутовкой сырцовых наружных кладок обломками кирпича, традиционный план, традиционное оформление двухъярусных крыш, крытых фигурной черепицей, пластические и живописные мотивы из круга дальневосточных образов; вторые ввели в облицовку характерный среднеазиатский декор в виде цветных майоликовых плит, несущих замысловатый геометрический узор.

Такое механическое смешение разнородных стилевых форм было достаточно типичным для строительства монгольских ханов и на их родине. Известно, что при Каракорумском дворе сотрудничали мастера китайские, „мусульманские“ (вероятно среднеазиатские), русские и другие¹. Приведенное Рубруком описание дворца в Каракоруме красноречиво рисует разностильную роскошь местной архитектуры². Для архитектуры мусульманских мечетей, воздвигнутых в Китае, также характерно смешение дальневосточных и среднеазиатских черт: обычное для Среднего Востока оформление входа в виде порталной арки в охвате П-образных обрамлений при чисто китайской четырехскатной двухъярусной черепичной кровле³.

Мервская кумирня дает едва ли не самый ранний, точно датированный пример употребления майоликовых облицовок, хорошо известных лишь по архитектурным памятникам Мавераннахра первой половины XIV в. Работами ЮТАКЭ на городищах Нисы уже в 1946 г. было впервые установлено применение такой облицовки в местной архитектуре в XIII—XIV вв.⁴ Экспедицией выявлено немало других пунктов использования этого рода архитектурного декора. В числе их — Абиверд, Шехри-Ислам, Мурча, а также и Мерв. Факт этот интересен тем, что для зодчества Ирана подобные майолики не типичны и встречаются лишь в виде исключения. Традиция северохорасанского зодчества, таким образом, сближается с общим кругом среднеазиатских архитектурных стилей в большей мере, чем с западноиранскими.

Буддийская кумирня Мерва — своеобразный, в своем роде единственный памятник среднеазиатского строительства, в котором сочетаются элементы зодчества Среднего и Дальнего Востока. Быть может, поздним отголоском этих культурных взаимодействий является мечеть в Анау (1456 г.), в тимпанах которой хорасанский мастер выложил из наборной резной мозаики фигуры двух извивающихся драконов.

¹ В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 34.

² В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 138 и сл.

³ Bushell. Op. cit., p. 76, fig. 43.

⁴ Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы. Тр. ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 253.

В ≈ 200 м восточнее курганной группы, на другой стороне оврага, находится небольшое городище¹.

Экспедицией были исследованы три удлиненных кургана (№ 18, 32, 36).

Курган № 18 расположен в северной части группы. Протяженность его с севера на юг 12 м, с запада на восток 8,2 м, окружность 33,5 м, высота 1,3 м. В западной части насыпь испорчена ямой (1,35×1,28 м), глубина в центре 0,35 м, вся остальная поверхность кургана покрыта дерном толщиной 14—20 см.

Насыпь представляла собой темносерый перемешанный грунт, состоящий из суглинка, песка, гумусовых и зольных частиц. В грунте на

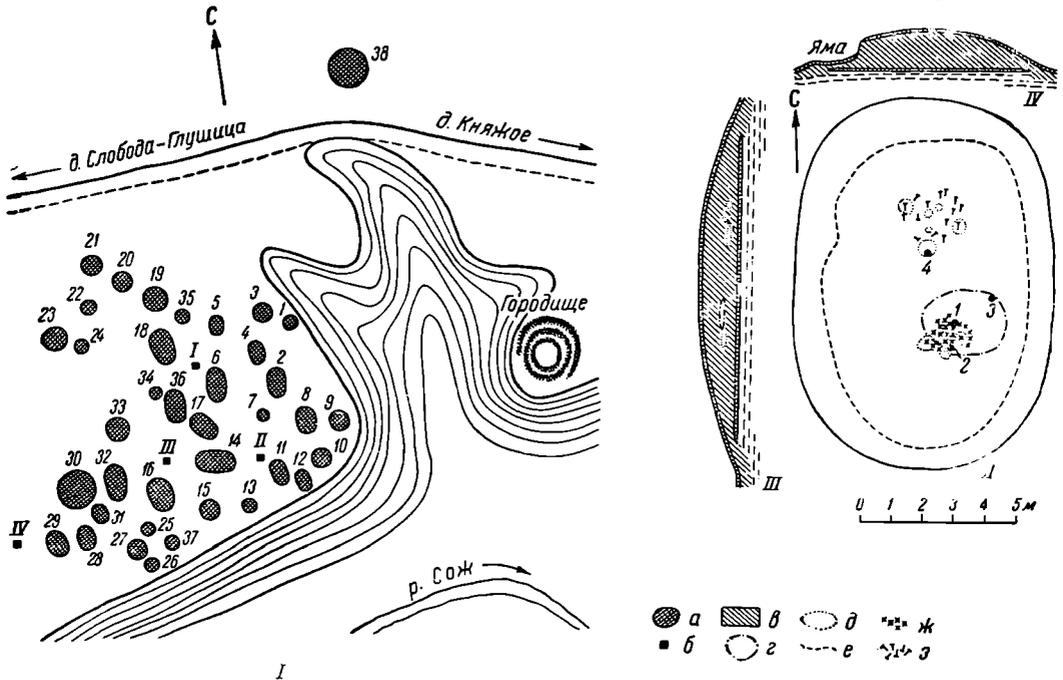

Рис. 67. Удлиненные курганы у д. Слобода-Глушица:

I — схема расположения курганов и городища у д. Слобода-Глушица; II — план; III — профиль С—Ю; IV — профиль Э—В кургана № 18 (на плане указаны находки: 1 — рыболовный крючок; 2 — железная шпора; 3 — глиняное пряслице; 4 — железное долото).
Условные обозначения к чертежам: а — курган; б — раскоп; в — насыпанный грунт; г — граница темного пятна; д — граница песчаных вкраплений; е — граница погребенной почвы; ж — места находок пережженных человеческих костей; з — места находок костей животных.

всей площади кургана обнаружена масса черепков грубых лепных плоскодонных сосудов, изготовленных из глины или лёссовидного суглинка со значительной примесью дресвы и шамота. Диаметр сосудов 12—20 см, толщина стенок 0,5—1 см.

Собранные фрагменты принадлежат не менее чем 40 сосудам, форма которых аналогична форме сосудов из длинных курганов близ Лопино и других мест². Есть фрагменты ярко выраженных биконических сосудов.

В южной половине кургана (рис. 67 — II, III, IV) в юго-восточном секторе на глубине 0,4 м обнаружено более темное пятно³, включающее золу, дубовые и березовые угольки, массу обломков пережжен-

¹ См. Материалы по изучению Смоленской области, в. 1, 1952, стр. 379.

² А. Н. Лявданский. Указ. соч., табл. III, стр. 281.

³ Все отметки глубины считаются от вершины кургана.

ных человеческих костей. К глубине 0,75 м пятно значительно расширилось и нижняя его часть (основание) представляла собой совершенно черную прослойку толщиной 5 см. Диаметр пятна у основания 2,2 м. В верхней части темного пятна, в центре, на глубине 0,5 м, обнаружен крупный рыболовный железный крючок (рис. 68—1), а в южной части, на глубине 0,75 м, — железная шпора (рис. 68—3). Северо-восточнее шпоры, у самого края темной прослойки, на глубине 0,72 м, встречено глиняное пряслице (рис. 68—2), у юго-западного края темной прослойки, несколько глубже нее, — вкрапления светлого крупнозернистого песка. Над песком найдены также остатки пережеванных костей.

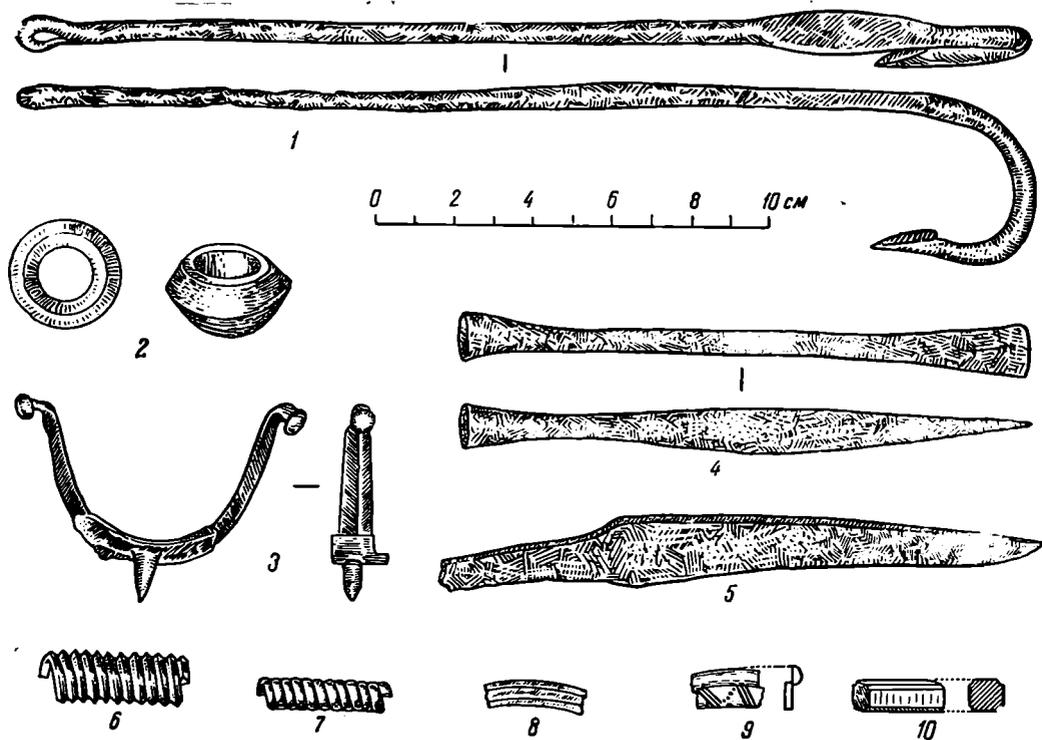

Рис. 68. Вещи из удлиненных курганов у д. Слобода-Глушица:

1—4 — из кургана № 18; 5 — из кургана № 32; 6—10 — из кургана № 36.

В северной части кургана, на глубине 0,76 м, встречены вкрапления желтого крупнозернистого песка, среди которых обнаружены фрагменты глиняных сосудов, обломки костей птиц, медведя, коровы и др. Вкрапления песка и кости животных встречались до глубины 1,1 м (уровень засыпанной первоначальной почвы). У южного края полосы вкраплений, на глубине 0,72 м, обнаружено железное долото (рис. 68—4).

Под насыпью кургана шла уплотненная погребенная почва черного цвета (10—16 см). Погребенная почва дает более полное представление о размерах кургана в момент его сооружения; поперечники с севера на юг 10 м, с запада на восток 6,8 м. Вокруг насыпи первоначально были сделаны ровики до 1,2 м ширины и более 0,5 м глубины. С течением времени насыпь расплылась, ровики заровнялись и размер основания кургана увеличился.

Под погребенной почвой на всей площади кургана шел материковый песок.

Курган № 32 расположен в восточной части группы. Протяженность его с севера на юг 10,5 м, с запада на восток 7,8 м, окружность

31 м, высота 1,18 м. Форма кургана лепешковидная; в северо-западном секторе яма округлой формы $1,6 \times 2,2$ м и глубиной у восточного края 0,4 м.

Под слоем дерна толщиной в 10—14 см шел перемешанный насыпной грунт, состоящий из суглинка с примесью песка и крупных галек. В грунте обнаружено много обломков глиняных сосудов. По характеру посуда та же, что в кургане № 18.

В юго-восточном секторе, на глубине 0,75 м, над песчаным вкраплением толщиной 6 см и в поперечнике около 0,9 м, найден железный нож (рис. 68—5).

В северной части кургана, на той же глубине, обнаружено второе песчаное пятно диаметром около метра. В южной части оно перекрывается темной прослойкой. На остальной площади до самой погребенной почвы идет перемешанный грунт. В западной части кургана в материке вскрыта яма около метра в поперечнике, засыпанная песком. Погребенная почва темного цвета сохранилась на площади $8,0 \times 4,8$ м. Под ней залегал крупнозернистый материковый песок с галькой.

Курган № 36 находился в центре группы. Размеры его: с северо-запада на юго-восток 13,2 м, с юго-запада на северо-восток 7,6 м, окружность 36,5 м, высота 1,1 м. Длинная ось вытянута с северо-запада на юго-восток, в отличие от двух описанных удлиненных курганов.

Центр насыпи поврежден ямой ($1,0 \times 0,7$ м) глубиной 25 см.

По форме курган напоминает лепешку. Вся поверхность сплошь покрыта слоем дерна (10—14 см), в котором обнаружен один фрагмент грубого лепного горшка. Под дерном залегал насыпной грунт серого цвета, состоящий из суглинка и песка с примесью гумусовых частиц. В нем обнаружено несколько десятков черепков грубой лепной глиняной посуды.

В южной половине кургана, на глубине 0,5 м (юго-западный сектор), было прослежено более темное пятно, включающее перегорелые кости, золу, дубовые и березовые угольки, медные предметы, целые и в обломках. Здесь обнаружены спиральные украшения от ожерелий двух видов (рис. 68—6,7), обломок медного предмета с орнаментом в виде линий (рис. 68—8), обломки двух медных перстней, причем на одном имеется орнамент (рис. 68—9), и кусок серебряной проволоки четырехгранного сечения со срезанными гранями (рис. 68—10). Под темным пятном снова шел серый перемешанный грунт. На материке в юго-западной части найден кусок известняка, похожий на обломок жернова. В северной половине, на глубине 0,5 м, в сером грунте появились разнородные включения песка, гравия, черной и серой земли, занимающие площадь $2,5 \times 3,3$ м и распространившиеся до материка.

Погребенная почва темносерого цвета прослежена почти на всей площади кургана ($11,5 \times 5,6$ м), только в северной половине под прослойками песка она частично нарушена. Под погребенной почвой залегал крупнозернистый материковый песок с гравием.

Для выяснения вопроса, не попали ли в насыпь кургана обломки глиняной посуды вместе с грунтом и не сооружены ли курганы на месте бывшего селища, были заложены четыре шурфа по 1 м^2 : три шурфа на площадке, занимаемой группой, — между курганами, четвертый несколько западнее, на поле (рис. 67—1). Во всех шурфах получена примерно одинаковая картина наслоений: дерн (8—12 см), подпочва (10—16 см) и далее крупнозернистый песок, прослеженный до глубины 1 м. Никаких находок не обнаружено.

Исследование всех трех раскопанных удлиненных курганов совершенно явно показывает, что тип захоронения в них один и тот же: остатки

пережженных человеческих костей вместе с золой, угольками и остатками бытовых предметов и украшений помещались в южной половине курганов на высоте около 0,5 м от уровня материка; в северной половине, на расстоянии 2—3 м от остатков трупосожжения, вкрапления чистого песка, сопровождаемые расколотыми костями животных. Здесь однородный грунт насыпи кургана иногда значительно перемешан. Во всей насыпи без всякого видимого порядка встречаются обломки глиняной посуды.

Можно утверждать, что в кургане № 36 было женское захоронение, судя по обнаруженным типичным женским медным украшениям (спиральные пронизки от ожерелий, обломки перстней и других предметов). Подобного рода медные украшения хорошо известны среди инвентаря длинных и удлиненных курганов.

В курганах № 18 и 32 — мужские захоронения; найденный здесь комплекс предметов вполне это подтверждает. Он состоит из железных бытовых вещей (нож, шпора, рыболовный крючок, долото) при полном отсутствии следов каких-либо медных украшений.

Курганы у д. Слобода-Глушица по характеру некоторых вещей приближаются к раскопанным В. И. Сизовым¹ длинным курганам в Смоленской обл. у деревень Арефино, Лопино, Городок, Рядынь, Хотынь в бассейне верхнего Днепра и его притоков и у деревень Дроково и Слобода в бассейне Зап. Двины. Для инвентаря всех этих курганов характерны медные спиральные украшения от ожерелий. Подобные украшения известны из сопок и длинных курганов бывш. Новгородской и Тверской губ.² и других мест, расположенных севернее Смоленской обл., а также находят себе аналогии в Мощинском кладе³. Однако характер погребального обряда, видимо, значительно отличался. Если в курганах у д. Арефино и др. вся насыпь, исключая зольные пятна, состояла из чистого грунта (песок или суглинок), то у д. Слобода-Глушица насыпь кургана представляет собой сильно перемешанный грунт, включающий массу фрагментов разбитых глиняных сосудов, гумусовых частиц, золы, а местами и угольков.

Из имеющихся описаний длинных курганов в бассейне Днепра и Зап. Двины видно, что при захоронении часть пережженных костей помещалась в глиняные сосуды, но совершенно нет никаких указаний на находки костей медведя, птиц и др. Бытовые предметы иногда встречались. Так, у д. Дроково были обнаружены железные удила, а в курганах вне пределов Смоленской обл. — железные ножи и шила⁴.

Рыболовный крючок, шпора, долото, пряслице среди курганных вещей этого периода аналогий не имеют. Такой рыболовный крючок опубликован Н. И. Булычовым среди вещей, сопровождавших Мощинский клад IV—V вв. н. э.⁵, но там часть крючка с ушком обломана. Глиняные пряслица подобного типа были широко распространены в то время и известны из раскопок многих городищ. Для железного долота трудно привести какие-либо аналогии. Железные шпоры среди курганного инвентаря этого периода совершенно неизвестны. По своему типу шпора из кургана № 18 приближается к позднелатенским шпорам,

¹ Указатель памятников Российского исторического музея. М., 1893.

² П. А ю б о м и р о в. Отчет о раскопках, произведенных в 1910 году в Новгородской и Тверской губерниях. ЗОРСА, т. IX, 1913.

³ Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XI, рис. 16, 18, 22.

⁴ П. Н. Т р е т ь я к о в. Археологические памятники древнерусских племен. Уч. зап. ЛГУ, серия истор. наук, в. 13, 1949.

⁵ Н. И. Булычов. Указ. соч., табл. XIV, рис. 23.

известным из европейских находок, описанных Дешелеттом¹. Эти шпоры датируются автором латеном III, т. е. около рубежа нашей эры.

Смоленские длинные курганы известны в литературе. П. Н. Третьяков относит их к VI—VII вв. н. э.² А. А. Спицын в работе „Удлиненные и длинные курганы“³ писал, что „...от удлиненных курганов происходят длинные, от 5 до 60 саж. длиной“ и что удлиненные курганы — древнейшие памятники кривичей. Мы не имеем еще достаточных оснований, чтобы решить вопрос о хронологическом соотношении длинных и удлиненных курганов, однако материалы раскопок у д. Слобода-Глушица приводят нас к выводу, что удлиненные курганы наряду с длинными являются древнейшими кривичскими памятниками и, весьма вероятно, могли существовать параллельно.

¹ J. Déchelette. Manuel d'archéologie. Paris, 1914, т. II, ч. 3, стр. 1202, табл. 514—6.

² П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 273.

³ ЗОРСА, т. V, в. I, 1903, стр. 198.

Е. И. ГОРЮНОВА

МЕРЯНСКИЙ МОГИЛЬНИК НА РЫБИНСКОМ МОРЕ

Летом 1952 г. вследствие временного понижения уровня воды Рыбинского водохранилища на дневную поверхность выступила широкая полоса затопленного восточного берега. На его кромке, в 8 км на север-северо-запад от г. Пошехоно-Володарска Ярославской обл., недалеко от устья впадавшей прежде в р. Шексну р. Согожи, примерно в 1,5 км к югу от д. Зубарево, обнаружился древний могильник. Он был открыт случайно школьниками, внимание которых было привлечено костями человеческих скелетов и различными вымытыми водой металлическими предметами. Не ограничиваясь сбором подъемного материала, юные „исследователи“ принялись энергично добывать его из сохранившихся могил, успев в короткое время разрушить большую часть курганов. Собранный материал разошелся по рукам. На вещи обратили внимание сотрудники леспромхоза и сообщили о находках. Выехавшие на место сотрудники областного Музея краеведения и Отдела культпросветработы Ярославского облисполкома обследовали район находок, опросили местных жителей и произвели сбор разошедшихся по рукам вещей.

Доставленный в музей материал, состоявший из железных, медных и серебряных предметов, вызвал живейший интерес. В целях спасения памятника от разрушения была экстренно организована при энергичном содействии Ярославского обкома партии небольшая экспедиция для раскопок могильника¹.

Небольшие по объему работы дали интересные результаты. Памятник представляет собой могильник, в котором было около 30 курганов, растянувшихся на 100 м вдоль кромки берега (рис. 69). Часть из них осталась под водой. Собственно о „курганах“ говорить не приходится. Долговременное пребывание под водой совершенно выровняло рельеф местности. Опознать бывшие здесь курганы помогают небольшие округлые площадки, сплошь вымощенные речным галечником и крупным валунным камнем, которым, как панцырем, были одеты курганные насыпи. Эта конструктивная особенность зубаревских курганов по всей вероятности была обусловлена свойствами р. Шексны: „На пространстве 400 верст не много у ней берегов, на которых бы безопасно мог поселиться человек; каждую весну она затопляет вширь оба берега, часто на несколько верст“². Проверка временем показала прочность и целесообразность этой

¹ В работах приняли участие научные сотрудники Ярославского музея краеведения Л. В. Черепнина и Н. А. Мурашева под руководством автора данной статьи.

² Е. В. Барсов. Княжий городок на Шексне. Тр. VII АС, т. II, 1891, стр. 215.

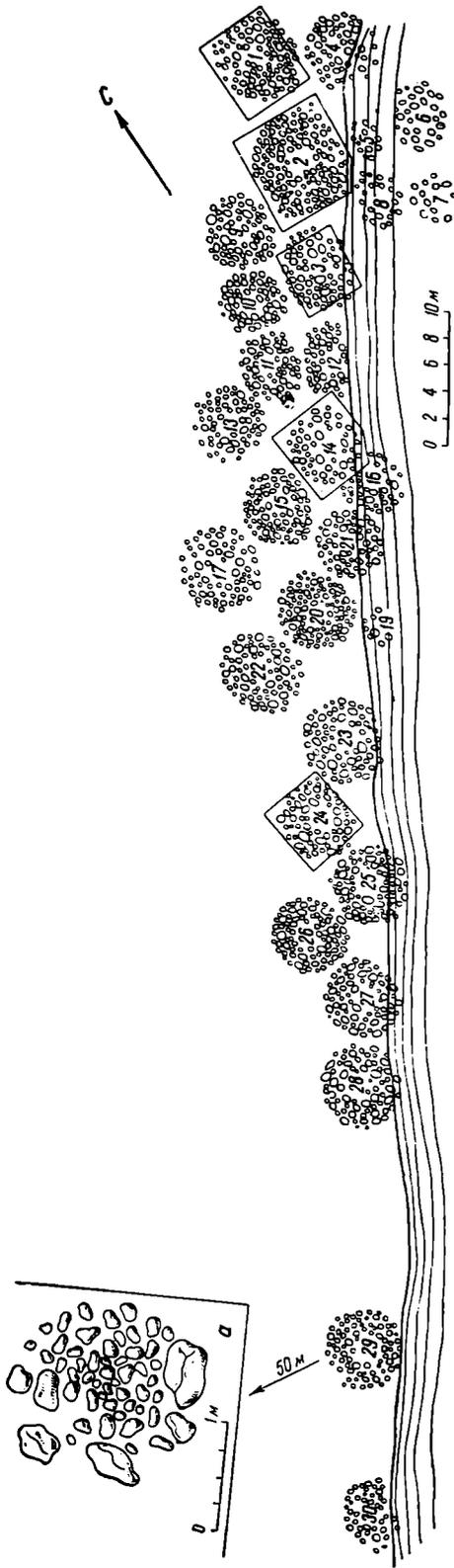

Рис. 69. Схематический план Зубаревского могильника:

а — план одной из каменных вымосток в 50 м от берега.

конструкции. Часть насыпанной земли была вымыта, курганы осели, но погребения под каменной вымосткой почти не были размыты.

Размеры замощенных площадок позволяют приблизительно определить диаметр размытых насыпей, колебавшихся от 4 до 6,5 м (в одном случае 8 м), а высоту насыпей — росшие на них деревья, пни от которых, как на подпорках, стоят на прочно укрепившихся в почве корнях. В результате вымывания и оседания земли под пнями образовалось пустое пространство, приблизительно соответствующее высоте курганных насыпей. Она не превышала первоначально 0,7—1 м. Курганы были насыпаны из иловатого суглинка с большим количеством речного галечника. Состав курганной земли свидетельствует о том, что она бралась из близких к воде береговых участков.

Несколько поодаль, примерно в 50 м от могильника, были обнаружены три площадки диаметром 1,5—1,8 м, вымощенные крупным галечником и валунами (рис. 69—а). По всем данным, насыпи здесь были размыты: камни лежали непосредственно на плотном материковом грунте. При вскрытии двух таких площадок обнаружены небольшие, но глубокие ямки, заполненные золой и углем, среди которых попадались сильно кальцинированные обломки костей животных. Повидимому, это были ритуальные сооружения, своего рода жертвенники, относившиеся не к отдельным погребениям, а к группе родственных захоронений.

Большая часть курганов, или, вернее, оставшихся от них каменных площадок, попорчена беспорядочными ямками, вырытыми школьниками в поис-

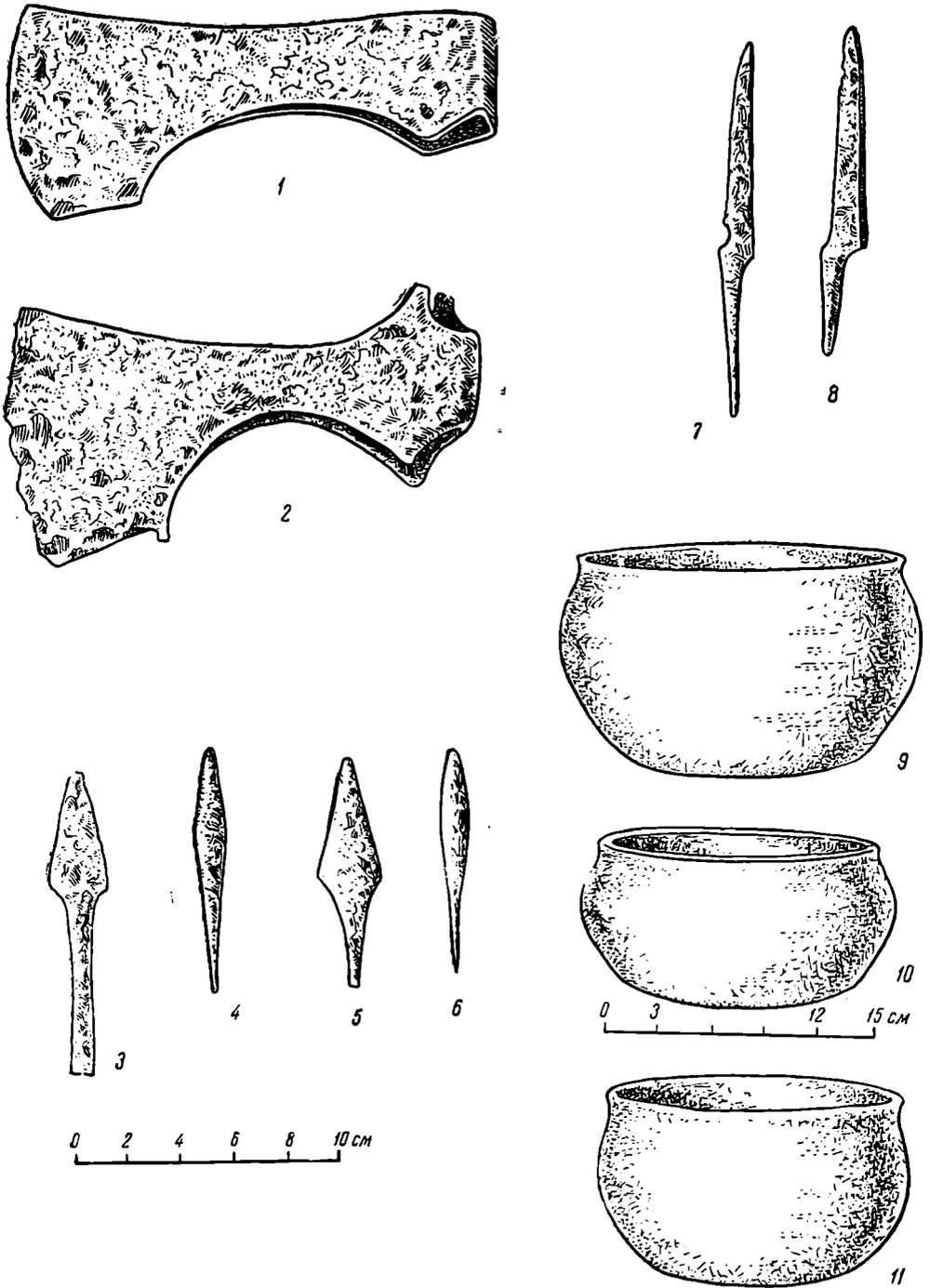

Рис. 70. Вещи из Зубаревских курганов:

1 — топор из кургана № 2; 2 — топор из кургана № 24; 3, 5 — наконечники стрел из кургана № 3; 4 — из кургана № 24; 6 — наконечник стрелы (случайная находка); 7, 8 — ножи из кургана № 2; 9, 10, 11 — горшки из курганов № 2, 1 и 14.

ках вещей. Из шести вскрытых могил лишь две оказались нетронутыми. Во всех случаях под сплошным каменным настилом сохранился тонкий пласт (10—35 см) насыпной земли, в котором попадались кусочки древесного угля и фрагменты лепных глиняных горшков, из которых в двух случаях удалось собрать почти целые сосуды своеобразной и весьма типичной формы (рис. 70—9-11). Горшки с пищей ставились не рядом с погребенным, а несколько выше, в насыпи кургана. Умерший клался на грунт, причем место, выбранное для захоронения, предварительно подвергалось очистительному действию огня. В некоторых случаях умершего погребали на подстилке из еловых ветвей — обычай, довольно распространенный у народностей Поволжья, например у мари.

Захоронение производилось без гробовищ. Костяки лежали в вытянутом положении, на спине. Вследствие сильной попорченности могил ориентировку удалось установить лишь в трех случаях: в кургане № 1 — головой на запад-юго-запад, № 14 — на восток-юго-восток, № 21 — на восток. В кургане № 1 по сторонам костяка, справа и слева, лежали крупные валуны. Эта деталь конструкции курганной насыпи, а также каменный панцирь, который покрывал всю ее поверхность, находит себе ближайшие аналогии в курганных могильниках Верхней Волги, например, в Кирьяновском, Вороновском и др.¹

Могильный инвентарь мужских погребений состоял преимущественно из железных орудий: ножа, топора, огнива и одного-двух наконечников стрел (рис. 70—3-5). В мужском погребении № 1 найдены украшения — медное запястье и перстень. В погребении № 2 (мужском) найден арабский диргем, лежавший у левого бедра. Из-за плохой сохранности монету точнее определить невозможно. В том же погребении обнаружена расколотая вдоль берцовая кость свиньи с 26 поперечными зарубками. Возможно, что кость служила счетной биркой.

Инвентарь женских могил несколько богаче и разнообразнее, хотя, судя по числу металлических украшений, женский костюм не отличался пышностью — он гораздо беднее костюма мордовских женщин.

Шейным украшением служили массивные, витые из двух серебряных или медных жгутов гривны без замка (рис. 71—7-10). Вместе с гривной на шею надевалось иногда ожерелье из разноцветных стеклянных бус (рис. 71—14-16). Цвет бус преимущественно синий и зеленый. Встречались также небольшие пастовые бусы. К бусам подвешивались металлические бляшки (рис. 71—19). В качестве височного украшения к головному убору прикреплялись с боков большие проволочные височные кольца с завязанными концами, типичные для кривичского убора (рис. 71—5). Серьгами служили небольшие несомкнутые проволочные колечки, надевавшиеся иногда на одно ухо (рис. 71—17). Руки украшались запястьями и перстнями. Запястья относятся к типу витых, двойных и тройных, а также сложноплетеных из тонкой проволоки, с завязанными концами, который А. А. Спицын называет „западным“ типом², а Нидерле полагает, что они появились в XI—XII вв. с востока³ (рис. 71—20). Подобные браслеты весьма типичны для Латвии, где они совершенно четко увязываются с комплексами

¹ Я. А. Ушаков. Раскопки в Мышкинском уезде 1887 г. Тр. VII АС, т. I, 1890, стр. 25.

² А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, в. 15, 1905, стр. 152, рис. 329.

³ L. Niederle. Rukovět slovanské archeologie, Praha, 1931, стр. 210—211.

вещей XI—XII вв.¹ Встречаются они и в могильных инвентарях во Владимирской и Московской обл., где характерны для вещевых комплексов того же времени². Характерна деталь отделки браслетов — украшение их наставками. Для этого петли на концах расковывались и на них припаивалось гнездо из узкой, поставленной на ребро металлической ленточки, согнутой треугольником. В гнездо вставлялся „глазок“, чаще всего пастовый или стеклянный. Из-за непрочности припоя все „гнездо“ с глазком обычно встречалось отдельно от браслета. Эта деталь отличает найденные браслеты от типично кривичских и вообще славянских витых браслетов, у которых концы всегда свободные. Кроме витых, найден браслет из массивной узкой, расширенной к концам пластины. Поверхность его украшена „глазковым“ орнаментом (рис. 71—2). Все перечисленные типы браслетов характерны для славян, в частности для кривичей; они встречаются в большом числе в Смоленской, Калининской, Владимирской и Московской обл. Время их бытования XI—XII вв.

Перстней найдено всего три. Один — из погребения № 1, так называемый „усатый“ широкосрединный, орнаментированный (рис. 71—4). Этот тип был распространен в XI в. и у славян и у неславянских народностей Волго-Окского междуречья³. Другой перстень — из погребения № 4, серебряный пластинчатый; он относится к тому же типу „широкосрединных“, что и описанный выше. Этот тип бытовал длительное время преимущественно в славянской среде; наибольшее число находок их относится к XI в. Третий перстень — массивный литой, несомкнутый, имитирующий проволочную косоплетку (рис. 71—11). Тип не характерен для украшений славян, он был широко распространен у неславянских племен Поволжья и Прикамья. В литье имитируется так называемая „наборная“ техника ювелирных изделий муромы и мери.

Подвесками к поясу служили разнообразные литые зооморфные фигурки, являвшиеся, повидимому, оберегами. Фигурки изображали уток и коньков и были выполнены в типичной технике плоского литья с прорезями (рис. 71—1, 12, 13). Этот тип был распространен в XI—XII вв. в северо-восточных районах и особенно среди населения, оставившего костромские курганы⁴. Указанные фигурки представляют тот „нерусский“ (мерянский) элемент, который особенно ярко выступает в могильных инвентарях костромских и ивановских курганов.

К той же категории предметов относится и найденная в Зубаревском могильнике коньковая привеска так называемого „владимирского“ типа, выполненная наборной техникой из проволочной косоплетки с шумящей бахромой из округло-конических привесок (рис. 71—18). Аналогичные или близкие ей типы найдены при раскопках владимирских и ивановских курганов⁵.

В числе предметов с зооморфными изображениями следует упомянуть интересное навершие из меди или бронзы в виде короткой массивной цилиндрической втулки, завершенной головкой грифона (рис. 71—3). Низ ободка втулки и головка грифона окаймлены рельеф-

¹ Х. Моора. Первобытный общественный строй и раннефеодалное общество на территории Латвийской ССР. Рига, 1952, стр. 165.

² МИА, № 7, 1947, стр. 84, рис. 5.

³ Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, в. 25, 1901, табл. XXVI, рис. 8, 9; А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, в. 15, 1905, рис. 257, 299, 311. Муромские перстни обычно имеют пять витков и могут быть названы „спиральными“.

⁴ Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губ. МАВГР, т. III, 1899, табл. 17, рис. 9, 11, 14, 15, 18, 19.

⁵ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, в. 15, 1905, стр. 160.

ной насечкой. После отливки вещь подверглась обработке резцом, следы которого отчетливо видны на поверхности. Как самый образ и его трактовка, так и детали отделки (рельефная насечка) связывают эту вещь с образцами из Прикамья, где подобные изображения имеют древнюю традицию¹. Описанная вещь была получена в числе случайных находок, к которым также относятся небольшое, хорошо отделанное шиферное пряслице, серебряная овальная пряжка с расширенным у основания язычком (рис. 71—6) типа найденных во владимирских курганах², биллоновое поясное кольцо и несколько железных предметов — ножи, наконечники стрел и топоры. Все ножи отличаются малыми размерами и сильной сточенностью лезвия.

Большой интерес представляет керамика Зубаревского могильника. Как уже говорилось, обнаруженные сосуды представлены вылепленными от руки горшками чрезвычайно характерной и устойчивой формы. Ее отличительная особенность — широкие пропорции, приземистость, широкое устье и слабо выраженный переход стенок в днище, что в некоторых случаях производит впечатление круглодонности (рис. 70—10, 11). Аналогичная посуда встречена в Сарском³ и Хотимльском⁴ (мерянских) могильниках, в отдельных погребениях Михайловского и Б. Тимеревского (ярославских) могильников⁵. Подобный тип посуды найден также при раскопках Костромских курганов⁶, в которых, как указано выше, особенно ярко проявляются элементы дославянской культуры. Этот тип посуды характерен для мери. Следует напомнить, что именно данный тип керамики чрезвычайно характерен и бытует на протяжении двух тысячелетий в Прикамье. В приведенной М. В. Талицким сравнительной таблице керамики ананьинской, ломоватовской и болгарской эпох Прикамья наглядно видна устойчивость этого типа, бытующего там почти до XV в.⁷

Керамика — один из самых устойчивых и надежных племенных признаков. Это дает право, с одной стороны, считать, что исследованный Зубаревский могильник принадлежал летописному племени мере⁸, а с другой — отметить черты племенного сходства ее с населением Прикамья.

Наличие курганного ритуала погребений, характерного для славян и чуждого мере, для которой типичны грунтовые могильники, свидетельствует о глубоких изменениях в погребальных обрядах этого племени. Эти изменения могли произойти в результате длительного общения со славянами. Самая конструкция курганных насыпей, сплошь вымощенных

¹ МАВГР, т. III, 1899, стр. 53. Сходный с описанным предмет находился в коллекции А. С. Уварова. Место находки неизвестно. Головка грифона изображена условно, детали обобщены. Вся вещь носит отпечаток позднего подражания. Датируется А. А. Спицыным без аргументации XIII—XIV вв. ИАК, в. 13, стр. 126.

² А. А. Спицын. Владимирские курганы, стр. 147, рис. 251 (приблизительно сходный тип).

³ Коллекция Ростовского музея.

⁴ Б. Н. Граков. Краткий отчет об археологическом обследовании р. Тезы. Третий год деятельности Ив.-Возн. научн. о-ва краеведения, 1926. Иваново-Вознесенск, 1927, стр. 38, рис. 18.

⁵ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—XI вв. МИА, № 6, 1941, табл. 2, рис. 5.

⁶ П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Изв. ГАИМК, т. X, в. 6—7, 1931, стр. 28.

⁷ М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, стр. 75.

⁸ Следует оговориться, что различия в культуре мери и веси, особенно в смежных пограничных районах, видимо, были мало заметны. Что касается языка, о нем мы не имеем данных. Поэтому мы говорим о мере, подразумевая в какой-то степени смешанное население.

камнем, несомненно заимствована у славян. Ближайшие аналогии мы встречаем в верхневолжских славянских (кривичских) могильниках¹.

Находки больших проволочных височных колец с завязанными концами и других украшений, типичных для инвентаря тверских и смоленских курганных могильников X—XII вв., свидетельствуют о длительном и тесном контакте шекснинской мери со славянскими племенами и именно с кривичами. Но наряду с этим, как мы видели выше, здесь сохранились многие этнические черты местного дославянского населения. К ним относится неустойчивость ориентировки погребений, костюм, не утративший еще „мерянских“ черт, проявляющихся в обычае носить в качестве украшений зооморфные привески, и, наконец, типичная мерянская лепная глиняная посуда, которая в районах, подвергшихся сплошной славянизации в XI—XII вв., повсюду сменилась гончарной славянской. Из этого можно заключить, что процесс ассимиляции, обрусения шекснинской мери, несмотря на давние связи со славянами, не зашел глубоко. В то время как в центре мерянской территории, в Ростово-Суздальской земле, к концу XI—началу XII в. мы застаем уже почти сплошь русское население, на ее окраинах, в стороне от бурных событий общественно-политической жизни XI в., меря надолго сохранила свои этнические черты в материальной культуре и, повидимому, свой язык².

Еще в конце XIX в. „пошехонцы“³ обращали на себя внимание этнографов особенностями быта и языка. „В пошехонцах финская помеся гораздо значительнее, чем в других ярославцах“, — говорится в „географическом описании нашего отечества“⁴. На месте современного города Пошехонно-Володарска в конце XVII в. находился административный центр всего Пошехонья — село Пертома, видимо со смешанным населением, в котором мерянский элемент играл еще значительную роль. Было бы правильнее говорить о меряно-весском элементе, так как Пошехонье было пограничной зоной между землями мери и веси, где население было, несомненно, смешанным.

Район Пошехонья представляет большой интерес в историко-географическом отношении. Он лежит как бы на перекрестке двух больших водных путей. Река Шексна связывала Верхнее Поволжье с Белозерьем — страной летописной веси, а ее крупный левый приток р. Согожа своими верховьями близко подходит к бассейну верхней Сухоны (р. Вологде). Водный путь Сухона-Вычегда-Сысола-верхняя Кама — древнейший путь, который, наряду с волжским, связывал северные лесные области Восточной Европы с Прикамьем. Путь этот отмечен находками кладов восточных монет конца I тысячелетия н. э. Один из кладов найден в устье р. Сысолы, в окрестностях г. Сыктывкара (Устьсысольск). Монеты клада датируются серединой X в.⁵ Второй клад найден где-то в пределах б. Вологодской губ. и уезда, т. е. в верховьях р. Сухоны⁶, и, наконец, третий — на верхней Шексне, в б. Череповецком уезде⁷. Последний содержал 26 диргемов, датиро-

¹ Я. А. Ушаков. Раскопки в Мышкинском уезде 1887 г. Тр. VII АС, т. I, 1890, стр. 25.

² Впрочем, в самом городе Ростове в это время существовал „чуждый конец“, населенный мерей, а из жития ростовского епископа Леонтия (конец XI в.) мы знаем, что он, в целях успеха своей миссионерской деятельности, принужден был изучить мерянский язык.

³ Старое народное название р. Шексны — Шёхна; отсюда, возможно, и название пошехонье, пошехонцы.

⁴ „Россия“, т. I. Под ред. В. П. Семенова. Изд. Девриена, СПб., 1899, стр. 355.

⁵ А. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, № 30, стр. 6.

⁶ Там же, № 31.

⁷ Там же, стр. 28, № 155.

ванных VIII и IX вв. С верховьев Шексны и Белого озера восточные монеты проникали в Новгородскую землю и Прибалтику. Как показывает топография кладов, этот путь продолжался и в Поднепровье. В районе г. Череповца, кроме монет, в одном могильнике найдены великолепное блюдо и чаша с арабскими письменами¹.

Скудость наших знаний следует объяснить малой исследованностью наших северных рек. Несомненно, однако, что восточные монеты в северо-западные районы проникали именно этим северным речным путем. В этой связи очень интересна находка диргема в Зубаревском могильнике, расположенном близ устья р. Согожи, т. е. на ответвлении сухоно-вычегодского пути.

Интересно также отметить, что на отрезке волжского пути от впадения Оки до Ярославля совсем не известно находок восточных монет. Путь, которым они массами проникали в Ростовскую обл., лежал, видимо, по Оке и Клязьме. На верхний плес Волги они могли попадать через Ростовское и Переяславское озера и Нерль Волжскую. Не исключено также, что торговые связи с востоком, о которых красноречиво свидетельствуют находки арабских и туркестанских монет на Сарском городище, могли осуществляться и северным шекснинско-сухоно-вычегодским путем. Этот северный путь интересен и в плане выяснения путей, по которым осуществлялись торговые связи Камской Болгарии с волго-окским и заволжскими районами. Он значительно старше и, наряду с рекой Волгой, был торной дорогой, связывавшей еще в ананьинскую эпоху население двух отдаленных друг от друга районов — Прикамья и Верхнего Поволжья². В результате древних связей, не прекращавшихся и в более поздние эпохи, и возникла этническая общность, которая обнаруживается и в материальной культуре, и в идеологии населения названных областей. Одним из проявлений этой общности можно считать, как мы видели, общность традиций в изготовлении керамики, которые на окраинах мерянской земли доживают до XII в., т. е. до того момента, когда собственно „мерянскую“ сменяет русская гончарная посуда. В Зубаревском могильнике это выражено особенно четко. Ни среди подъемного материала из разрушенных могил, ни в исследованных нами курганах не было найдено ни одного черепка глиняной посуды, сделанной на гончарном круге. В центральных же районах Ростово-Суздальской земли к этому времени повсеместно вошла в употребление гончарная посуда славянского типа³.

Резюмируем кратко выводы, которые позволяет сделать небольшой материал раскопок Зубаревского могильника.

1. Зубаревский могильник является погребальным памятником летописного племени мери.

2. В погребальном инвентаре, особенно в курганном обряде погребения умерших, а также в конструкции курганных насыпей отразилось длительное общение мери со славянскими племенами, из которых первыми колонизаторами Пошехонья были кривичи. Однако это общение не привело шекснинскую мерю к полному обрусению. В XI — начале XII в. (время существования могильника) меря в значительной степени сохраняла свои племенные черты в материальной культуре и, очевидно, в языке.

¹ Находка хранится в Череповецком музее, о чем любезно сообщила Л. А. Голубева.

² А. В. Эбруева. Прикамье в ананьинскую эпоху. МИА, № 30.

³ Атлас к работе А. С. Уварова „Меряне и их быт по курганным раскопкам“, табл. XXVI и XXVII.

3. Материал могильника, особенно керамика, позволяет установить племенное родство мери с населением Прикамья. Зубаревский могильник находится на отрезке древнейшего водного пути (сухоно-вычегодско-камского), по которому шли оживленные сношения северо-западных областей Восточной Европы с Прикамьем еще в ананьинское время. Находки кладов восточных монет свидетельствуют о том, что путь не потерял своего значения и в конце I—начале II тысячелетия н. э.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Курган № 1. Площадка диаметром 6,5 м, вымощенная галечником разной величины. Уровень погребенной почвы под сохранившимся слоем насыпной земли залегал на глубине 0,36 м. Насыпь сложена из иловатого, очень влажного суглинка с большой примесью мелкой речной гальки. Костяк находился в центре под насыпью, на уровне погребенной почвы. Ориентировка головой на запад-юго-запад. По обеим сторонам погребения лежали крупные валуны. Костяк, судя по фрагментам длинных костей, подростка, сильно деформирован; отдельные кости смещены и лежали в беспорядке. Левая рука была, повидимому, вытянута вдоль туловища. У левого бедра найден пластинчатый серебряный „усатый“ перстень, орнаментированный по краю пластины штампованными треугольниками (рис. 71—4). На перстне сохранился клочок овечьей шерсти, повидимому, оторочки рукава зимней меховой одежды. Правая рука была также вытянута. В области предплечья лежал медный (латунный?) браслет из довольно массивной пластины, расширенной к концам и украшенной по всей поверхности глазковым орнаментом (рис. 71—2). У правой ступни железное калачевидное кресало и кремь; слева, у пояса, железный нож, распавшийся на отдельные куски. На некотором расстоянии от костяка, слева и несколько выше, в насыпи находился лепной горшок широкой приземистой формы с закругленным дном (рис. 70—10).

Курган № 2. Диаметр выложенной галечником площадки 8,1 м. Насыпь размыта до основания. Непосредственно под центром каменной вымостки обнаружены лежащие в беспорядке кости человеческого скелета, потревоженного раскопками школьников. В северо-восточной поле кургана, в 1,7 м от погребения, найдены фрагменты двух лепных горшков с пальцевыми вдавлениями по нижнему краю стенок, округло переходящих в днище.

Костяк, видимо, мужской. Рядом с грудой костей обнаружен топор (рис. 70—7) с двумя железными клинышками, которые были вбиты в древко топорика, два небольших ножа (рис. 70—7-8), из которых один сломан, расколота пополам вдоль кость свиньи с 26 поперечными зарубками (бирка?) и арабский диргем с выщербленными краями. Диргем, вероятно, лежал слева у пояса (возможно, в кармане).

Курган № 3. Диаметр площадки, вымощенной галечником, 4,6 м. На глубине 5 см, в центре, найдены обломки раздавленного лепного глиняного горшка. Ниже, на глубине 12 см от поверхности, на уровне погребенной почвы, слежавшийся слой хвои. В южной стороне найдено два железных наконечника стрел (рис. 70—3). Никаких признаков человеческого скелета не обнаружено.

Курган № 14. Диаметр площадки, вымощенной крупным валунным камнем и мелким галечником, 6,4 м. Насыпь пронизана корнями росших на ней елей, вследствие чего сохранилась несколько лучше остальных. Первоначальная высота кургана около 1 м. Насыпь состоит

из суглинка, насыщенного речной галькой. На глубине 5 см в западной поле кургана найдены обломки лепного глиняного горшка красного обжига с обильной примесью дресвы в тесте. Днище с сильно закругленными краями. Древний горизонт — на глубине 30 см от современной поверхности. На этом уровне обнаружены остатки разрушенного детского скелета, ориентированного головой на восток-юго-восток. Рядом с ним найден витой медный браслет с треугольными наставками на концах и кусочек шерстяной ткани.

Курган № 21. Диаметр площадки, покрытой крупными и мелкими валунами, 6 м. На поверхности следы трех ям. На глубине 30 см, на уровне древнего горизонта, обнаружен женский скелет в вытянутом положении, ориентированный головой на восток. Кости плохой сохранности. Череп несколько смещен в сторону. В области шеи найдена массивная витая медная гривна (рис. 71—10) и ожерелье из 13 бочонковидных и цилиндрических стеклянных бус (рис. 71—15). Проволочным колечком к ожерелью прикреплена подвеска в виде овальной чуть выпуклой медной пластинки (рис. 71—19). На каждой руке по браслету: на правой — витой тройной, на левой — плетеный из нескольких тонких проволок с завязанными концами, так называемого „западного“ типа. У левого плеча небольшой медный шаровидный бубенчик с одной прорезью.

Курган № 24. Диаметр площадки 6 м. Погребение нарушено. Костей скелета не обнаружено. Найдены лежавшие в беспорядке вещи, обычные для мужских захоронений, — два железных наконечника стрел (один в обломках) и топор с щековицами (рис. 70—2).

А. Л. ЯКОБСОН

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОНЧАРНЫЕ ПЕЧИ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Ремесленное производство средневековой Таврики очень слабо изучено. Между тем исследование его, и прежде всего археологическое, существенно поможет понять процесс экономического развития края. В связи с этим исключительное значение приобретают гончарные печи близ сел. Морского Судакского района, исследование которых начато Крымским филиалом АН СССР в 1952 г. Значение печей определяется не только тем, что они относятся к VIII—IX вв., т. е. к самому неизученному и темному периоду истории Таврики. Исследование этих памятников очень важно для выяснения уровня техники гончарного производства в Крыму того времени и изучения местных традиций гончарного дела. Печи интересны и тем, что они образуют большой производственный комплекс, сконцентрированный на ограниченной площади, притом вне связи с каким-либо значительным средневековым поселением. Это ставит важнейший историко-экономический вопрос о рынке сбыта гончарной продукции.

Разумеется, небольшие по объему работы 1952 г. не могли дать материал для ответа на все эти вопросы, но для постановки их раскопки дали очень много.

Гончарные печи расположены цепочкой преимущественно на северо-восточном и юго-западном краях продолговатой возвышенности, идущей вдоль моря и находящейся в 5 км к западу от сел. Морского. С юго-западной стороны возвышенность прерывается поймой речки. За речкой возвышается холм, на северо-восточном крае которого также находились печи (рис. 72). Остатки печей большей частью ясно выделяются наличием пережженных кирпичей, местами выступающих кладок, и мощными завалами битой керамики, залегающей сплошными слоями. Такого рода скопления керамики наблюдаются главным образом по соседству с печами; они, очевидно, связаны с ними и представляют собой выброс брака и керамического лома. Всего нами зарегистрировано более 20 остатков печей различной сохранности.

Была раскопана одна печь (№ 5) довольно больших размеров¹. Она состояла из двух, вероятно одинаковых, половин, из которых уцелела лишь одна и часть другой. Сохранившаяся часть представляет прямоугольное сооружение размером 4,25×2,65 м, сложенное из сырцовых

¹ Работы произведены в 1952 г. отрядом археологической экспедиции Крымского филиала АН СССР под руководством В. П. Бабенчикова. Раскопку печей вел А. Л. Якобсон при участии Н. П. Кацура.

кирпичей на каменном основании, на котором базируется вся лежащая выше конструкция (рис. 73—1-2).

Была вскрыта топочная камера, сохранившаяся на высоту 1,6 м. Камера заключала в себе продольный канал шириной 0,6 м и перпендикулярно отходящие от него пять поперечных узких каналов, почти одинаковых по ширине (0,2—0,3 м), начинающихся на высоте 0,9 м от основания продольного. Профиль подъема их одинаков, кроме канала

Рис. 72. Схематический план расположения гончарных печей (по буссольно-глазомерной съемке Н. П. Кацура):
 а — остатки гончарных печей (1—22 — номера печей); б — находки цемьявки; в — каменная кладка; г — место добычи глины.

№ 5, который круче остальных. Дно их обмазано глиной. Через продольный канал перекинута четыре клинчатые арочки (сохранились две). Они соединяли кирпичные ограничивающие каналы массивы с противоположной стеной печи. В канале № 5 найдены бракованные и слепившиеся куски недообожженных (бурого цвета) амфор. С западной стороны печи находилась топка с устьем в 1 м шириной (рис. 74—2); довольно хорошо сохранилась часть глинобитного сводика и плотное глинобитное основание топки.

Вся эта часть печи — ее топочная камера — имела плоское перекрытие, служившее подом лежащей выше обжигательной камеры. Остатки пода местами сохранились. Топочные газы, распространяясь от топки

по каналам, проходили в обжигательную камеру через жаропроводные круглые отверстия (прогары) в поду, расположенные рядами над поперечными каналами. Куски обмазки отверстий оказались в завале печи. Судя по кускам, диаметр прогаров был равен 13—15 см. Между этими прогарами и расставлялись предназначенные для обжига изделия.

От самой обжигательной камеры ничего не сохранилось. Исходя из аналогии и смысла дела, можно полагать, что она представляла собой сводчатую камеру с широким отверстием, через которое вносили и расставляли для обжига обсушенные изделия.

Сложена печь, как указано, из сырцового кирпича (обожженным он стал в процессе эксплуатации печи). Кирпичи спеклись и слились, поэтому швы большей частью незаметны. Размер кирпичей $20 \times 22 \times 13,5$ — 15×13 —15 см. Следует отметить одну особенность кладки: пилоны между каналами сложены не горизонтальными рядами, а наклонными (в сторону продольного канала), как бы повторяя наклон профиля каналов. Особенно хорошо это заметно на стенах канала № 1. Эти наклонные ряды кирпичей представляют как бы продолжение клинчатой арочки над продольным каналом.

Вся печь, судя по ее нижней части, была заключена в каменный кожух — обкладку из крупных необработанных камней-булыг, как это было сделано и в средневековых гончарных печах Херсонеса¹. Часть обкладки с северной стороны разрушена современной ямой, с восточной — обвалилась в море.

Любопытно, что в юго-восточном углу печи (канал № 1), на глубине 0,9 м от верха ее, на плотном глинистом полу оказались кости барашка (ребра лежали в порядке, остальное проследить не удалось); кости находились в состоянии трухи. Возможно, что это остатки жертвенного животного, положенного в основание печи при ее закладке и как бы освящавшего ее.

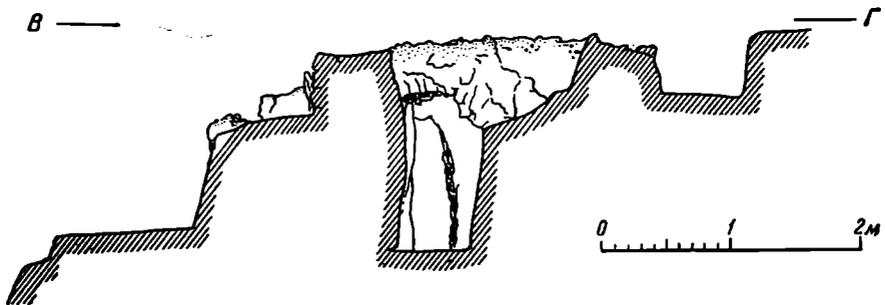
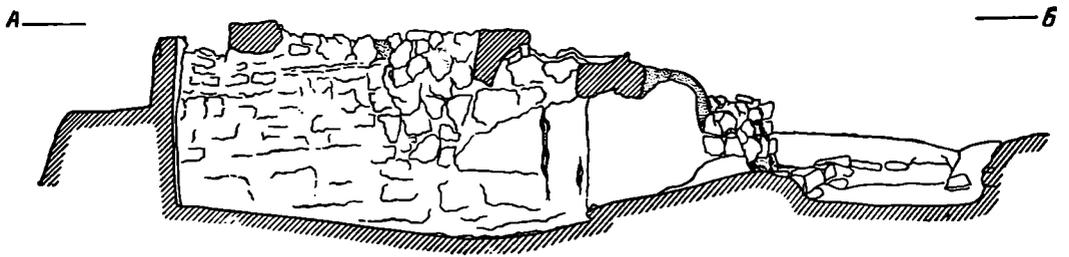
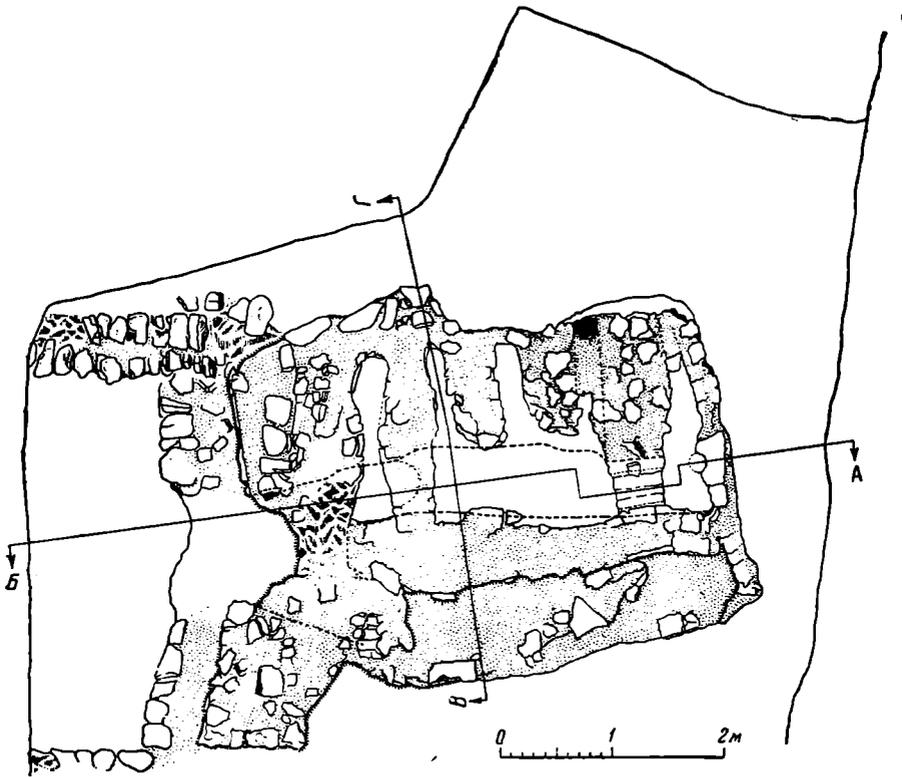
Таким образом, нами раскрыта довольно цельная по своему устройству гончарная печь. Однако она составляла, как сказано, лишь половину более сложного производственного сооружения. Раскопки установили, что от топочного устья канал раздваивается: один из них является продольным для раскопанной печи, другой ведет в соседнюю, смежную, вероятно аналогичную по планировке и устройству. Получается, что топка обслуживала сразу две печи, или, вернее, две симметричные половины одной большой гончарной печи, разделенной стенкой 0,5 м ширины. К сожалению, от смежной части сохранился лишь небольшой кусок пода, остальную обрुшилось в море.

Аналогии исследованной нами „двойной“ печи мы пока не можем привести, хотя в общей форме устройство раскопанной части было, повидимому, обычным для средневековых печей Северного Причерноморья. Достаточно напомнить две почти одинаковые черепицеобжигательные печи XI—XII вв. в Херсонесе с той же системой продольного и поперечных каналов и приблизительно тех же общих размеров². Правда, херсонесские печи внутри овальные и поперечных каналов в них меньше (в одной три, в другой четыре). Ближе к раскопанной нами — печь в сел. Мадара (Болгария) IX—X вв., также прямоугольная (внутри и снаружи) и также с пятью поперечными каналами и с двумя продольными³. В свою очередь устройство этой печи, несомненно,

¹ См. А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, № 17. 1950, стр. 155.

² А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 155 и сл.

³ А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 161.

2

Рис. 73. План и разрезы гончарной печи № 5.

связано с более древней, еще античной традицией, о чем свидетельствуют печи позднеримского времени, открытые в западной Германии (в Вейзенау)¹, в которых, кстати сказать, имеется и продольная стенка, разделяющая топочную камеру, как в описываемой нами, с той лишь разницей, что там эта стенка не сплошная, а короткая, но вся печь в Вейзенау меньших размеров и примитивнее. Подобное устройство гончарных печей, несомненно, практиковалось и в позднеантичной Таврике². Техническая традиция устройства таких печей сохранялась и в средние века, чему доказательством служат печь близ сел. Морского и упомянутые печи Херсонеса.

Устройство печей, конечно, технически совершенствовалось, что очень хорошо можно видеть на примере печи у сел. Морского, представляющей большое и сложное сооружение, более сложное, чем предшествующие ей античные печи Таврики. Однако проследить процесс этих изменений, произошедших в средние века, пока невозможно, так как соответствующий материал только начинает накапливаться: известны всего лишь три средневековые гончарные печи в Крыму, и все они открыты недавно — в 1940 и 1952 гг.

Перейдем к самой продукции гончарных печей близ сел. Морского. Огромные завалы битой керамики почти сплошь состоят из обломков бороздчатых амфор так называемого салтовского типа, относящихся к VIII—IX вв. (рис. 75)³. Нет сомнения, что в гончарных печах близ сел. Морского обжигались именно амфоры. Куски их (некоторые от бракованных сосудов) найдены и в завале вновь раскопанной печи, которая, повидимому, также предназначалась для изготовления амфор.

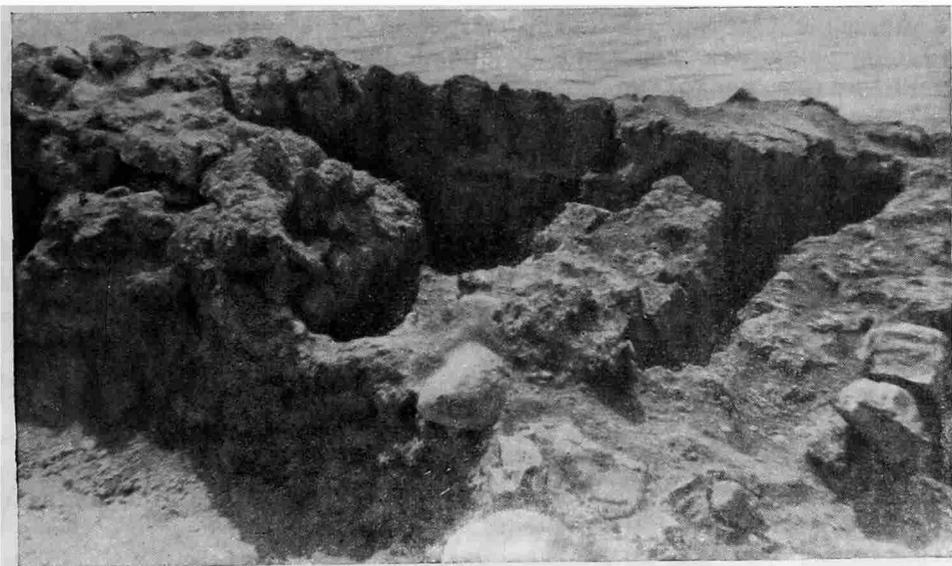
Следует подчеркнуть однородность и однообразие керамического материала из завалов — и в смысле типов, и в смысле хронологии. Ясно, что завалы накопились за сравнительно короткое время интенсивной эксплуатации печей. Это ведет к заключению, что печи функционировали лишь в течение одного исторического периода — в VIII—IX вв.: среди массы керамического материала из завалов рядом с печами находок, относящихся ко времени более позднему, чем IX—начало X в., или более раннему, чем VIII в., не обнаружено.

Кроме амфор, составляющих подавляющую часть гончарной продукции, здесь, судя по материалам из тех же завалов, выделялись большие плоскодонные сосуды с широким вертикальным венчиком, напоминающие по форме большие сероглиняные лощеные сосуды из нижних слоев Саркела и других одновременных поселений на Дону, встреченные также и в средневековых слоях Тиритаки. Производились здесь, возможно, и круглые фляги с горлышком и ручками наподобие амфорных. Такие фляги хорошо известны из поселений Нижнего Дона; они встречаются в нижних слоях Саркела (IX—первая половина X в.); одна такая фляга хранится в Новочеркасском музее. Большой интерес представляют несколько находок сероглиняной посуды с рисунком, выполненным росписью в виде толстых красных дуговидных полос, проведенных кистью, и крупных точек; размер обломков, правда, не позволяет уловить рисунок росписи в целом, но все же дает достаточное представление о характере орнаментации сосуда. В качестве ближайшей

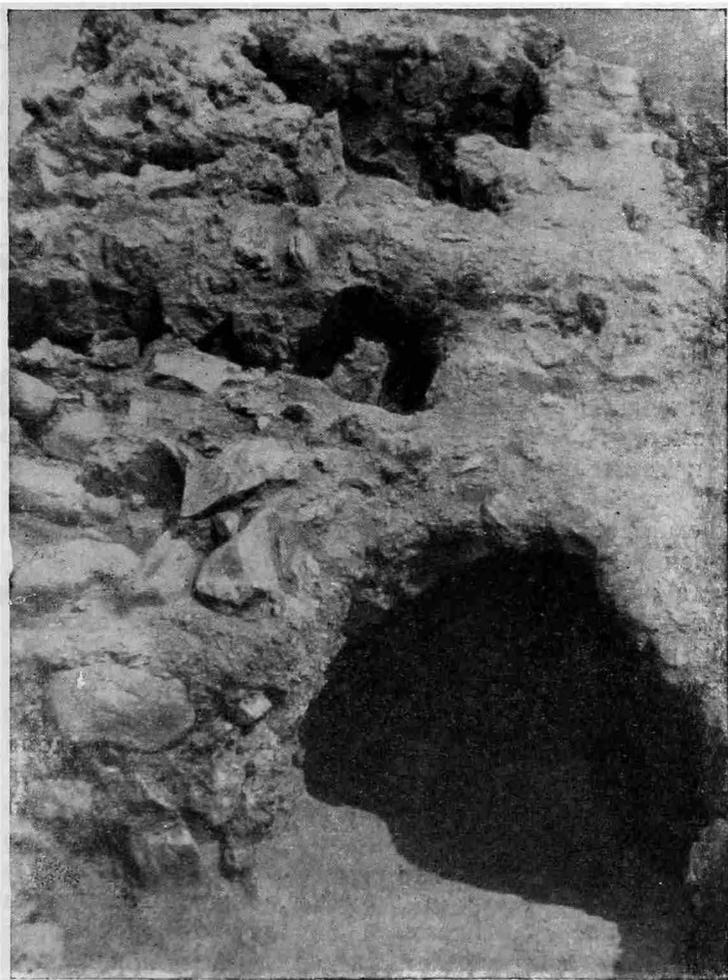
¹ Mainzer Zeitschr., VIII—IX, 1913—1914, стр. 129.

² В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. Изв. ГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 104—108.

³ См. нашу статью о средневековых амфорах Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 331, рис. 4.

1

2

Рис. 74. Гончарная печь № 5.

1 — общий вид с северо-западной стороны; 2 — общий вид печи с западной стороны; на переднем плане устье топочной камеры.

аналогии можно назвать керамику с такой же росписью из могильника близ Ладзы в Осетии¹.

Однако вся эта керамика в сравнении с амфорами представлена в очень малом числе, из чего можно заключить, что производство ее было весьма ограничено, если она вообще не являлась привозной. Основную продукцию гончарных печей составляла домашняя тара — амфоры. Судя по отдельным находкам, не исключено, что производились и пифосы, но утверждать это пока невозможно.

Большое количество обжигательных печей, сосредоточенных в одном месте, дает основание говорить о наличии здесь ремесленного центра

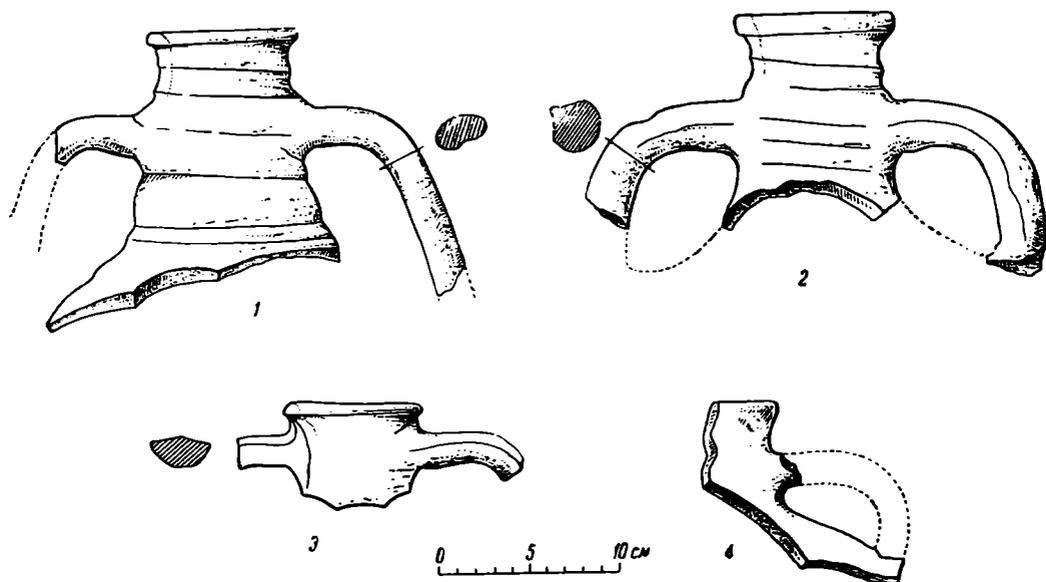

Рис. 75. Фрагменты амфор из керамических завалов,

с большим, по масштабам средневековья, гончарным производством. Конечно, вряд ли все зарегистрированные печи (рис. 72) действовали одновременно. Устройство их таково, что вновь возвести печь было проще и дешевле, чем капитально отремонтировать обветшавшую, вышедшую из строя. Ее, вероятно, забрасывали, а рядом строили новую. С расширением раскопок удастся, возможно, выяснить и относительную хронологию печей. Но уже и теперь ясно, что по крайней мере часть их действовала одновременно. Материал будущих раскопок, несомненно, позволит составить более полное представление и об объеме продукции.

На какой рынок рассчитана была эта продукция? В ближайших окрестностях сел. Морского пока не найдено следов какого-либо крупного средневекового поселения, где могли бы сбываться производившиеся здесь гончарные изделия. Лишь на восточном склоне возвышенности, которую занимает башня феодального замка XV в. (так называемая Чобан-куле), обнаружены следы отдельных древних построек, сопровождаемые керамикой того же салтовского типа (главным образом обломки бороздчатых амфор и кувшинов с плоскими ручками). Аналогичная керамика встречается и у подножья той же возвышенности — почти у самого моря, в ближайшем соседстве с печами, где, однако, построек не сохранилось, так как площадь распаивается.

¹ МАК, т. 8, 1900, стр. 168, табл. LXXIII, 1 и LXXIX, 6.

Разумеется, до организации сколько-нибудь полных раскопок исторические заключения преждевременны, но все же некоторые предположения можно высказать. По имеющимся данным, весь большой комплекс печей расположен вне связи с тем или иным большим поселением, иначе говоря, расположен изолированно. Размещение печей в данном месте диктовалось, очевидно, благоприятными естественными условиями: наличием хорошего сырья (глины) и воды (здесь протекала речка).

Изолированное положение этого своего рода ремесленного центра наводит на мысль, что гончарная продукция отсюда развозилась, очевидно, морем. Иными словами, продукция гончарных печей близ сел. Морского была рассчитана не на узко местный рынок, а на широкий сбыт в районе восточной Таврики, в тех крупных и мелких поселениях, которые уже известны в прибрежной полосе между Судаком и Керчью.

Напомним, что, начиная приблизительно со второй половины VIII в., в восточной Таврике возрождается жизнь, прерванная гуннским разгромом. После того как схлынула волна гуннского нашествия, Боспор оказался в руках Византии, безраздельно господствовавшей здесь в VI в. В следующем столетии, в возобновившихся тогда войнах с персами и в борьбе с арабами силы империи ослабели, но все же византийская власть на Боспоре продержалась, повидимому, до 70—80-х годов VII в., когда районы Прикаспия, Приазовья, а затем и большую часть Таврики захватили хазары¹. Византия и хазары тормозили экономику и развитие культуры края, который собственно только во второй половине VIII в., с ослаблением хазарского государства и освобождением от византийской зависимости, вновь начал оживать и развиваться. На развалинах разгромленных гуннами античных городов именно в это время, во второй половине VIII в., возникают новые поселки: в Тиритаке и по соседству с ней — в Мирмекие и Илурате и на Таманском полуострове (Фанагория, Таматарха); быстро развиваются такие поселения, как близ сел. Планерского, также, вероятно, на месте какого-то античного города. О больших размерах и населенности средневекового поселения у Планерского свидетельствует хотя бы раскопанный недавно огромный храм-базилика. В 80—90 км к востоку от сел. Морского находилось торжище Партениты, о чем сообщает „Житие Иоанна Готского“.

В то же время западный район Таврики, и прежде всего его центр Херсон, находился, по отзывам современников, в глубоком упадке.

Вновь развившиеся города и поселки восточной Таврики и вызвали, очевидно, усиленную потребность в домашней таре и посуде вообще, что дало толчок развитию местного гончарного ремесла, нашедшего теперь обширный рынок сбыта. На эти новые поселения, надо думать, и рассчитана была продукция гончарных печей близ сел. Морского.

На рубеже IX и X вв. или в начале X в. восточные районы Таврики снова вступили в полосу упадка; жизнь в названных городах и поселках обрывается, о чем убедительно свидетельствует археологический материал. Вероятнее всего это было связано с нашествием новых пришельцев — печенегов, появившихся в степях Северного Причерноморья в начале X в. Видимо, уже тогда они совершали свои набеги и на восточную Таврику, а в середине того же столетия место обитания одного из печенежских племен Константин Багрянородный указывал

¹ По рассказу византийского писателя Феофана, в конце VII в. хазарские наместники — тудуны — уже сидели на Боспоре и Фанагории. С другой стороны, и Дорос (нынешний Мангуп близ Херсонеса), куда бежал сосланный в Херсонес Юстиниан II (в 698 г.), также находился вне сферы византийской власти.

„в соседстве с областью Херсона“¹. В это время прекратили функционировать и гончарные печи близ сел. Морского, поскольку ремесленники лишились теперь рынков сбыта.

Исследование комплекса печей важно и еще в одном отношении. Происходящий отсюда керамический материал указывает, что так называемые салтовские яйцевидные амфоры, столь характерные для городищ восточного Крыма и очень сходные с амфорами из степных городищ того времени на нашем Юго-Востоке (салтовских городищ), производились в Крыму, на месте. Очень вероятно, что из гончарных центров Таврики они и привозились в многочисленные салтовские поселения на Дону и Донце². Раскопки печи дали, таким образом, новое подтверждение тесных связей населения восточной Таврики с носителями салтовской культуры.

Перечисленные факты имеют большое значение для средневековой истории Юго-Востока, включая восточный Крым и Таманский полуостров, и особенно важны для освещения проблемы славянского расселения в Приазовье и проблемы славянской культуры в Крыму. Дальнейшие раскопки гончарных печей близ сел. Морского дадут, несомненно, и в этом отношении ценный материал, не говоря уже об остальных поставленных здесь вопросах, в решении которых этот памятник займет не последнее место.

¹ De adm. imperii, гл. 6. Пер.: Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, т. 91, 1934, стр. 7.

² На это правильно указал И. И. Ляпушкин при обсуждении настоящего сообщения.

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

Н. С. ГАСЮК

РАЗВЕДКИ РАННЕТРИПОЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ У с. МОГИЛЬНА

Территория Гайворонского района Одесской области, расположенного по обеим сторонам р. Южный Буг, обильна курганами. Одно из сел района, благодаря многочисленным курганам на его полях, получило название Могильна. Курганы сконцентрированы группами на ровных плато над долинами Южного Буга и нескольких его безымянных притоков. Кроме больших, немало курганов средней величины и еле заметных возвышений. При разрушении их во время хозяйственных работ обнаруживались скопления огромных каменных плит, лежащих в своеобразном порядке, и другие различные находки. В соседних с Гайворонским районами памятники трипольской культуры обнаружены в Саврани, Сабатиновке, Даниловой Балке и др.

В 1950 и 1951 гг. автор обследовал многочисленные овраги, старые глиняные карьеры, заброшенные силосные ямы вдоль небольшой речки Мошлянки. Им были открыты остатки трипольских поселений. По берегам реки — много ключей, что давало возможность первобытным людям селиться высоко над ее руслом.

Одно из найденных поселений, Могильна I, располагалось, видимо, на опушке древнего приречного леса на правом берегу реки, примерно в полутора километрах к югу от старой границы села Могильны, на расстоянии 0,3—0,4 км от речки. Площадь поселения представляла собой пересеченный многочисленными овражками пустырь, вспаханный осенью 1950 г. под лесонасаждения. Один из овражков перерезал древнее жилище; в разрезе его обеих стенок прослеживалась характерная красная обожженная обмазка, которая обнаружена и в других овражках и на поверхности.

На дне овражков встречались изделия из кремня (ножи, скребки, наконечники стрел и т. п.), раковины разных видов, изделия из кости (проколки, шилья, ложила, украшения из клыков кабана), кости животных, шлифовальные камни, части зернотерок, много обломков разнообразной керамики (рис. 76—1-7).

На поверхности собрано больше десятка обломанных статуэток с углубленным орнаментом и без орнамента (рис. 76—8-9), шлифованные каменные топоры, подставки от миниатюрных сосудов, пластинка из створки раковины с выгравированным на ней изображением (стебель растения и стилизованный орнамент по обеим сторонам стебля).

При вспашке наметились контуры четырех наземных жилищ размером 40 × 4 м, а ближе к речке — следы землянок; здесь собрана кера-

мика и найдена бесформенная сильно окисленная медная пластинка с отверстием. Плугом был вывернут на поверхность кусок сильно

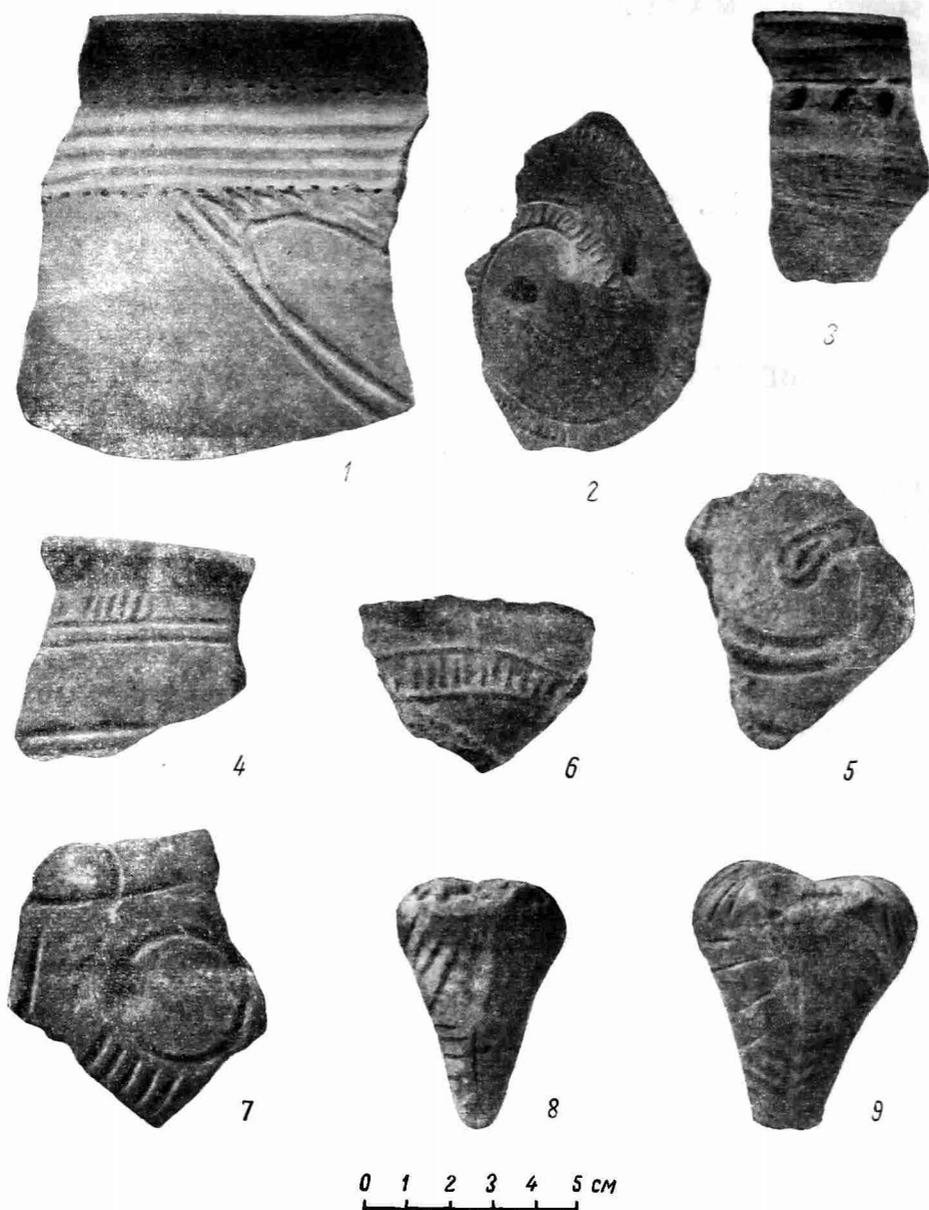

Рис. 76. Фрагменты керамики (1—7) и антропоморфных глиняных статуэток (8—9) с раннетрипольского поселения у с. Могильны.

ошлакованной обмазки со сцементировавшимися с ней обломками керамики.

По форме, материалу и орнаменту керамика и статуэтки почти идентичны находкам С. Н. Бибикова в Луке-Врублевцевкой¹, материалам из

¹ С. Н. Биби́ков. Поселение Лука-Врублевцевкая и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР. СА, XI, 1949.

Сабатиновки, опубликованным Т. С. Пассек¹, находкам Э. А. Симоновича из Даниловой Балки² и находкам из с. Ильинцы Винницкой обл., хранящимся в Одесском музее.

Примерно в 2 км южнее этого поселения найдены куски обмазки, несколько кремневых ножей и скребков, множество фрагментов керамики из крупнозернистого и отмученного теста, сделанной на гончарном круге.

На этой площади в разных местах и в разное время находили мегалитические погребальные сооружения из местного гранита. У самой речки, очевидно, было скифское, а затем славянское поселение.

Трипольское поселение Могильна II находилось выше. Против него в Могильянку впадает небольшой безымянный ручей; приблизительно в километре вверх по течению его на левом, довольно крутом склоне обнаружены остатки поселения Могильна III. Поселение было очень велико (около 20 га). В отличие от Могильны I, где культурный слой залегал на глубине 0,4—0,5 м, здесь глубина залегания была более 1 м. Собраны каменные орудия, изготовленные из разнообразного материала: кремня, разновидностей кварца и из гранита, найдены черепки с отпечатками примитивной ткани и пряслица. Керамика сходна с керамикой поселения Могильна I, но комплекс ее гораздо богаче.

К югу, примерно на середине с. Жакчик, расположенного на левом берегу Могильянки, обнаружены остатки еще одного трипольского поселения, находившегося на расстоянии около 0,5 км от реки. Через территорию поселения в настоящее время проходит дорога из Умани в Саврань.

Подъемный материал невелик — несколько орнаментированных обломков керамики, кремневых пластинок, каменный пестик, куски обожженной обмазки. При рытье колхозниками ям (глубиной 1 м) были обнаружены куски каменной зернотерки, черепки большого сосуда (диаметр горла 60—70 см), статуэтка, изображающая сидящего на стуле человека.

На восток от поселения, примерно в 150—200 м от дороги, высятся курганы средней величины, а дальше — большие курганы.

Очевидно, вся долина Могильянки, вплоть до ее разлива в широкой пойме Южного Буга у села Чемерполя, была густо населена в эпоху позднего неолита. Такую же картину можно обнаружить по долинам других притоков Южного Буга в Гайворонском районе и в прилегающих к нему районах Побужья.

¹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 47—53.

² Э. А. Симонович. Раннетрипольское поселение в с. Данилова Балка. КСИИМК, в. XXXIX, 1951, стр. 104—109.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

КАМЕННЫЕ ИДОЛЫ СЕБЕЖСКОГО МУЗЕЯ

В Себежском краеведческом музее хранятся два каменных идола¹. Находки каменных изображений сравнительно редки, и эти экспонаты Себежского музея представляют безусловный интерес.

Один из идолов вывезен в 20-х годах из Идрицкого района Великолукской обл., где был найден в болоте. Идол представляет собой гранитную голову человека в шляпе. Высота головы 50 см, высота шляпы 17 см и диаметр 35 см. Шляпа с округлой, несколько стесанной справа тульей и прямыми полями². Из-под шляпы выступает широкий лоб высотой 6 см. Два глаза, 2 см длиной, выбиты в виде узких щелок; двумя продольными линиями изображен прямой, толстый, выступающий нос, 6 см длиной. Ниже носа высечена горизонтальная черта рта, 5 см длиной. Лицо идола, выделенное из всей массы камня в виде треугольника, завершалось удлинненным подбородком³ (рис. 77—78).

На территории восточных славян каменные идолы с головными уборами представлены знаменитым Эбручским идиолом и идиолом Новгородского музея⁴. Первый представляет собой четырехликий обелиск с различными атрибутами, второй, крайне примитивный, во многом сходен с идиолом Себежского музея. Оба высечены из гранита, сходство между ними — в типе лиц и надвинутых на лоб шляпах, некоторое различие — в форме головных уборов: у новгородского идола тулья шапки опоясана валиком, у себежского головной убор с довольно широкими прямыми полями.

Свидетельства о распространении антропоморфных языческих изображений на землях восточных славян сохранились в некоторых археологических и письменных источниках.

Наиболее многочисленны находки антропоморфных каменных фигур в Поднепровье. Кроме Эбручского идола, сохранились известия о четырехугольном каменном столбе с изображениями человеческих голов и лошадей. В районе местечка Рогатин находился крест на подставке в виде двух пар человеческих ног. Возможно, что ноги — часть языче

¹ Сведения об обстоятельствах находки идолов любезно представлены директором Себежского краеведческого музея Б. В. Сивицким и работником музея К. М. Громовым.

² Не исключена возможность, что голова — лишь часть фигуры человека. Нижняя часть головы могла быть причленена к другому камню.

³ Черты лица идола обозначены неглубокими линиями, а видимо в позднейшее время с левой стороны острым железным орудием глубоко выбиты буквы Н, В, А.

⁴ Н. Г. Порфиридов. Заметки о двух археологических памятниках Новгородского музея. Новгородский государственный музей. Материалы и исследования, в. I. Новгород, 1930, стр. 31—33.

ского идола, верхняя часть которого была впоследствии стесана. К территории Поднестровья относились также обнаруженные в 1950 г. стелобразные многоликие каменные идолы в с. Иванковцы Ново-Ушицкого района Каменец-Подольской обл.¹

Крупнейшим центром антропоморфных языческих божеств был Киев, о чем повествуют летописи и свидетельствуют остатки капища².

Данные о новгородских языческих идолах и раскопки капища на Перыни, обнаружившие место, где был водружен идол, указывают на

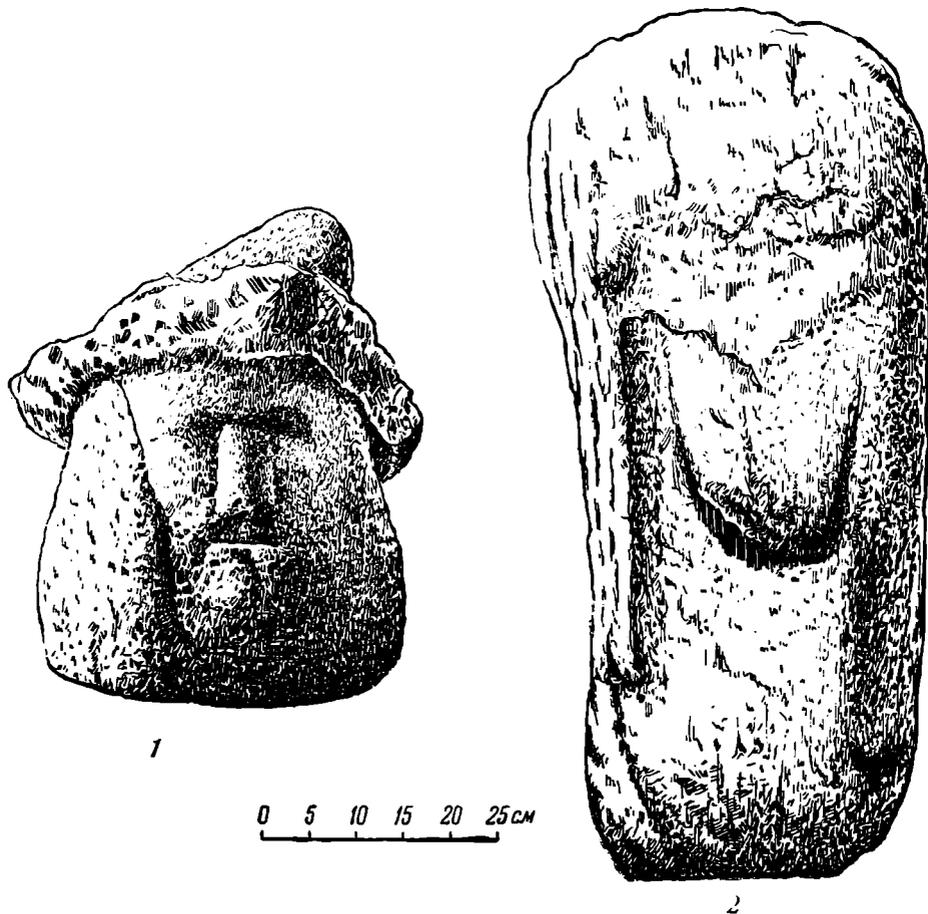

Рис. 77. Каменные идолы:

1 — идол с головным убором; 2 — идол „Пестун“.

третий крупный центр скопления антропоморфных языческих божеств³. Антропоморфные божества, повидимому, почитались и в Ладогe, где в 1948 г. была найдена резная деревянная фигурка бородатого мужчины⁴. Наряду с концентрацией антропоморфных божеств, связанной

¹ Археологическая карта Подольской губ. Труды XI АС, т. I, 1901, стр. 305; W. Antoniewicz. L' badan archeologicznych w gornem dorzeczu Dniestru. Wiadomosci Archeologiczne, т. VI, стр. 98—100; В. И. Довженок. Древнеславянские языческие идолы из с. Иванковцы в Поднестровье. КСИИМК, в. XLVIII, 1952, стр. 136—142.

² ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стр. 67; В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 66.

³ ПСРЛ, т. II, стр. 67; материалы раскопок Новгородской экспедиции ИИМК 1951—1952 гг.; В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. КСИИМК, в. L, 1953, стр. 92—103.

⁴ Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладогe в 1948 г. СА, XIV, стр. 200, рис. 4, 5.

со значительным скоплением масс славянского населения, отдельные „боги“ в виде человеческих изображений встречались и на окраинных территориях славянского мира. Новгородский идол найден на Шексне, к числу антропоморфных каменных изображений принадлежал псковский идол (рис. 78)¹. До нас дошло известие, что Авраамий сокрушил каменного идола Велеса в Ростове². Возможно, что к числу таких памятников язычества окраин восточнославянского мира принадлежал и себежский идол с головным убором.

Как сказано, идол Себежского музея найден в болоте. Места, откуда он вывезен, изобилуют озерами. Сопоставляя обстоятельства находки идола Себежского музея с условиями находок других антропоморфных изображений, убеждаемся, что почти все они обнаружены в воде. Збручский идол получил свое название по реке, где был найден; идол Новгородского музея обнаружен в 1893 г. во время работ по улучшению русла р. Шексны и Белозерского канала; в ручье найден также и Псковский идол. Вряд ли нахождение антропоморфных изображений в воде простая случайность. Это, несомненно, связано с принятием христианства, о чем сохранилось немало письменных свидетельств.

Рис. 78. Псковский идол.

„Добрыня же идола сокруши, древянии сожгоша, а камени изломав в реку ввергоша и бысть нечестивым печаль велика“³. Об архиепископе Якиме говорилось, что в Новгороде он разорил требище, сломал Перуна и бросил в воду⁴. После крещения Руси князь Владимир приказал часть кумиров изломать, другую предать огню. „Перуна же повеле привязати к коневу хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручаи... и привлекеши и вринуша и в Днепр и пристави Володимир рек аще где пристанет Вы то отравяйте его от берега дондеже пороги пройдет тогда охобитесь его“⁵. Также

был свержен в Почайну идол Волоса, стоявший на Подоле в Киеве⁶. Сравнивая обстоятельства находок идолов в воде с текстами летописей, можно рассматривать низвержение языческих идолов в воду как одновременный процесс после принятия христианства. Это была расправа со старыми языческими богами сразу после введения христианства на Руси (988 г.).

Для окраин славянской территории, к которой принадлежало место находки идола Себежского музея, низвержение языческого божества могло произойти и в начале XI в. Таким образом, антропоморфное изображение с головным убором из Себежского музея является, возможно, воспроизведением местного языческого славянского божества,

¹ Этот идол, найденный в ручье близ Пскова, представлял собой грубо изготовленную гранитную фигуру человека 0,7 м высотой, хранился в Псковском музее. Фото идола и сведения о нем получены от П. Н. Шульца.

² А. С. Фамицын. Божества древних славян. СПб., 1884, стр. 33.

³ В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кв. 1, ч. I, стр. 39.

⁴ ПСРА, т. V, 1851, стр. 121.

⁵ ПСРА, т. II, стр. 102.

⁶ Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. СПб., стр. 61.

потопленного в болоте или в бывшем тогда озере в связи с принятием христианства на грани X—XI вв.

Другой каменный идол вывезен из леса близ д. Каменец Себежского района. Это грубо обработанный гранит неправильной стелообразной формы; высота его 0,9 м, ширина 0,45 м, толщина 0,33 м. На камне схематично изображена женская грудь.

На одной стороне идола двумя полосами, 65 см длиной каждая, выступал более светлый и шероховатый гранит (рис. 77—2). Идол назывался у местного населения Пестуном. Население окрестных деревень приписывало этому камню целебную роль. Перед тем как перевязать больное место руки или ноги, бинт клали на этот камень. Возле камня обычно оставляли деньги.

Камни и скалы как ограждение от болезней и мора почитались многими народами, в том числе и славянскими. На Ладожском озере, на острове Коневце под Святой горой, лежал конь-камень, которому еще в XV в. приносили в жертву коня. В б. Ефремовском уезде, на берегу Красивой Мечи, вокруг коня-камня до позднейшего времени совершалось опахивание, чтобы приостановить губительное действие скотского мора. В „Житии“ Иринарха (XVII в.) рассказывалось, что в г. Переяславе лежал большой камень, которому поклонялись жители. Когда же Иринарх приказал этот камень зарыть, бес озлобился и наслал на него „трясовичную“ болезнь.

Имеется указание, что у белорусов существовал обычай класть на камни деньги, холсты, пояса и другие приношения, которые потом поступали в пользу церкви. В Тамбовской губ. был почитаемый камень, охранявший от зубной боли; чтобы ее унять, камень грызли больными зубами¹.

К обожествленному камню обращались за излечением от болезней и приносили ему при этом жертвы. Любопытно и само наименование камня — Пестун, т. е. нянька. Слово это — сравнительно позднее, в летописи оно не встречается; это, повидимому, позднейшее осмысление древнего обожествленного камня. В свете приведенных фактов в идоле Себежского музея под названием Пестун можно видеть реликт древних языческих верований.

¹ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II, 1868, стр. 359—360.

Существование в Вышгороде мощной оборонительной системы хорошо известно по письменным свидетельствам. В летописях описывается, как соединенное войско, состоявшее из отрядов более 20 русских князей, безуспешно осаждало Вышгород в течение девяти недель¹. Вышгородские окольный город (острог), стены и забрала упоминаются в „Сказании о Борисе и Глебе“, в Ипатьевской летописи и в других источниках².

В настоящее время от древних укреплений сохранились только оплывшие валы и рвы. Лишь на одном участке, в западной части детинца, вал сохранился на значительную высоту (более 6 м).

Раскопки вала в западной части детинца в 1935 и 1937 гг. выяснили, что в основе его лежит деревянная конструкция, состоявшая из березовых срубов (примерно 2 × 4 м), расположенных вдоль вала³. Срубы оказались забитыми глиной, не содержащей культурных остатков.

Повидимому, не вся оборонительная система Вышгорода была одинаковой конструкции, так как на другом участке, в юго-восточной части городища, со стороны ската к Днепру, вал, как показали раскопки, не имел деревянной конструкции, а состоял только из слоев насыпной земли и глины⁴.

Деревянная конструкция вала в западной части детинца была вскрыта не под самым гребнем, а несколько восточнее, т. е. под внутренним склоном вала. Естественно было предположить, что конструкция вала имеет в данном случае несколько рядов клетей, причем срубы, вскрытые раскопками, представляют собой лишь тыльный ряд клетей. Прорезка вала в 1952 г. показала, однако, что в основе существующего вала, под его гребнем, расположена другая деревянная конструкция, не связанная с той, которая была раскопана в 1935—1937 гг.⁵

Оказалось, что в основе Вышгородского вала находится срубная конструкция, состоящая из лицевой продольной и из поперечных стенок (рис. 79—7). Продольная стенка расположена приблизительно под гребнем вала. Дерево хорошо сохранилось лишь в продольной стенке; в поперечной, к тыльной стороне вала, сохранность хуже, а на расстоянии около 2,8 м от места пересечения поперечная стенка перестает прослеживаться. Повидимому, второй продольной стенки в конструкции нет, так как никаких следов ее не обнаружено. Таким образом, образующие костяк вала клетки, повидимому, не замкнутые четырехстенные, а каждая состоит из трех стен.

Характерная особенность деревянной конструкции Вышгородского вала заключается в том, что она сооружена не из отдельных срубов, а из сплошной стены, бревна которой соединяются друг с другом по длине путем врубки их „внахлестку“ в поперечные стенки конструкции.

Все сооружение сделано из дубовых бревен. Наибольшая их сохранившаяся толщина 0,15 м. Врубки выполнены „в обло“ с остатками, длиной до 0,5 м.

Забивка вала состоит из чрезвычайно плотной зеленовато-коричневой глины с мелкими пятнистыми включениями и прослойками серой земли. В забивке встречается много мелких кусочков белой извести и пятен черного гумуса, изредка попадаются куски древнего кирпича

¹ Ипатьевская летопись, 6682 (1174 г.).

² Д. И. Абрамович. Жития св. мучеников Бориса и Глеба. Пг., 1916, стр. 65; Ипатьевская летопись, 6623 (1115 г.), 6680 (1172 г.) и др.

³ Размер срубов указан в работе Б. А. Рыбакова („Ремесло древней Руси“, М., 1948, стр. 511); по данным В. И. Довженка, срубы имели в длину 5 м (см. В. И. Довженко. Обзор археологического изучения древнего Вышгорода за 1934—1937 гг. Археология, т. 3, Київ, 1950, стр. 81).

⁴ См. В. И. Довженко. Археология, т. 3, стр. 81.

⁵ В изучении Вышгородского вала автору помогала К. В. Павлова.

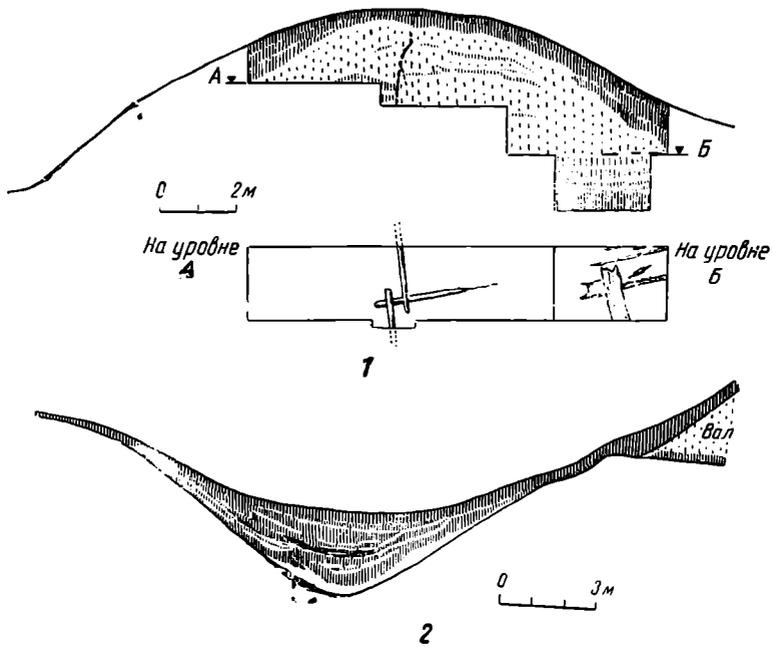

Рис. 79. Прорезка вала (1) и рва (2) в Вышгороде.

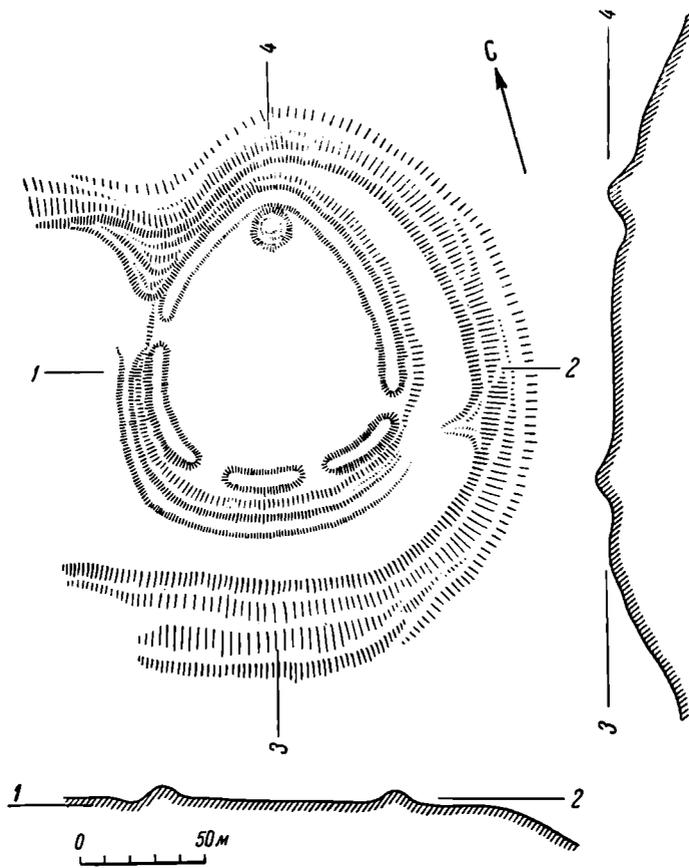

Рис. 80. План и профиль городища у с. Мацковцы.

(толщиной 4 см), мелкие кусочки красного шифера и известкового раствора с цемянкой. Найдены также черепки керамики X—XI вв., отчасти, повидимому, и XII в.

С тыльной стороны вала, на глубине около 4 м от его вершины, обнаружено несколько обгорелых досок, лежавших перпендикулярно оси вала, а поперек этих досок — широкая необгорелая доска. Ниже досок забивка вала приобретает несколько иной характер — глина более темная и менее плотная. Под гребнем вала, на глубине около 2,5 м, забивка также менее плотная, глина включает больше гумуса.

На глубине около 4,5 м от вершины вала начинается слой серой гумусированной глины с включениями мелких угольков и кусочков сгнившего дерева. Слой этот, толщиной около 0,3 м, повидимому, являлся до постройки вала дневной поверхностью, под ним начинается материковая синевато-серая глина.

Передний склон вала имел прямой спад под углом в 30—35° к горизонту. На заднем склоне четко видны ступеньки, высотой приблизительно по 0,5 м.

Выполненная в 1952 г. прорезка рва показала, что ров был вырыт в материковом грунте: в верхних слоях — в лёссовидном суглинке, а ниже — в серой глине. На дне рва и на его стенках, в нижней их части, отмечены заплывы материковой глины, которые отличаются от нетронутого материка лишь наличием включений — мелких угольков, камней и прослойки гумуса. Отделить эти заплывы от первоначальных стенок рва не всегда можно. Ров имел симметричный профиль с прямыми стенками; наклон их примерно в 35° к горизонту (рис. 79—2). Дно рва слегка скругленное, хотя это скругление, возможно, результат запыла и первоначальный профиль мог быть и треугольным. Выше ров заполнен гумусированной глиной, землей, камнями, прослойками угля и пр. Общая глубина его от поверхности материка 4,7—5 м, ширина — около 16 м.

Вал был сооружен не на самом краю рва, а имел горизонтальную площадку — берму, шириной около 1 м. У переднего края вала под насыпным слоем на этой берме хорошо виден выход культурного слоя мощностью 24 см, уходящего под основание вала. В культурном слое найдены фрагменты керамики, относящейся к X—XI вв., а частично и к XII в.

Наличие в основании Вышгородского вала керамики, относящейся к XI в., быть может, даже еще несколько более поздней, а также фрагментов строительных материалов, повидимому, связанных с частичным разрушением Борисоглебского храма в 70—80-х годах XI в.¹, дает основание утверждать, что вал в Вышгороде был построен не раньше чем в конце XI в., а более вероятно — в XII в.

Не совсем ясно, что представляли собой доски в тыльной части вала, — остатки какой-нибудь специальной конструкции или случайный завал. Не удалось также выяснить соотношение между конструкцией вала, раскопанной в 1952 г. и вскрытой в 1935 г. Очень вероятно, что срубная конструкция, обнаруженная раскопками 1935 г., представляет собой остатки более раннего вала, который в XII в. был частично срыт при возведении новой оборонительной линии.

Одной из чрезвычайно своеобразных особенностей Вышгородского вала является система соединения срубов, составляющих его конструктивную основу, в одну сплошную стену путем врубки бревен лицевой стенки, „внахлестку“. Подобное соединение известно еще в двух памятни-

¹ О времени обрушения верхних частей Борисоглебского храма см. М. К. Каргер. К истории киевского зодчества XI в. СА, XVI, стр. 84.

ках древнерусской фортификации — в Райковецком городище и в Колодяжине. Замечательно, что оба укрепления, как и Вышгородский вал, относятся к XII в. Во всех укреплениях, относящихся к XI или к концу X в., применялась другая конструктивная система, состоящая из отдельных срубов, расположенных рядом. Есть основание предполагать поэтому, что такая разница в конструкции отражает определенный этап в развитии русского военно-инженерного искусства — переход от системы отдельных срубов к связанным.

Повидимому, конструкция укреплений древнего Вышгорода — характерный пример русских фортификационных сооружений XII в.

СНЕПОРОД

Близ села Мацковцы Лубенского района Полтавской обл. находится хорошо сохранившееся городище, расположенное на холме, возвышающемся над поймой р. Сулы¹ (рис. 80). Это городище давно уже привлекло внимание археологов. Еще в „Трудах XI Археологического съезда“ В. Г. Ляскоронский опубликовал схематический план и краткое описание, не высказав, однако, своего мнения относительно датировки². В 1948 г. городище было обследовано И. И. Ляпушкиным, определившим его как русское укрепленное поселение, целиком относящееся к домонгольскому периоду³. Ф. Б. Копылов отметил, кроме того, что оно, повидимому, является остатками города Снепорода, упоминаемого в русских летописях⁴.

Действительно, в „Списке русских городов“ среди киевских городов упоминается город Снепород: „а на Суле Снепород“⁵. В летописях несколько раз упоминается также и река с тем же названием — Снепород или Снопород⁶. Эта река, носящая в настоящее время название Слепород, впадает в р. Сулу как раз у городища. Таким образом, есть все основания считать городище у с. Мацковцы остатками древнерусского города Снепорода.

Городище расположено на мысу, около 30 м над уровнем р. Сулы. Занимает оно не всю площадку мыса, а только его среднюю, наиболее высокую и ровную часть и лишь с северной стороны вплотную подходит к краю мыса. С запада к нему примыкает плато коренного берега Сулы.

Городище округлой, слегка грушевидной, вытянутой к северу формы; размеры его площадки 108 × 85 м. Оно окружено валом. С западной и южной сторон, т. е. там, где городище дальше всего отстоит от склонов мыса, перед валом видны следы рва. В настоящее время вал имеет четыре проезда, но, повидимому, три из них позднейшего происхождения и лишь западный, возможно, является древним въездом.

Валы достигают около 4—5 м в высоту от уровня площадки, а на одном участке в западной части городища 5,5 м. Ров сохранился на глубину до 2 м.

На площадке самого городища и вокруг него, на плато и даже на склонах холма, встречен обильный подъемный материал, состоящий в основном из обломков древнерусской керамики и костей животных.

¹ В обследовании городища автору помогала М. Сотникова.

² В. Г. Ляскоронский. Городище, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы. Труды XI АС, т. I, стр. 415—416.

³ И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской левобережной экспедиции 1948 г. Архив ИИМК, стр. 86.

⁴ Ф. Б. Копылов. Посульская экспедиция. Археол. пам'ятки УРСР, т. III, стр. 310.

⁵ М. Н. Тихомиров. Список русских городов. Историч. зап., № 40, стр. 223 и 233.

⁶ Ипатьевская летопись, 6678 (1170 г.) и 6695 (1187 г.).

Там же были найдены мелкие кусочки красного шифера (пиррофилитовый сланец), шиферные пряслица и обломки стеклянных браслетов¹. Заложённые на площадке городища шурфы выявили культурный слой мощностью около 0,8 м, содержащий точно такой же материал. Здесь же был обнаружен обломок бронзового колокола.

Весь найденный на городище и вокруг него материал относится целиком к X—XIII вв.

Изучение керамики позволяет несколько уточнить хронологию укрепленного поселения. Несмотря на то, что вся керамика изготовлена на гончарном круге из хорошо отмученной глины и хорошо обожжена, некоторые ее особенности, в первую очередь профилировка сосудов, позволяют разделить собранный материал на несколько групп.

К первой группе относятся горшки с резким прямым отгибом венчика. Края венчика либо совершенно прямые, либо, что гораздо чаще, с манжетообразным загибом по наружной стороне сосуда. Ко второй группе относятся горшки, профиль венчика которых имеет более плавный отгиб и вместо наружного утолщения завернутый внутрь сосуда край венчика. Благодаря этому загибу, по краю венчика с внутренней стороны проходит рубчик, или, вернее, желобок. У некоторых сосудов первой группы с внутренней стороны венчика также заметен слегка заостренный выступ по краю, но только в сосудах второй группы это внутреннее утолщение имеет характер загиба.

Керамика первой группы, несомненно, типична для X—XI вв. Именно такого типа сосуды найдены в курганах, датируемых обрядом трупосожжения и монетами X в., в Гнездове, Чернигове, Шестовицах, в погребении дружинника под Десятинной церковью, в культурном слое под валом „города Ярослава“ в Киеве и т. д.² Керамика второй группы хорошо известна по ряду памятников, погибших во время монгольского нашествия, как, например, в многочисленных полуземляночных жилищах Киева, в Райковецком городище и др.³ Эта группа может датироваться XII—XIII вв.

Трудно сказать, когда именно вторая группа керамики сменяет первую, но в таком памятнике, как город Святополч (Витачёвское городище близ Триполья), основанный в последние годы XI в., обнаружена керамика только второй группы⁴.

На городище у с. Мацковцы встречается и керамика, соединяющая в себе характерные особенности обеих разобранных нами выше групп и составляющая, таким образом, как бы промежуточную группу. Венчики сосудов этой группы имеют манжетообразное утолщение с наружной стороны края и в то же время завернутый внутрь край, что создает с внутренней стороны венчика характерный желобок.

Расчленить керамику городища у с. Мацковцы по слоям не удастся, так как культурный слой довольно сильно перемешан. Однако типологические особенности третьей группы керамики позволяют считать ее переходной от первой ко второй группе и отнести приблизительно ко второй половине XI или началу XII в.

¹ Собранный за последние годы на этом городище подъемный материал хранится в Лубенском краеведческом музее.

² О датировке сосудов первой группы см.: И. И. Ляпушкин. Исследования Днепровской левобережной экспедиции 1947—1948 гг. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, стр. 298; В. А. Богусевич. Каневская археологическая экспедиция. Там же, стр. 150; Д. И. Блифельд. Исследования в с. Шестовицах. Там же, стр. 124; М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, рис. 65.

³ М. К. Каргер. Указ. соч., рис. 8, 25, 89 и др.; В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 118—119, табл. XXV.

⁴ П. А. Раппопорт. Обследование городищ в районе Киева в 1950 г. Археологія, т. VII, стр. 147.

Полное отсутствие среди находок лепных сосудов¹ и предметов, относящихся ко времени ранее X в., позволяет высказать предположение, что городище у с. Мацковцы было основано в конце X в. в числе „городов“, построенных при князе Владимире по р. Суле для защиты Киевской земли от кочевников. Однако укрепленные поселения X—XI вв. строились, как правило, в виде мысовых укреплений, планировка оборонительной системы которых была полностью подчинена конфигурации и рельефу мыса, на котором они располагались. Между тем городище у с. Мацковцы в плане округлой формы, явно не отвечающей конфигурации холма, и, таким образом, по типу планировки относится к значительно более позднему времени.

Действительно, прорезка вала городища в его юго-восточной части показала, что культурный слой заходит и под вал. Вал не имеет каких-либо специальных деревянных конструкций и насыпан из гумусированного лёсса и земли, очевидно взятых где-то поблизости. В земляной засыпке вала и в культурном слое под валом встречается довольно много фрагментов керамики, которая в основном относится к первой группе, но попадаются и фрагменты промежуточного типа. Таким образом, несомненно, что существующие валы городища были насыпаны не ранее второй половины XI в., а вероятнее даже в XII в.

Для укрепленных поселений XII в. наиболее характерна круглая в плане форма, не зависящая от конфигурации холма, на котором построено укрепление. Однако на Мацковецком городище в северной части мыса, повидимому, еще в X—XI вв. существовал колодец². Чтобы включить его в территорию укрепления, пришлось пожертвовать геометрической правильностью плана и придать укреплению грушевидную форму. Поскольку оборонительный вал в северной части городища оказался на самом краю мыса, склон холма на этом участке был подрезан для придания ему большей крутизны.

Валы X—XI вв. при постройке новой системы обороны были, вероятно, скрыты, так как никаких их следов на городище не обнаружено.

Крайне незначительный размер городища и сравнительно небольшая площадь расположенного рядом селища, несомненно, свидетельствуют о том, что Снепород был „городом“ только в древнерусском смысле этого слова, т. е. был укрепленным поселением. Поселение, вероятно, представляло собой феодальный замок, имевший характер пограничной крепости для охраны южной границы Руси.

Судя по тому, что на городище не обнаружено предметов, явно относящихся ко времени позже XIII в., поселение в это время прекратило свое существование. Однако Снепород упоминается не только в „Списке русских городов“, составленном, повидимому, в конце XIV в.³, но и в ярлыке Менгли-Гирея, датированном уже 1506 г.⁴

Возможно, что керамика, обнаруженная на городище и датированная XII—XIII вв., в действительности продолжала бытовать без существенных изменений и в XIV в., однако нет основания продлевать время ее бытования вплоть до XVI в. Поэтому вопрос, где находился и что представлял собой город Снепород в XIV—XV вв., пока остается открытым.

¹ На городище у с. Мацковцы найден лишь один фрагмент лепной керамики с ямочным орнаментом, чрезвычайно близкий ямочно-гребенчатой керамике средне-русского неолита.

² В настоящее время остатками этого колодца является круглая впадина правильной воронкообразной формы, диаметром 18 м и глубиной 4,25 м.

³ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 218.

⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. 2. СПб., 1848, стр. 4. В ярлыке Менгли-Гирея город называется Снепорож.

Е. С. ЩУКИНА

ФЕДОР АЛЕКСЕЕВ — РУССКИЙ МЕДАЛЬЕР И МЕХАНИК НАЧАЛА XVIII ВЕКА

В дореволюционной искусствоведческой литературе прочно установилось мнение, что медальерное искусство в России было одним из новшеств, введенных Петром I при помощи исключительно иностранных мастеров. Вопрос о русских медальерах начала XVIII в. никогда не ставился и первыми русскими медальерами считались С. Юдин и Т. Иванов, чьи имена стоят на медалях середины и второй половины XVIII в.

Действительно, более ранние медали с подписями русских мастеров неизвестны. Однако простое знакомство с ранними петровскими монетами 1700-х годов, продолжающими традиции русского медальерного искусства второй половины XVII в., убеждает в несостоятельности установившегося мнения, а изучение архивных материалов открывает имена русских мастеров-медальеров, работавших в начале XVIII в. Среди них наиболее интересен медальер и механик Федор Алексеев.

Алексеев работал на находившемся в ведении Адмиралтейской канцелярии монетном дворе, устроенном в 1701 г. в Москве, в Замоскворечье, в зданиях бывшего ткацкого (Хамовного) двора. Хамовный (он же Кадашевский, или Военно-Морской, или Адмиралтейский) монетный двор был не единственным, но в течение ряда лет ведущим в области внедрения новой техники производства монет и медалей. На нем началась чеканка крупной серебряной монеты и первых медалей петровского времени.

История Адмиралтейского монетного двора известна благодаря многочисленным документам, сохранившимся в архиве Морского министерства, в делах Адмиралтейской канцелярии и в делах графа Ф. М. Апраксина. Представление о содержании этих дел дает изданное в 1877 г. „Описание дел Архива Морского министерства“, где вскользь названо и имя Алексеева¹.

Впервые Федор Алексеев упоминается в делах за 1707 г., касающихся выплаты ему годового жалования (челобитные). В них есть сведения о поступлении его на монетный двор в 1701 г., о его сотрудниках, о выполненных им дополнительных работах, назван также ряд его произведений за прошлые годы. О ведущем положении Алексеева на монетном дворе свидетельствует его высокий оклад (около 200 руб. в год), значительно превышавший жалование многих

¹ Описание дел Архива Морского министерства с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1877, тт. I—II.

медальеров-иностранцев. Последние упоминания об Алексееве относятся к 1710 г. В документах конца XVII—начала XVIII в. имена иностранцев переименовывались иногда на русский лад, но относительно происхождения Алексеева в выписке к челобитной 1710 г. сказано: „На монетном денежном дворе, монетных и денежных чеканов и на деле медалей разных стемпелей резного дела мастер русский Федор Алексеев“.

Алексеев был не только резчиком монетных и медальных штемпелей и пробирных клейм. Он участвовал в оснащении монетного двора новой техникой и сам сделал гуртильный станок, „коим изображаются по ребру медных денег литеры“. Он много занимался токарной работой и в 1710 г. точил медные круги для токарного станка Петра I. Петр

Рис. 87. Ф. Алексеев. Медаль на взятие Шлиссельбурга (золото). Хранится в Государственном Эрмитаже.

интересовался Алексеевым, лично проводил испытание его гуртильного станка и именным указом произвел прибавку к его жалованию.

Изучая петровские медали и монеты 1701—1710 гг., а также принимая во внимание сведения, содержащиеся в челобитных Алексеева за эти же годы, можно установить круг его медальерных работ.

В 1709 г. Алексеев пишет, что им в прошлом были сделаны штемпели медалей „на нововзятые города“ и „о взятии на море неприятельской шведской баталии“, а в челобитной 1708 г. упоминается об изготовлении Алексеевым штемпелей для рублевиков 1704 г. — первого года чеканки рублевой монеты при Петре I.

В память о морских сражениях во время Северной войны чеканено несколько медалей, но среди выпущенных до 1709 г. известна только одна — в память взятия в 1703 г. шведских судов — шнявы „Астрель“ и адмиральского бота „Гедан“. Медаль, с русской надписью: „Небываемое бывает“¹, резко выделяется среди других петровских медалей стилистически, не имеет подписи медальера и считается работой неизвестного мастера. Портрет юного Петра в кирасе, украшенной арабесками, ничем не отличается от портрета на рублевиках 1704 г., о работе над которыми пишет сам Алексеев.

Такой же портрет, как на предыдущей медали и на рублевиках, находится на другой неподписной медали — в память взятия в 1702 г.

¹ Ю. Иверсен. Медали на деяния императора Петра Великого. СПб., 1872, стр.13, № XV, табл. VII, № 5.

„нововзятого города“ Шлиссельбурга, с русской надписью: „Был у неприятеля 90 лет“ (рис. 81)¹. Изображение на оборотной стороне в стилистическом отношении чрезвычайно близко к изображению на медали в память взятия двух судов. В обоих случаях нет ни аллегорических фигур, ни планов крепостей, ни перегруженности деталями, столь свойственных штемпелям, выполненным иностранными медальерами той поры. На шлиссельбургской медали, известной в двух вариантах, изображен момент бомбардировки стоящей на острове посреди Невы крепости, к которой стремятся лодки с осаждающими. На второй медали изображены два корабля, окруженные лодками. Характерна широкая перспектива, взгляд несколько сверху и динамичность изображения в отличие от статичных композиций иностранных мастеров. Сходство в манере изображения и в деталях (например, одинаковый рисунок лодок) рассматриваемых двух медалей позволяет приписать и последнюю Алексееву, тем более что все другие известные медали на взятие городов (Нарва; Азов) либо подписные, либо существенно отличаются по стилю.

Тот же портрет Петра I, что и на рублевиках 1704 г., помещен на полтинах и четвертаках того же года, на рублевиках и многих полтинах 1705 г.

Кроме названных памятников медальерного искусства (две медали, а также многие монеты 1704—1705 гг.), имеются предметы, вопрос об авторстве которых никогда не ставился. Это золотые дарственные, так называемые „крестильные“ рублевика и полтины 1702 г. По изображениям на лицевой и оборотной сторонах (тот же тип портрета, орел, близкий рублевику 1704 г.) и по характерному шрифту они ближе всего работам Алексеева. Одним из признаков принадлежности их штемпелей Алексееву может служить своеобразная эпиграфика всех перечисленных памятников, с квадратным „С“, разделением слов значками в виде крестиков и т. д. Алексеев работал „со своими снастями“, а следовательно, со своим набором пунсонов. На рублевиках и крестильных рублях 1702 г. интересен тип двуглавого орла, напоминающий рисунком русскую деревянную резьбу, в частности пряничные доски и доски для набоек,

Таким образом, можно определить группу монетных и медальных штемпелей, принадлежащих Федору Алексееву, который пришел на Московский адмиралтейский монетный двор в год его открытия как зрелый мастер, а не как ученик иностранных медальеров и работал здесь все первое десятилетие XVIII в. Можно предполагать, что работа Алексеева на монетном дворе прекратилась около 1710 г., так как среди медалей и монет второго десятилетия XVIII в. уже не встречается каких-либо аналогий с упомянутыми выше произведениями.

¹ Ю. Иверсен. Медали на деяния императора Петра Великого. СПб., 1872, стр. 11, № XIII; табл. III, № 6.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ВУАК — Всеукраинский археологический комитет
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества любителей истории и древностей
ЗОРСА — Записки отделения русско-славянской археологии Русского археологического общества
ИАК — Известия археологической комиссии
КИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МОИИМК — Московское отделение Института истории материальной культуры
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СОПС — Совет по изучению производительных сил АН СССР
ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

	Стр.
<i>Л. Ю. Янитс.</i> Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР	3
<i>В. А. Ильинская.</i> Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы (по раскопкам И. А. Линниченко)	24
<i>В. Л. Янин.</i> Свинцовая крышка с тайнописью из Новгорода	42

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>В. П. Любин.</i> Палеолитические находки в Юго-Осетии	49
<i>А. А. Формозов.</i> Исследования стоянок каменного века в Крыму в 1952 году . .	62
<i>А. А. Щепинский.</i> Новые сборы на палеолитических стоянках в окрестностях Симферополя	71
<i>Г. А. Чернов.</i> Новые археологические находки в Большеземельской тундре . .	76
<i>П. П. Хороших.</i> Неолитическое погребение на реке Кае (окрестности г. Иркутска)	83
<i>А. Н. Липский.</i> Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи (Хакассия)	89
<i>А. О. Мнацаканян.</i> Находки предметов бронзового века в селении Толорс (в Зангезуре) Армянской ССР	99
<i>Б. А. Шрамко.</i> Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца	105
<i>И. Н. Цицишвили.</i> Гробница у станции Мцхета	116
<i>Р. М. Вацлов.</i> Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур)	127
<i>Г. А. Пугаченкова.</i> Буддийская кумирня в Мерве (из работ архитектурного отряда ЮТАКЭ)	140
<i>Е. А. Шмидт.</i> Раскопки длинных курганов в Смоленской области	147
<i>Е. И. Горюнова.</i> Мерянский могильник на Рыбинском море	153
<i>А. Л. Якобсон.</i> Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму . . .	164

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

<i>Н. С. Гасюк.</i> Разведки раннетрипольских поселений у с. Могильна	173
<i>Ф. Д. Гуревич.</i> Каменные идолы Себежского музея	176
<i>П. А. Раппопорт.</i> Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII века	180
<i>Е. С. Щукина.</i> Федор Алексеев — русский медальер и механик начала XVIII века	187
Список сокращений	190

*Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*
Технический редактор *Е. Д. Гракова*
Корректор *А. В. Утина*

*

РИСО АН СССР № 51-46В. Т-04096. Издат. № 412.
Тип. заказ № 1067. Подп. к печ. 29/VI 1954 г. Формат
бум. 70 × 108/16. Печ. л. 16,44. Уч.-изд. л. 15,9.
Тираж 1800.

Цена по прейскуранту 1952 г. 9 р. 50 к.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 лин., д. 12